

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (37) 2020

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (37) 2020

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2020
© Tomsk State University, 2020

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (37) 2020

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2020
© Томский государственный университет, 2020

CONTENTS

No 2 (37) 2020

Olga V. Dyakova, Elena V. Sidorenko. Correlation and dynamics of archaeological cultures of Primorye (from the paleometal period to the early middle ages).....	7
Aida I. Egorova, Valentina N. Tuguzhekova, Nadejda G. Kanzychakova, Zinaida Ye. Kaskarakova. The gender stereotypes of the Khakass and the Yakut paremias	17
Karina O. Mishchenkova. Reflections of the Proto-Evenki *s in the Evenki dialects in the second half of the 18 th century	31
Sergei G. Tatevosov. On the meaning of the Iterative in Nenets	58
Idaliya V. Fedotova. Polysemy in the Samoyed core lexicon lists and language contacts	77

PERSONALIA

Aleksei Ye. Zagrebin. August Ahlqvist: difficulties of ethnolinguistic transition	114
Style sheet	124

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (37) 2020

О. В. Дьякова, Е. В. Сидоренко. Корреляция и динамика археологических культур Приморья (от эпохи палеометалла к раннему средневековью)	7
А. И. Егорова, В. Н. Тугужекова, З. Е. Каскаракова, Н. Г. Канзычакова. Гендерные стереотипы в хакасских и якутских поговорках	17
К. О. Мищенко. Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка во второй половине XVIII в.	51
С. Г. Татевосов. О семантике ненецкого Итератива	58
И. В. Федотова. Полисемия в списках самодийской базисной лексики и языковые контакты	77

ПЕРСОНАЛИИ

А. Е. Загребин. Август Альквист: трудности этнолингвистического перехода	114
Требования к оформлению статей	124

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Корреляция и динамика археологических культур Приморья (от эпохи палеометалла к раннему средневековью)

Дьякова Ольга Васильевна, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток); emelianova49@mail.ru
Елена Валериевна Сидоренко, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток); sidoriha3@yandex.ru

В работе анализируется динамика культурных процессов в Приморье в широком хронологическом диапазоне: эпоха палеометалла — раннее средневековье. Рассматривается проблема перехода от древних культур к средневековым; устанавливается связь и преемственность археологических культур эпохи раннего металла (лидовская, янковская, кроуновская, польцевская) и средневековья (мохэская, смольнинская). Одним из факторов, влияющих на культурные процессы в регионе, выступает его относительная изоляция, что приводит к длительному сохранению археологической культуры, способствует созданию разнокультурных сообществ. В результате проведенных исследований выяснилось, что носители лидовской культуры обитали в северо-восточном Приморье до I—II вв. н. э.; носители янковской культуры, придя в регион, потеснили на север лидовское население и частично его ассимилировали; контакт янковцев с кроуновцами привел к сложению янковско-кроуновского сообщества; контакт носителей кроуновской и польцевской культур в начале I тыс. н. э. трансформировался в смольнинскую культуру; носители польцевской культуры дожили до эпохи раннего средневековья, вступили в тесный контакт с сумо мохэ, оставив после себя благословеннинскую и найфельдскую группы памятников мохэской культуры; устойчивое самостоятельное развитие традиций фиксируется в троицкой группе памятников мохэской культуры, сопоставляемой с племенем хэйшуй мохэ.

Ключевые слова: археологическая культура, лидовская, янковская, кроуновская, польцевская, мохэская, смольнинская, Сихотэ-Алинь, Приморье

CORRELATION AND DYNAMICS OF ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF PRIMORYE (FROM THE PALEOMETAL PERIOD TO THE EARLY MIDDLE AGES)

Olga V. Dyakova, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok); emelianova49@mail.ru
Elena V. Sidorenko, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok); sidoriha3@yandex.ru

Dynamics of cultural processes in Primorye is analyzed in a wide chronological range: from Paleometal Epoch to the early Middle Ages. The problem of transition from ancient cultures to the medieval is considered; connection and continuity of archaeological cultures of Paleometal Epoch (Lidovskaya, Yankovskaya, Krounovskaya, Poltsevsckaya) and the Middle Ages (Moheskaya, Smolninskaya) is established. One of the factors influencing cultural processes in region, its relative isolation that leads to long preservation of archaeological culture acts, promotes creation of multicultural communities. As a result of the spent researches it was found out that population of Lidovskaya cultures lived in North-East Primorye up to the 1st—2nd centuries AD; population of Yankovskaya culture, having come in the region, have pressed on the north population of Lidovskaya culture and partially assimilated it; contact between Yankovskaya and Krounovskaya cultures has led to their merging into Yankovsko-Krounovsky communities; contact between Krounovskaya and Poltsevsckaya cultures in the 1st millennium AD resulted in Smolninskaya culture; population of Poltsevsckaya culture have lived till an epoch of the early Middle Ages, have entered close contact with Sumo Mohe, having left after itself in Blagoslaveninskaya and Naifeldskaya groups of Moheskaya culture, created subsequently the state Bohai; steady independent development of traditions is fixed in Troitskaya group of Moheskaya culture.

Keywords: archaeological culture, Lidovskaya, Yankovskaya, Krounovskaya, Poltsevsckaya, Moheskaya, Smolninskaya, Sikhote Alin, Primorye

Этнокультурные контакты населения Евразии — одна из важнейших фундаментальных проблем в гуманитарной науке, базирующаяся на корреляции лингвистических, археологических, этнографических, исторических источников. Положительные результаты комплексного междисциплинарного подхода получены для большинства евразийских территорий [Дыбо 2007: 223; Кожин 2007: 345; Кызласов 2011: 252]. Дальний Восток из-за неравномерной изученности источников оказался в более сложной ситуации. В первую очередь это касается археологических культур. В приморской археологии проблема перехода от древних культур к средневековым до последнего времени не только не решалась, но не была даже поставлена, хотя она является ключевой для определения этапов освоения территории разными этносами. Задача данной работы — выполнить корреляцию и синхронизацию археологических культур эпохи раннего металла (лидовская, янковская, кроуновская, польцевская) и установить связь и преемственность их со средневековыми культурами Приморья — мохэской, смольнинской.

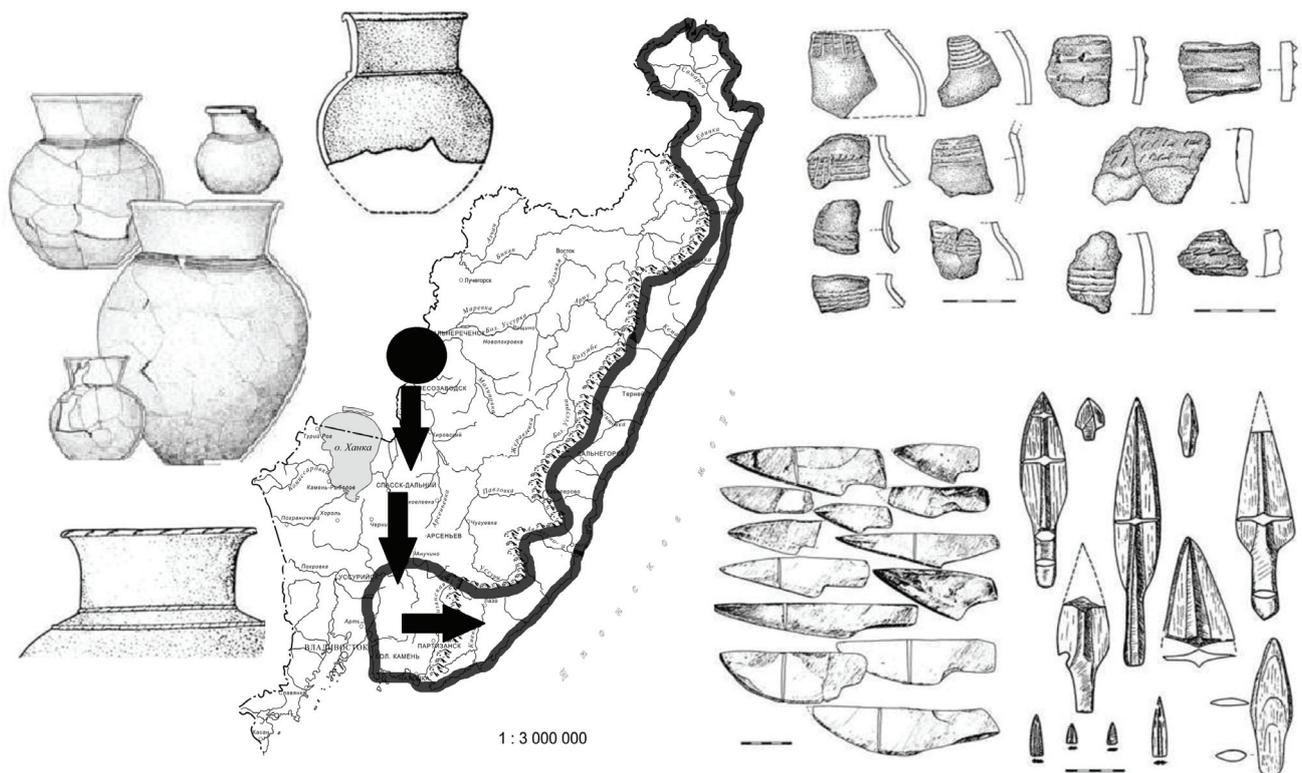

Рис. 1. Лидовская культура

Базовой археологической культурой эпохи раннего металла в исследуемом регионе является лидовская культура, выделенная в 70-х годах XX в. В. И. и О. В. Дьяковыми и включающая несколько групп: пхусунскую, тетюхинскую, ахобинскую [Дьяков 1983: 26—64; Дьяков 1989: 134—172; Дьяков 1999: 42], куналейскую [Дьякова, Сидоренко 2002: 5—47; Сидоренко 2007: 91—110]. Ядро культуры составляет ахобинская группа. Именно это население, придя в юго-восточную часть Приморья к основанию «сихотэ-алинского мешка», начало свое продвижение на север вдоль побережья и вступало в контакт с аборигенами (носителями пхусунской и тетюхинской групп памятников), частично или полностью их ассимилировало и в итоге оформилось в лидовскую культуру. По мнению В. И. Дьякова, «...культура имела все основные признаки к тому моменту, когда ее носители находились в южной части Сихотэ-Алия. Иными словами — основное формирование культуры происходило не на северо-западном побережье Японского моря» [Дьяков 1989: 219]. В качестве рабочей гипотезы в поиске «прародины» лидовцев исследователь предложил обратить внимание на континентальные районы от оз. Ханка до Амура [Дьяков 1989: 219—220], что подтверждено дальнейшими исследованиями [Сидоренко 2015: 193—200]. Первоначально маршрут продвижения шел через центральные районы Приморья на юг, а затем на север вдоль побережья, где завершилось ее окончательное формирование. Время существования лидовской культуры в регионе определяется X в. до н. э. — I—II вв. н. э.

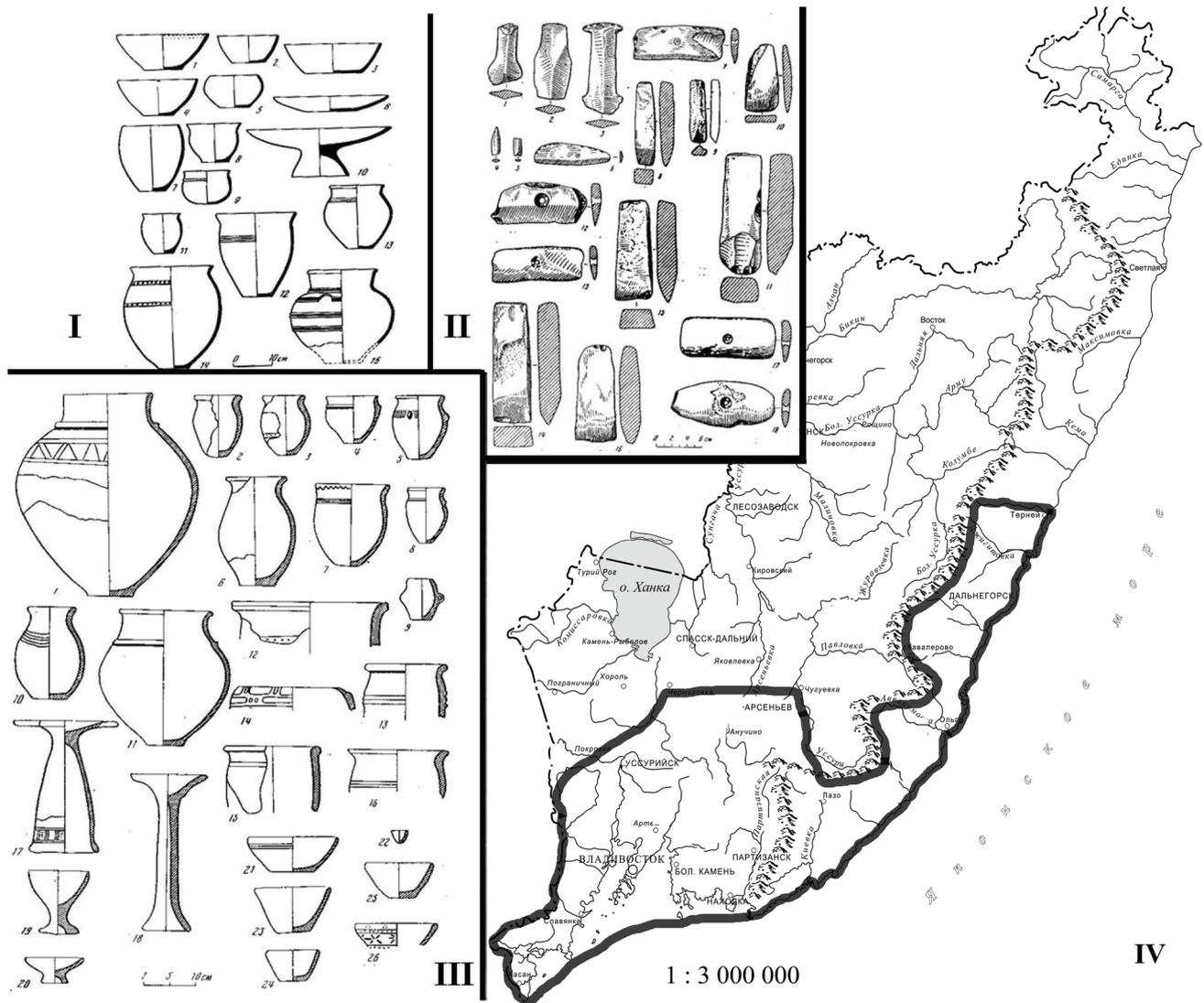

Рис. 2. Янковская культура

Первоначально носители янковской культуры занимали южное и юго-западное Приморье. Хозяйство янковцев ориентировано на использование морских экоресурсов, о чем свидетельствуют мощные раковинные кучи, обнаруженные при раскопках на поселениях. Данная территория принадлежала янковцам до рубежа эр и, вероятно, даже позднее. Центральные районы Приморья стали зоной контакта различных племен, что определило специфику континентальных янковских памятников. И если первоначально янковские памятники сохраняли свой оригинальный облик — поселение Олений пункт Г (VIII в. до н. э.), то в дальнейшем под действием контактов и частичного изменения хозяйственного уклада они трансформировались в «оленинский вариант» янковской культуры — поселение Олений пункт А (III—I вв. до н. э.) [Бродянский 1983: 65—113; Бродянский 2013]. Контакты с появившимися здесь ранее лидовцами привели к возникновению лидовско-янковских памятников — Новогордеевское городище (жилища эпохи палеометалла), поселение Анучино 1 (нижний слой), поселение Рисовое 1 (верхний слой). С VII—V вв. до н. э. носители янковской культуры начинают проникать в северо-восточное Приморье и вступать в контакт с обосновавшимися здесь лидовцами. Их взаимоотношения носили различный характер: от ассимиляции и вооруженного конфликта до мирного сосуществования и сложения новых сообществ. Специфика юго-восточных янковских памятников (валентиновская группа и др.) объясняется почти полной ассимиляцией лидовцев, так как лидовские черты сохранились только в виде рудиментов [Дьяков 1984: 49—71]. Сложение новых культурных традиций зафиксировано в памятниках куналейской группы, в которых происходит наслаивание янковской гончарной традиции на лидовскую [Дьякова, Сидоренко 2002: 5—47; Сидоренко 2007: 91—110]. Мирное сосуществование прослеживается по появлению в коллекциях лидовских памятников янковских вещей или изделий, выполненных по новым образцам, — чаша

с овальным дном на поселении Благодатное 3, орнамент в виде наклепной шишечки в материалах памятников Круглая долина, Мыс Страшный, Ветроудй. В этом случае можно говорить об инокультурном влиянии при сохранении исходной традиции. Янковцы являлись прекрасными мореходами, поэтому один из миграционных маршрутов был морским и пролегал вдоль побережья. Лидовцы вынуждены были в стратегически важных местах побережья строить городища для защиты от янковского вторжения с моря. Этот процесс выявлен О. В. Дьяковой, доказавшей, что самым древним типом городищ являются мысовые укрепления эпохи раннего металла, появляющиеся в конце I тыс. до н. э. в лидовской культуре [Дьякова 2005: 86—91; Дьякова 2009: 209—212, рис 135].

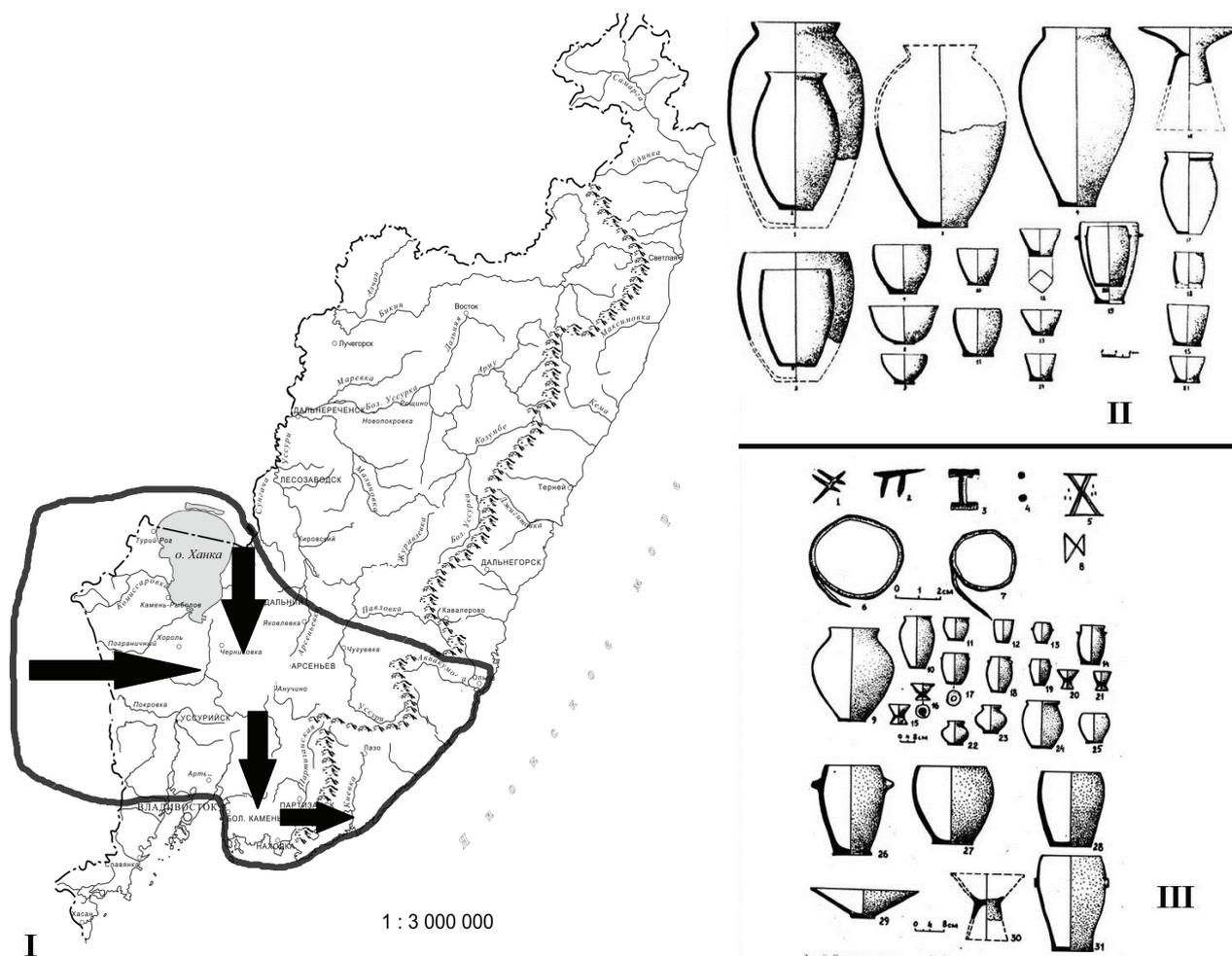

Рис. 3. Кроуновская культура

В VI—V вв. до н. э. из Маньчжурии и с приханкайской равнины (культура туаньцзе) в Приморье мигрировали носители кроуновской культуры. Они селились крупными поселками, занимались земледелием, скотоводством. На памятниках кроуновской культуры впервые в Приморье зафиксирована канальная отопительная система. Изменение в III в. до н. э. климата (многолетние засухи) и выработка почвенных ресурсов вынудили кроуновцев искать новые места обитания на юге и юго-востоке [Вострецов 2010: 29—34]. Другой причиной миграции кроуновцев на юг стало продвижение с территории Амура польцевского населения, которое в IV—III вв. до н. э. сумело обосноваться на севере Приморья (памятник Глазовка-городище). При продвижении кроуновцы, в первую очередь, вступали в контакт с янковским населением. В результате этого появляются янковско-кроуновские памятники (поселение Анучино 1 (верхний слой)). Однако занять прибрежную юго-западную территорию Приморья кроуновцам не позволили янковцы, заставив их двигаться в восточном направлении. Стратиграфия и радиоуглеродное датирование памятников южного и юго-восточного Приморья (поселение на острове Петрова, поселение Киевка) свидетельствуют, что в конце I тыс. до н. э. и на рубеже эр эту территорию продолжали занимать янковцы, а в первых веках н. э. на ней уже обитали кроуновцы (поселение Киевка, юго-восточное Приморье, Лазовский район 1980 ± 50 л.н. (МАГ 367); 1820 ± 80 л.н. (ЛЕ 4184)) [Кузьмин и др. 2003: 160].

Кроуновские поселения севернее Лазовского района (юго-восточное Приморье, поселение Сокольчи) пока не зафиксированы, но контакты кроуновцев с аборигенным янковским и лидовским населением выявлены. К янковско-кроуновским комплексам относятся верхний слой памятника Пьяный ключ [Дьяков 1984: 58—61] и гончарная мастерская памятника Синие Скалы (раскоп 2, 1963 г.) [Сидоренко 2003: 93—96]. Причем контакт носил, видимо, мирный характер, поскольку позволял янковцам перенимать традиционные гончарные приемы кроуновцев. На поселении Ветроуды, позднем памятнике тетюхинской группы лидовской культуры (северо-восточное Приморье, Тернейский район) обнаружены высокие конусовидные пряслица, ближайшими аналогиями которым находятся в материалах кроуновского слоя поселения Олений А (южное Приморье) и янковско-кроуновского комплекса памятника Пьяный ключ (восточное Приморье, Кавалеровский район).

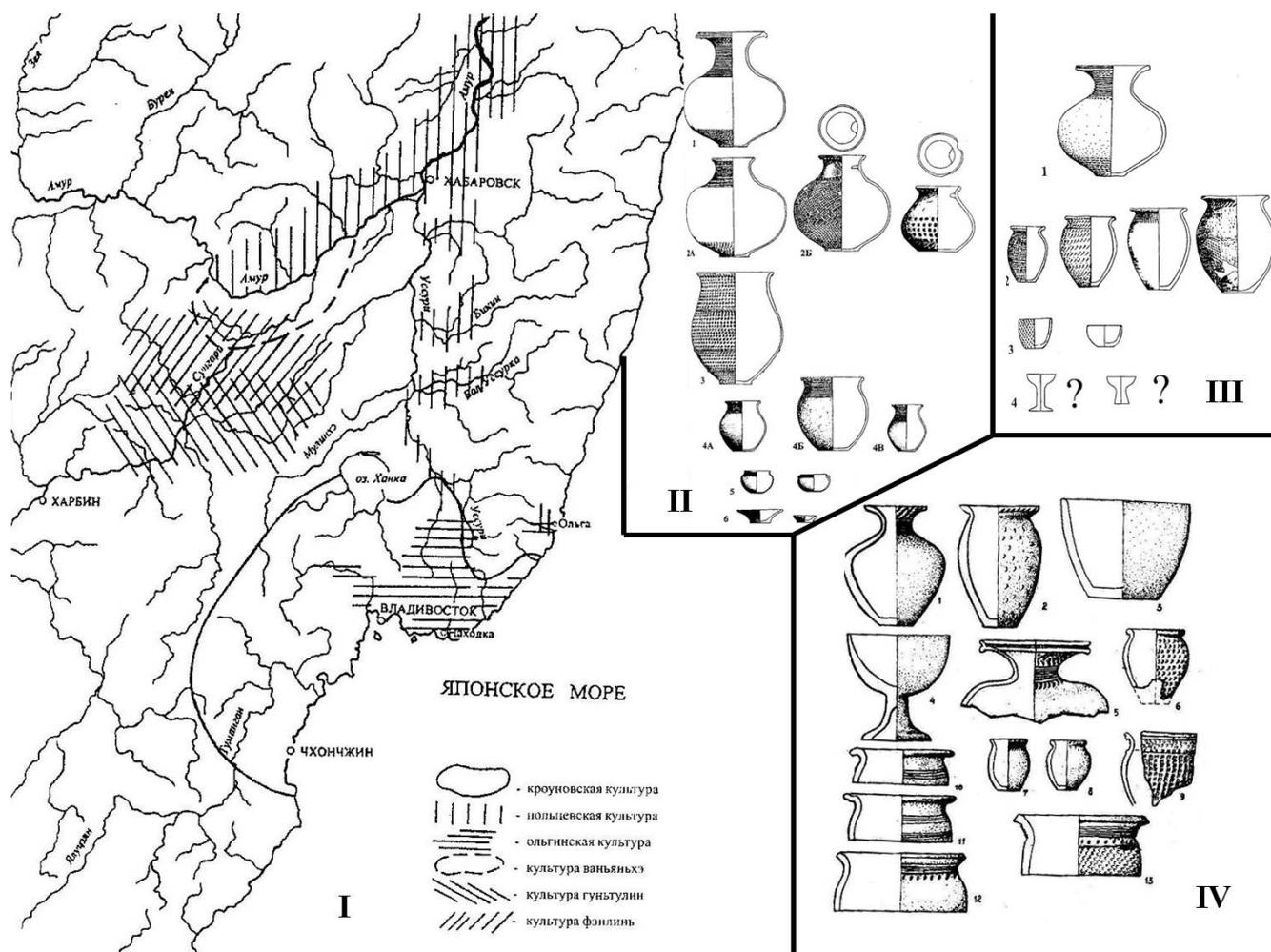

Рис. 4. Польцевская культура

Следующая миграционная волна в Приморье связана с носителями польцевской культуры, которые проникают в регион по северному речному коридору через р. Амур и далее по р. Уссури. Уже в IV—III вв. до н. э. часть польцевцев обосновалась на севере Приморья (памятник Глазовка-городище) [Коломиец 2005: 381—393; Хон Хён У 2008]. Продвижение на юг по р. Уссури и ее притокам шло по территории, ранее занимаемой носителями кроуновской культуры. Миграция польцевцев спровоцировала, в свою очередь, миграцию кроуновского населения, вынужденного покинуть обжитые места в поисках новых земельных угодий [Бродянский 1987: 174—194; Деревянко А. П. 1976; Коломиец 2005; Шавкунов 2017: 167—173]. Оставшееся кроуновское население было ассимилировано польцевцами. Археологически этот процесс выражается в появлении у приморских польцевцев новых типов посуды (конические чаши на поддоне, пароварки) и новых элементов в домостроительстве (кановая отопительная система). Процесс сложения польцевско-кроуновского сообщества завершился ко II—IV вв. н. э., о чем свидетельствуют радиоуглеродные датировки известных польцевских памятников Приморья [Шавкунов 2017: 169].

Польцевско-кроуновские контакты характерны не только для южного Приморья: в бассейне р. Сунгари на территории Китая аналогичные процессы зафиксированы в культуре фэнлинь (II—V вв. н. э.) [Коломиец 2005: 386—387; Хон Хён У 2008; Шавкунов 2017: 170]. Необходимо выяснить, имело ли место взаимовлияние польцевско-кроуновских культур Китая и Приморья или процессы развивались конвергентно. Неясно также, сколько было волн миграций польцевского населения в Приморье и какими маршрутами они проходили (пока прослежен только северный миграционный коридор из р. Амур по р. Уссури). Не установлено возможное сосуществование польцевско-кроуновских и чисто польцевских комплексов. В первые века н. э. польцевские памятники зафиксированы на юге Приморья у основания «сихотэ-алиньского мешка» и отмечено продвижение польцевцев на север вдоль побережья Японского моря, о чем свидетельствуют польцевские комплексы на поликомпонентном памятнике Синие Скалы (Ольгинский район) [Синие Скалы 2002]. В долине р. Самарга на крайнем северо-востоке Приморья В. И. Дьяковым выделена самаргинская культура [Дьяков 1984: 62—71], специфика которой, по высказанной устно идее исследователя, может заключаться в наложении польцевского субстрата на аборигенную основу. Лакуна между южными и северными польцевскими памятниками побережья Татарского пролива и Японского моря пока не заполнена. Частичная реконструкция польцевско-кроуновских коммуникаций для центральных и южных районов Приморья предложена В. Э. Шавкуновым: «Ближе к рубежу эр польцевцы с Уссури стали проникать на юг Приморья, где вступили в тесный контакт с кроуновцами (сушенями), от которых они переняли некоторые формы сосудов и идею использования в жилищах канов. На этом этапе развитие польцевцев Приамурья и Приморья уже шло различными путями. По всей видимости, контакты с кроуновцами-сушенями были довольно мирными и происходили на протяжении длительного времени. Результатом этого взаимодействия явилась постепенная и полная ассимиляция кроуновского населения Приморья и образование новой этнокультурной общности. Дальнейшее развитие этой общности вылилось в образование на этой же территории смольнинской археологической культуры» [Шавкунов 2017: 172].

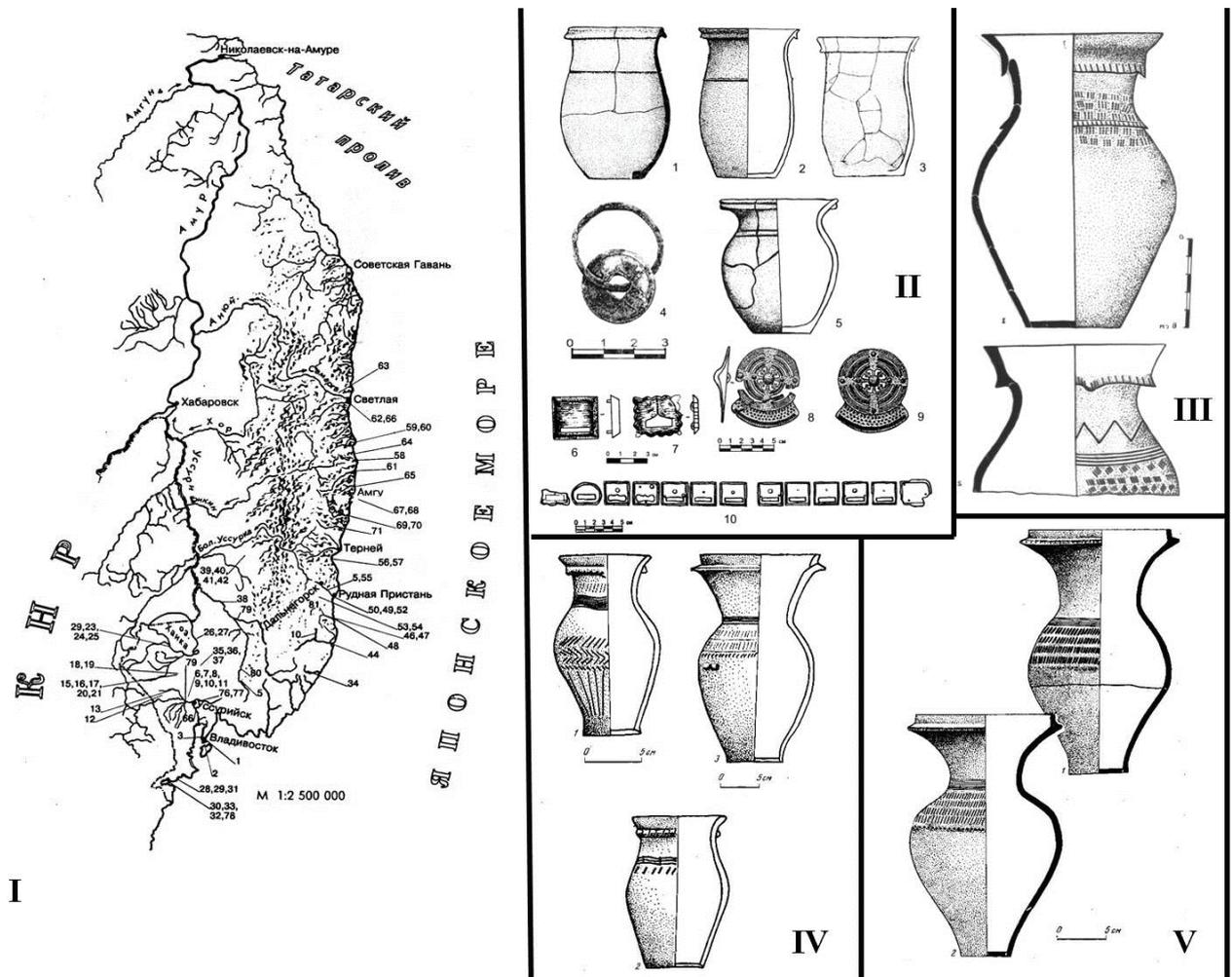

Рис. 5. Мохэская культура

В первой половине I тыс. н. э. на территории Приморья и Приамурья появляются племена уцзи-мохэ, оставившие после себя многочисленные археологические памятники. Мохэской экспансией открывается эпоха средневековья на российском Дальнем Востоке, и вся его последующая история связана с тунгусо-маньчжурской культурной общностью: с племенем сумо мохэ, создавшим государство Бохай (698—926); с племенем хэйшуй мохэ, создавшим чжурчжэньскую империю Цзинь (1115—1234), с цзяньчжоускими чжурчжэнями, создавшими маньчжурскую империю Цин (1644—1911).

Но мохэсцы, как показано выше, пришли не на пустые земли. Им предшествовали лидовцы, янковцы, кроуновцы и польцевцы. Как складывались взаимоотношения и контакты между аборигенами и новоявленными пришельцами? Напомним, что основными археологическими маркерами мохэской культуры являются: лепные сосуды с налепным валиком под венчиком (вазы, горшки, банки), за которыми закрепилось определение «типично мохэский сосуд»; комбинированные серьги, пояса амурского типа [Деревянко Е. И. 1975; Дьякова 1984, 1993; Окладников 1959]. Первоначально мохэская культура рассматривалась как единое целое, но в 70-х — начале 1980-х гг. на основании различий в технике изготовления, в наборе форм и декоре керамики в ней выделено пять локальных и локально-хронологических групп памятников: благословеннинская, найфельдская, троицкая, михайловская, гладковская — и показано разное их происхождение [Дьякова 1984, 1993]. В нашем случае для территории Приморья важны три группы памятников: благословеннинская, найфельдская, троицкая.

Благословеннинская группа. В Приамурье локализуется в пойме Биры, Биджана, Самарки, Икура (левые притоки среднего течения Амура, Еврейская автономная область). По C^{14} и аналогиям датируется IV в. н. э. Материал представлен лепными мохэскими вазами и горшками, отличительной особенностью которых является прочерченный и гребенчатый декор, а также керамикой, доработанной на круге, имеющей воронковидно расширяющуюся горловину и содержащей черты посуды польцевской культуры. Памятники Приморья являются естественным продолжением поселений Приамурья и Маньчжурии, образуя единую зону, охватывающую левые и правые притоки Среднего Амура, а также приханкайскую равнину и северо-восточные отроги Сихотэ-Алиня (поселение Куркуниха, городище Мыс Теплый и др.). Перекрестная датировка (C^{14} и аналогии) позволяет отнести их к IV в. н. э. Таким образом, благословеннинская группа памятников мохэской культуры сочетает в керамике традиции мохэской и польцевской культур, т. е. наблюдается не просто их контакт, а определенный симбиоз культурных традиций. Заметим, что польцевская культура и культура яёй Японии — сестры-близнецы, имеющие одну праматерь на континенте [Окладников 1959]. Естественно, что польцевская культура не могла миновать Корейский полуостров и неизбежно должна была получить некоторую «корейскую редакцию». Правда, в настоящее время эта проблема на Корейском полуострове практически не исследована. В письменных источниках сообщается, что сумо мохэ — это особый род Гаоли. Корейские исследователи считают, что «особость» связана с ассимиляцией когурёсцами сумо мохэ. Иначе это оценивают китайские исследователи, утверждающие, что сумо мохэ, как и гаолисцы, происходили от вэймо, потому их и называли особым родом Гаоли. «Народ вэймо в древности распространялся очень широко, в разное время им были образованы государства и племенные союзы Фууй, Когурё, Воцзюй. Остальные племена вэймо обитали по рекам Сунгари, Хуйфахэ, Туманган, Хуньчунхэ в Китае и северной части Кореи. В разное время они по отдельности подчинялись Фууй и Когурё» [Сунь Цзиньцзя и др. 2000: 112]. Похоже, что археологическая ситуация благословеннинской группы памятников мохэской культуры документирует именно данный факт, т. е. процесс контакта польцевцев (вэймо) с мохэсцами (сумо мохэ).

Найфельдская группа. Занимает ту же территорию, что и благословеннинская, постепенно распространяясь в сторону низовий Амура (Сакачи-Алян и др.) и в Приморье. По аналогиям (керамика и металл) найфельдская группа датируется IV—IX вв. н. э. Керамика найфельдской группы характеризуется теми же признаками, что и благословеннинская, но представляет следующий этап ее развития. Польцевские традиции проявляются в сосудах, доработанных на круге, мохэские — в лепных типично мохэских вазах и горшках с прочерченным и гребенчатым декором. Памятники этого типа группируются в южной части Приморья (бухта Троица), занимают континентальные районы приханкайской равнины, а также тянутся по побережью Японского моря вдоль восточных склонов Сихотэ-Алиня вплоть до залива Рында. Следовательно, смешение (ассимиляция) польцевцев и мохэсцев благополучно продолжалось.

Троицкая группа. Признаком данной группы является наличие в комплексах ваз, горшков, банок мохэского типа с налепным валиком под венчиком с гладкими или покрытыми ложнотекстильным декором стенками, часто налепным валиком в районе плечиков (Ураловка, Екатериновка, Троицкий могильник, Грязнуха, Безымянное озеро, Усть-Соболевское городище, Тунайна, Осиновка). Второй особенностью группы является присутствие в некоторых комплексах круговой сероглиняной керамики со штампованным и дольчатым декором, вазовидной, горшковидной, кувшиновидной и корчаговидной форм. По монетам, C^{14} и металлическим вещам памятники могут быть датированы VII — XII—XIII вв. н. э. (Осино-

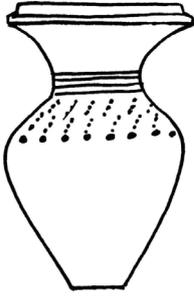
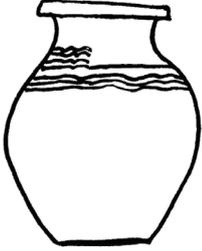
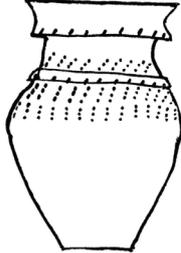
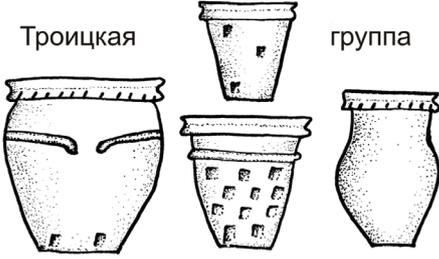
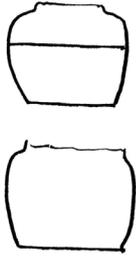
I категория	II категория	III категория
Лепные типично мохэские сосуды	Сосуды, доработанные на круге, польцевская традиция	Сероглиняные круговые
<p>Благословенская группа</p> 		
<p>Найфельдская группа</p> 		
<p>Троицкая группа</p> 		

Рис. 6. Мохэская культура

вое озеро — монеты VIII в., Ураловка — монеты XII в., Троицкий могильник — металлические изделия VIII—XII вв.). Ареал распространения памятников троцкого типа — самый обширный из всех групп. Он охватывает нижнее и среднее течение р. Зеи, нижнее течение Амура, устье р. Коппи, южные, центральные и северные районы Приморья, Маньчжурию. Время существования группы определяется в рамках VI—XIII вв. н. э. Каких-либо следов контактов с предшествующими культурами в троцкой группе памятников мохэской культуры не зафиксировано, в то время как ремесленный материал, в частности сероглиняная посуда, свидетельствует о контактах (политико-торгово-экономических) с Китаем.

Выводы

Таким образом, преемственность древних и средневековых археологических культур в Приморье выглядит следующим образом:

1. Носители лидовской культуры обитали в Приморье до I—II вв. н. э., а возможно, и далее, вплоть до появления мохэской культуры.
2. Носители янковской культуры, придя в регион, потеснили на север лидовское население и частично его ассимилировали (валентиновская группа янковской культуры, куналейская группа лидовской культуры).
3. Контакт янковцев с кроуновцами привел к сложению янковско-кроуновского сообщества.
4. Контакт носителей кроуновской и польцевской культур в начале I тыс. н. э. трансформировался в смольнинскую культуру.
5. Носители польцевской культуры дожили до эпохи раннего средневековья, т. е. до появления на этой территории в III—IV вв. мохэских племен, и с одним из них, вероятно сумо мохэ, вступили в тесный контакт, оставив после себя благословеннинскую и найфельдскую группы памятников мохэской культуры.
6. Устойчивое самостоятельное развитие традиций фиксируется в троицкой группе памятников мохэской культуры.

Литература

- Бродянский 1987 — *Бродянский Д. Л.* Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. {*Brodyansky D. L.* Introduction to Far Eastern archaeology. Vladivostok, 1987.}
- Бродянский 1983 — *Бродянский Д. Л.* Ранний железный век южного Приморья (янковская культура) // *Диков Н. Н., Бродянский Д. Л., Дьяков В. И.* Древние культуры тихоокеанского побережья СССР. Владивосток, 1983. С. 65—113. {*Brodyansky D. L.* Early iron age of southern Primorye (Yankovskaya culture) // *Dikov N. N., Brodyansky D. L., Dyakov V. I.* Ancient cultures of the Pacific coast of the USSR. Vladivostok, 1983. P. 65—113.}
- Бродянский 2013 — *Бродянский Д. Л.* Майхэ. Янковские поселения. Владивосток, 2013. {*Brodyansky D. L.* Yankovsky settlements of Maiha. Vladivostok, 2013.}
- Вострецов 2010 — *Вострецов Ю. Е.* Приморские охотники-собиратели и земледельцы бассейна Японского моря: адаптация и взаимодействие в среднем и позднем голоцене (6500—1800 лет назад). Автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2010. {*Vostretsov Yu. E.* Primorye hunter-gatherers and farmers of the basin of the Sea of Japan: adaptation and interaction in the middle and late Holocene (6500—1800 years ago). Abstract of dis. ... Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 2010.}
- Деревянко А. П. 1976 — *Деревянко А. П.* Приамурье (I тысячелетие до н. э.). Новосибирск, 1976. {*Derevyanko A. P.* Priamurye (1st Millennium BC). Novosibirsk, 1976.}
- Деревянко Е. И. 1975 — *Деревянко Е. И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975. {*Derevyanko E. I.* Mohe monuments of the Middle Amur. Novosibirsk, 1975.}
- Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V.* Linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund: the Proto-Turkic period. Moscow, 2007.}
- Дьяков 1983 — *Дьяков В. И.* Лидовская культура // *Н. Н. Диков, Д. Л. Бродянский, В. И. Дьяков.* Древние культуры тихоокеанского побережья СССР. Владивосток, 1983. С. 26—64. {*Dyakov V. I.* Lidovskaya Culture // *N. N. Dikov, D. L. Brodyansky, V. I. Dyakov.* Ancient cultures of the Pacific coast of the USSR. Vladivostok, 1983. P. 26—64.}
- Дьяков 1984 — *Дьяков В. И.* Железный век на западном побережье Японского моря // *Бродянский Д. Л., Дьяков В. И.* Приморье у рубежа эр. Владивосток, 1984. С. 49—71. {*Dyakov V. I.* Iron age on the West coast of the Sea of Japan // *Brodyansky D. L., Dyakov V. I.* Primorye at the turn of the era. Vladivostok, 1984. P. 49—71.}
- Дьяков 1989 — *Дьяков В. И.* Приморье в эпоху бронзы. Владивосток, 1989. {*Dyakov V. I.* Primorye in the bronze age. Vladivostok, 1989.}
- Дьяков 1999 — *Дьяков В. И.* Периодизация древних культур Приморья. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. М., 1999. {*Dyakov V. I.* Periodization of ancient cultures of Primorye. Abstract of dis. ... Doctor of Historical Sciences. Moscow, 1999.}
- Дьякова 1984 — *Дьякова О. В.* Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (IV—X вв.). М., 1984. {*Dyakova O. V.* Early Medieval ceramics of the far East of the USSR as a historical source (IV—X centuries). Moscow, 1984.}
- Дьякова 1993 — *Дьякова О. В.* Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Часть 1. Владивосток, 1993. {*Dyakova O. V.* Origin, formation, and development of medieval cultures of the Far East. Part 1. Vladivostok, 1993.}

Дьякова 2005 — Дьякова О. В. Городища и крепости Дальнего Востока (Северо-Восточное Приморье). Владивосток, 2005. {*Dyakova O. V. Settlements and fortresses of the Far East (North-Eastern Primorye). Vladivostok, 2005.*}

Дьякова 2009 — Дьякова О. В. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье. М., 2009. {*Dyakova O. V. Military architecture of the Central Sikhote-Alin in antiquity and the middle ages. Moscow, 2009.*}

Дьякова, Сидоренко 2002 — Дьякова О. В., Сидоренко Е. В. Древние и средневековые культуры Северо-Восточного Приморья (по материалам Куналейского городища) // Отв. ред. О. В. Дьякова, А. Л. Ивлиев. Актуальные проблемы дальневосточной археологии (Тр. ИИАЭ ДВО РАН. Т. 11). Владивосток, 2002. С. 7—45. {*Dyakova O. V., Sidorenko E. V. Ancient and medieval cultures of the North-Eastern Primorye (based on the materials of the Kunalei settlement) // Eds. Dyakova O. V., Ivliev A. L. Actual problems of Far Eastern archeology (Tr. IIAE Feb RAS. Vol. 11). Vladivostok, 2002. P. 7—45.*}

Кожин 2007 — Кожин П. М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток, 2007. {*Kozhin P. M. Ethnocultural contacts of the population of Eurasia in the Eneolithic — early iron age (paleoculturology and wheeled transport). Vladivostok, 2007.*}

Коломиец 2005 — Коломиец С. А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Отв. ред. Ж. В. Андреева. Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 381—393. {*Kolomiets S. A. Monuments of the Polish cultural community of the South of the Russian Far East // Ed. Andreeva J. V. The Russian Far East in antiquity and the Middle ages: discoveries, problems, hypotheses. Vladivostok, 2005. P. 381—393.*}

Кузьмин и др. 2003 — Кузьмин Я. В., Коломиец С. А., Орлова Л. А., Сулержицкий Л. Д., Болдин В. И., Никитин Ю. Г. Хронология культур палеометалла и средневековья Приморья (Дальний Восток России) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Третья межд. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск, 2003. С. 156—164. {*Kuzmin Ya. V., Kolomiets S. A., Orlova L. A., Sulerzhitsky L. D., Boldin V. I., Nikitin Yu. G. Chronology of paleometal and medieval cultures of Primorye (Russian Far East) // Archeology and socio-cultural anthropology of the Far East and neighbouring territories. Third international Conf. "Russia and China on the Far Eastern borders". Blagoveshchensk, 2003. P. 156—164.*}

Кызласов 2011 — Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М., 2011. {*Kyzlasov I. L. Altaistics and archeology. Moscow, 2011.*}

Окладников 1959 — Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959. {*Okladnikov A. P. The distant past of Primorye (Essays on the ancient and medieval history of the Primorye territory). Vladivostok, 1959.*}

Сидоренко 2003 — Сидоренко Е. В. Кроуновские компоненты в янковской культуре // Забайкалье в геополитике России. Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки», 26 августа — 1 сентября 2003 г. Чита. Улан-Удэ, 2003. С. 93—96. {*Sidorenko E. V. Krounovsky components in the Yankovskaya culture // Transbaikalia in the geopolitics of Russia. Proceedings of the international Symposium "Ancient cultures of Asia and America", August 26 — September 1, 2003 Chita. Ulan-Ude, 2003. P. 93—96.*}

Сидоренко 2007 — Сидоренко Е. В. Северо-восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток, 2007. {*Sidorenko E. V. North-Eastern Primorye in the era of paleometal. Vladivostok, 2007.*}

Сидоренко 2015 — Сидоренко Е. В. К проблеме генезиса лидовской культуры // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием 23—26 ноября 2015 г. Иркутск, 2015. С. 193—200. {*Sidorenko E. V. On the problem of the genesis of the Lidovskaya culture // Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures. Materials of the 4th all-Russian scientific conference with international participation November 23—26, 2015. Irkutsk, 2015. P. 193—200.*}

Синие Скалы 2002 — Синие Скалы — археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника / Отв. ред. Ж. В. Андреева. Владивосток, 2002. {*Blue Rocks as an archaeological complex: experience of describing a multi-layer monument / Ed. J. V. Andreeva. Vladivostok, 2002.*}

Сунь Цзиньцзя и др. 2000 — Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнью, Чжуан Янь. Этническое происхождение бохайцев // История и археология Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 108—117. {*Sun Jinjia, Ah Sanyo, Zhuang Yan. Ethnic origin of the Bohai people // History and archeology of the Far East. Vladivostok, 2000. P. 108—117.*}

Хон Хён У 2008 — Хон Хён У. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н. э. — IV в. н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. {*Hon Hen U. Ceramics of the Poltsevskaya culture in East Asia (5th century BC — 4th century AD). Abstract of dis. ... Cand. of Historical Sci. Novosibirsk, 2008.*}

Шавкунов 2017 — Шавкунов В. Э. К вопросу о выделении ольгинской археологической культуры // Отв. ред. Д. В. Буйаров, Д. В. Кузнецов. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII Международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ, 22—23 мая 2017 г.). Вып. 7. Благовещенск, 2017. С. 167—173. {*Shavkunov V. E. On the issue of the allocation of the Olginskaya archaeological culture // Eds. D. V. Buyarov, D. V. Kuznetsov. Russia and China: history and prospects of cooperation: proceedings of the 7th International scientific and practical conference (Blagoveshchensk — Heihe, May 22—23, 2017). Issue 7. Blagoveshchensk, 2017. P. 167—173.*}

Гендерные стереотипы в хакасских и якутских паремиях

Егорова Аида Июньевна, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск); aidaego@mail.ru
Тугужекова Валентина Николаевна, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ» (Абакан); khaknauka@yandex.ru
Канзычакова Надежда Германовна, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ» (Абакан); kanzychakova.nadia@yandex.ru
Каскаракова Зинаида Ефремовна, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ» (Абакан); zinaidakaskarakova@mail.ru

Статья посвящена исследованию гендерных стереотипов, содержащихся в паремиях тюркоязычных народов, имеющих общие исторические корни и сходство языка и фольклора, — хакасов и якутов. В исследовании было проанализировано 177 паремий, отражающих гендерные стереотипы и социальное поведение мужчин и женщин (91 на хакасском и 86 на якутском языке), при помощи методов контент-анализа и интент-анализа с целью выявления содержания и интенций (скрытой направленности) паремий, проведено сопоставление паремий в хакасском и якутском языках.

В целом в паремиях хакасов и якутов достаточно объемно отражено содержание и четко прослеживается скрытая направленность гендерных стереотипов. В хакасских пословицах преобладают интенции: «Предостережение», «Поучение», «Оценка», «Наставление», «Упрек», «Оправдание», «Обличение», в якутских пословицах — «Восхваление», «Наставление», «Предостережение», «Оценка», «Обличение», «Упрек», «Совет». В мужских стереотипах хакасов и якутов преобладают интенции «Наставление» и «Восхваление», а в женских стереотипах — «Предостережение», «Обличение» и «Порицание», «Упрек».

Сравнительный анализ хакасских и якутских паремий на основе реконструкции глубинных пластов архаического сознания исторически родственных народов показал близость гендерных и брачно-семейных представлений. В паремиях хакасского и якутского народов отражены традиционные семейно-родовые отношения, построенные на андрократических (патриархатных) представлениях, строгой регламентации гендерных различий, дихотомизации мужского и женского, иерархии статуса мужчин и женщин. Традиционные гендерные отношения хакасов и якутов были маскулинно ориентированы, в них доминировали идеи о неравенстве полов, относительно женщин было большое количество запретов, связанных с экзогамным браком, — избегание, умыкание, карамчение, уплата калыма и т. п.

Ключевые слова: тюркские языки, хакасский язык, якутский язык, паремии, пословицы, поговорки, метафоры, гендерные роли, гендерные стереотипы, мужские стереотипы, женские стереотипы, андроцентризм, андрократия, патриархат, гендерная поляризация, зооморфные метафоры

THE GENDER STEREOTYPES OF THE KHAKASS AND THE YAKUT PAREMIAS

Aida I. Egorova, North-Eastern Federal University (Yakutsk); aidaego@mail.ru
Valentina N. Tuguzhekova, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan); khaknauka@yandex.ru
Nadejda G. Kanzychakova, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan); kanzychakova.nadia@yandex.ru
Zinaida Ye. Kaskarakova, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan); zinaidakaskarakova@mail.ru

The article focuses on the study of gender stereotypes reflected in paremias of the Khakass and the Yakuts, turkic-speaking peoples with common historical roots and similarities in their languages and folklore. The study analyzed 177 paremias reflecting gender stereotypes and social behavior of men and women (91 items in Khakass and 86 items in Yakut), applying the methods of content analysis and intent analysis in order to identify the content and intentions (latent focus) of paremias, and comparison of paremias in the Khakass and Yakut languages was carried out.

On the whole, the content of the Khakass and Yakut paremias is rather voluminous, and the latent focus on gender stereotypes is clearly traced. In the Khakass proverbs the following intentions prevail: “Caution”, “Instruction”, “Evaluation”, “Guidance”, “Reproach”, “Justification”, “Exposure”, and in the Yakut proverbs the following intentions prevail: “Praise”, “Instruction”, “Caution”, “Evaluation”, “Exposure”, “Reproach”, “Council”. In the Khakass and Yakut languages the following male stereotypes prevail: “Admonition” and “Praise”, and the following female stereotypes prevail: “Caution”, “Exposure”, “Reprimand”, “Reproach”.

A comparative analysis of the Khakass and Yakut paremias based on the reconstruction of deep layers of archaic consciousness of historically related peoples showed the proximity of gender and marriage-family mindset. The paremias of the Khakass and Yakut peoples reflect traditional family-tribal relations built on androcratic (patriarchal) mindset, strict regulations of gender differences, dichotomization of male and female, hierarchy of status of men and women. The traditional gender relations of the Khakass and the Yakuts were masculine-oriented; they were dominated by the idea of gender inequality which caused women to be exposed to a larger number of prohibitions related to exogamous marriage — avoidance, abduction, karams, payment of kalym, etc.

Keywords: turkic languages, Khakass language, Yakut language, paremia, proverbs, sayings, metaphors, gender roles, gender stereotypes, male stereotypes, female stereotypes, androcentrism, androkratiya, patriarchy, gender polarization, zoomorphic metaphors

Работа выполнена в рамках научного проекта № 18-013-00212 «Кросс-культурное исследование гендерных стереотипов народов Сибири и Северо-Востока России» при поддержке РФФИ.

1. Введение

Гендерная стереотипизация является универсальным механизмом категоризации, «отнесение человека к той или иной группе по гендерному фактору присутствует в каждой культуре, что объясняется, скорее всего, разделением труда по половому признаку и становлением культурных норм, поощряющих гендерные различия» [Берн 2007: 243]. В большинстве культур приписываемые мужчинам стереотипы традиционно ассоциируются с активностью, силой, логичностью, рациональностью, доминированием, а женские стереотипы — с пассивностью, слабостью, интуитивностью, эмоциональностью, подчинением. Культура оказывает сильное влияние на содержание гендерных стереотипов, выдвигая специфические требования к поведению мужчин и женщин. Кросс-культурные исследования [Mead 1928, 1930, 1949; Best et al. 1977; Best 2001; Gonsales 1982; Sunar 1982; Munroe, Munroe 1986; Lease et al. 2012] показывают, что гендерные стереотипы, несмотря на универсальность основных параметров, могут иметь различное содержание и даже противоположный смысл в зависимости от культуры.

Гендерные стереотипы, репрезентированные в языковой системе, недостаточно изучены и представляют большой научный интерес. Как отмечает А. В. Кирилина, «гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое» [Кирилина 1999: 9]. Гендерный код, заложенный в языковой системе, определяет не только модели и паттерны общения, но и нормы и стандарты мужского и женского поведения, существующие в обыденном сознании. Одним из основных источников информации о характере и содержании гендерных отношений являются паремии, малые жанры фольклора. В паремиях в меткой и схематичной форме отражаются традиционные гендерные роли, психологические корни идеалов, представлений и стереотипов маскулинности и фемининности, предписаний, норм и запретов мужского и женского поведения. Паремии как формы мифологического и обыденного сознания обладают признаками стандартизованности, схематизированности, экспрессивности, наличием оценочного и эмоционального компонентов.

В историческом прошлом, языке, мифологии, религии, культуре, картине мира тюркоязычных народов Сибири — алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов — можно обнаружить много общего. В мифологическом сознании алтайцев, хакасов и якутов существовали архаические культы божеств, которые имели четкую гендерную направленность. Так, верховное божество якутов было воплощено в мужском образе Урун Айыы Тойона, а женское божество — в образе Айыыһыт, богини плодородия, покровительницы рожениц и детей [Кулаковский 1923: 17—18, 22—23]. У алтайцев и хакасов был широко распространен культ богини Умай (Ымай идже), богини плодородия, покровительницы деторождения и хранительницы детских душ [Потапов 1991: 284—297; Бутанаев 1996: 133, 178].

У алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов существовали андрогинные образы женщин-богатырок, связанные с периодом матриархата, когда женщины-матери занимали лидирующие позиции в родовом обществе. В алтайских богатырских сказках кай чёрчэк это образ Очы бала, в тувинских сказках тоол — образ воинственной богатырки, меткого стрелка, наездницы Бора Шэлей, в хакасском эпосе алыпныхымах — образы Пора Нинчи, Харахчын Арыг, Алып Хыс Хан, Тибен Арыг, Хара Моолай, Алтын Арыг, Ай Хуучин, в якутском эпосе олонхо — образы воинственных Кыыс Бухатыыр, Кыыс Дьэбиллийэ, Кыыс Ньүргун, Аан Ахталыйа, превращающихся в мужчин, зверей и птиц в ситуациях битвы. В архаическом обществе женщины-богатырки представляли воинов, борцов и защитниц своего племени, народа от иноземных завоевателей и сочетали лучшие качества и идеалы женственности — свободолюбивые, сильные, отважные, мудрые, находчивые [Алтайские героические сказания 1997; Оруус-оол 1997: 10—38; Шулбаева 2016: 89—92; Данилова 2014: 76].

Традиционные семейно-родовые отношения тюркоязычных народов Сибири, в том числе алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов, были основаны на патриархатных установках и построены на строгой регламентации гендерных различий и дихотомизации мужского и женского, иерархии статуса мужчин и женщин и в целом были маскулинно ориентированны и отличались тенденцией к андроцентричности. В семейно-родовых отношениях традиционных алтайцев, хакасов и якутов доминировали идеи неравенства полов, относительно женщин были характерны обычаи и запреты экзогамного брака — избегания (запрета называть по имени родственников мужа), умыкания и карамчения (насильственного увоза невесты), уплаты калыма и т. п.

Фундаментальной научной задачей нашего исследования является разработка теоретико-методологического междисциплинарного кросс-культурного подхода в выявлении универсалий и различий в содержании гендерных стереотипов у представителей этнических групп одной языковой семьи, различающихся территорией проживания и особенностями культурной среды. В данной статье представлена часть исследования, посвященная кросс-культурному анализу гендерных стереотипов тюркоязычных

народов Сибири, а именно хакасов и якутов, сравнение других этнических групп (алтайцев, тувинцев) представлено нами в других работах.

Этнокультурная специфика гендерных концептов в хакасских фразеологизмах и поговорках с выделением особенностей внешности, характера и социальных характеристик мужчин и женщин были изучены Э. С. Хузиной [Хузина 2011], Е. А. Аносовым [Аносов 2012], М. Р. Шаймардановой [Шаймарданова 2015], К. А. Покояковой [Покоякова 2015]. К. А. Покояковой проведено сравнение английских и хакасских гендерно маркированных фразеологических единиц и поговорочных изречений, имеющих референциальные ограничения по признаку пола [Покоякова 2019]. Автором отмечена андроцентричность хакасского языка, присутствие преимущественно мужской оценки в восприятии гендерных стереотипов.

В исследованиях А. И. Егоровой, А. П. Кондаковой были впервые проведены исследования гендерных стереотипов, содержащихся в поговорках тюркоязычных народов, имеющих общие исторические корни и сходство языка и фольклора, — алтайцев [Егорова, Чочкина, Сарбашева 2019] и тувинцев [Егорова, Кондакова, Кужугет 2020] — в сравнении с якутскими. В этой статье приводятся данные сравнительного анализа хакасских и якутских поговорок на основе реконструкции глубинных пластов архаического сознания исторически родственных народов, показана близость гендерных и брачно-семейных установок. Гендерные стереотипы были также исследованы при помощи методов психологического опроса и анализа ассоциаций современных представителей хакасов и якутов [Егорова 2020].

Целью нашего исследования является изучение традиционных гендерных стереотипов при помощи анализа и сравнения поговорок в хакасском и якутском языках. В исследовании были использованы методы контент-анализа и интент-анализа для выявления содержания и скрытой направленности (интенций) поговорок, сопоставление поговорок в хакасском и якутском языках.

Объектом исследования явились фольклорные и этнографические источники, из которых нами было отобрано 177 поговорок, отражающих гендерные стереотипы и социальное поведение мужчин и женщин, из них 91 на хакасском [Катанов 1907; Мудрое слово 1968; Так сказали мудрецы 1968; Радлов 1989; Бутанаев 1998, 2004; Бутанаев, Бутанаева 2001; Ерошкин 2010] и 86 на якутском языке [Верхоянский сборник 1890; Серошевский 1896; Ястремский 1929; Кулаковский 1923, 1979; Якутские пословицы и поговорки 1945; Гурвич 1948; Саха фольклора 1947; Емельянов 1962].

2. Контент-анализ гендерных стереотипов в поговорках хакасского и якутского языков

Процедура контент-анализа. Контент-анализ (от англ. *content* — содержание) заключался в выявлении и оценке специфических характеристик текста (в данном случае поговорок), в которых выделялись определенные смысловые единицы содержания и формы информации (категории и индикаторы). В качестве индикатора выступала отдельная поговорка как целостная фраза, при отборе основное внимание уделялось гендерной тематике и семантике поговорки. Несмотря на то что авторы ориентировались на ранее опубликованные трактовки и объяснения поговорок, основным методом при отборе и отнесении поговорки к той или иной категории была экспертная оценка используемых текстов. При помощи контент-анализа был осуществлен перевод текстовой информации в количественные показатели, который заключался в подсчете количества упоминаний основных смысловых единиц текста (индикаторов). Все 177 поговорок (91 на хакасском и 86 на якутском языке) были разделены по содержанию на семь тематических категорий: «Андроцентризм», «Традиционная мужественность», «Традиционная женственность», «Гендерная поляризация», «Андрократия (патриархат)», «Традиционные гендерные роли в семье», «Отношение к безбрачию (одиночеству)». Отдельно были проанализированы зооморфные метафоры в поговорках, отражающих гендерные стереотипы. Категория «Андрократия (патриархат)» была разделена на пять подкатегорий: «Доминирование мужчин / подчинение женщин», «Экзогамный брак», «Калым», «Умыкание», «Избегание». Категория «Традиционные гендерные роли в семье» была разделена на подкатегории: «Мужские роли в семье», «Мужские и женские роли в семье», «Женские роли в семье» (см. рис. 1).

В целом анализ и сравнение поговорок на хакасском и якутском языках позволил, наряду с отличиями, обнаружить достаточно много общих черт. Из 91 поговорки на хакасском языке категория «Андроцентризм» включала 1 поговорку, «Традиционная мужественность» — 12, «Традиционная женственность» — 12, «Гендерная поляризация» — 3, «Андрократия (патриархат)» — 30, «Традиционные гендерные роли в семье» — 29, «Отношение к безбрачию (одиночеству)» — 4; из 86 поговорок на якутском языке категория «Андроцентризм» включала 11 поговорок, «Традиционная мужественность» — 28, «Традиционная женственность» — 20, «Гендерная поляризация» — 5, «Андрократия (патриархат)» — 4, «Традиционные гендерные роли в семье» — 13, «Отношение к безбрачию (одиночеству)» — 5 (см. рис. 1).

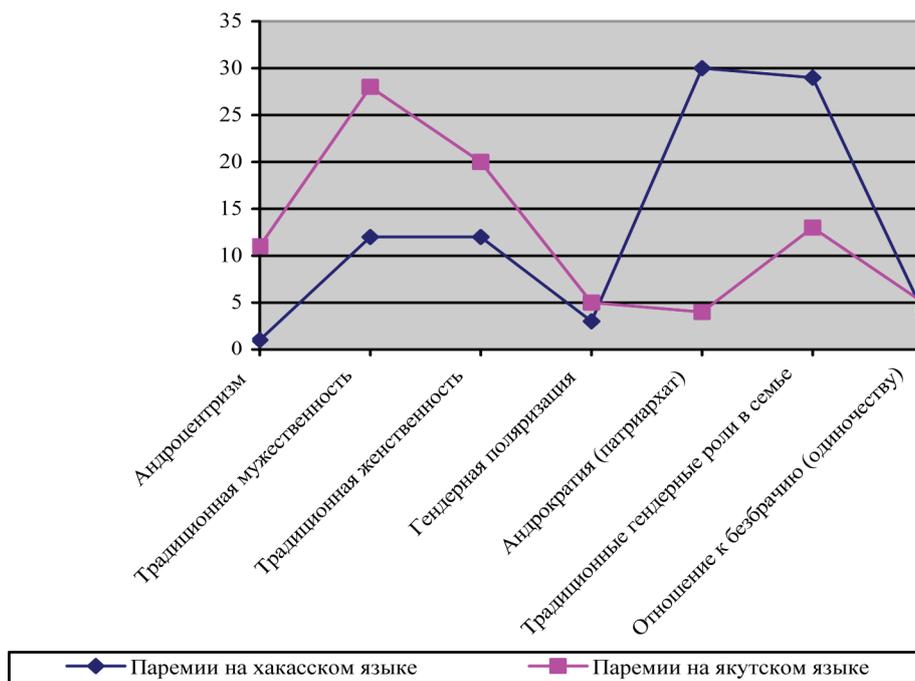

Рис. 1. Категории гендерных стереотипов в хакасских и якутских паремиях

3. Интент-анализ гендерных стереотипов в паремиях хакасского и якутского языков

Процедура интент-анализа. Интент-анализ (от англ. *intention* — намерение, цель) был направлен на выявление направленности и скрытого смысла текстов (паремий). По выделенным на основе контент-анализа семи шкалам были выявлены интенции всех паремий. Далее была подсчитана частота встречаемости тех или иных интенций и на основе ранжирования были сделаны выводы относительно направленности анализируемых паремий. Интенции были выделены также путем экспертной оценки отдельных паремий. Всего для анализа нами было выделено 18 интенций, в т. ч. 13 основных интенций: «Восхваление», «Оценка», «Поучение», «Оправдание», «Утешение», «Наставление», «Совет», «Требование», «Запрет», «Порицание», «Предостережение», «Обвинение», «Дискредитация» — и 5 отдельных интенций, относящихся к основной интенции «Предостережение»: «Урезонивание», «Обличение», «Угроза», «Упрек», «Одергивание» (см. рис. 2).

Первые три ранга интенций (по частоте встречаемости) в хакасских пословицах заняли «Предостережение», «Поучение», «Оценка», далее «Наставление», «Упрек», «Оправдание», «Обличение». По категории «Традиционная мужественность» в 91 паремии хакасского языка преобладают интенции «Наставление» и «Восхваление», по категории «Традиционная женственность» — «Предостережение», «Обличение» и «Порицание», по категории «Гендерная поляризация» — «Оценка», по категории «Андрократия (патриархат)» — «Предостережение», «Упрек», «Поучение», «Оправдание», «Наставление», по категории «Традиционные гендерные роли в семье» — «Поучение» и «Предостережение» (см. таблицы 1, 2).

В якутских пословицах первые три ранга интенций заняли «Восхваление», «Наставление», «Предостережение», «Оценка», далее «Обличение», «Упрек», «Совет». В 86 паремиях на якутском языке по категории «Андроцентризм» преобладает интенция «Восхваление», по категории «Традиционная мужественность» — «Восхваление», «Наставление», по категории «Традиционная женственность» — «Предостережение», «Упрек», «Обличение», по категории «Гендерная поляризация» — «Оценка», по категории «Андрократия (патриархат)» — «Упрек», по категории «Традиционные гендерные роли в семье» — «Предостережение», «Обличение», по категории «Отношение к безбрачию (одиночеству)» — «Предостережение», «Поучение».

Подсчет интенций в мужских стереотипах показывает, что в хакасских паремиях наиболее часто встречаются интенции «Восхваление», «Наставление», «Оценка», а в якутских — «Восхваление», «Наставление», «Обличение», «Совет» и «Оценка» (см. рис. 3). В женских стереотипах, содержащихся в хакасских паремиях, наиболее часто встречаются интенции «Предостережение», «Упрек», «Поучение»,

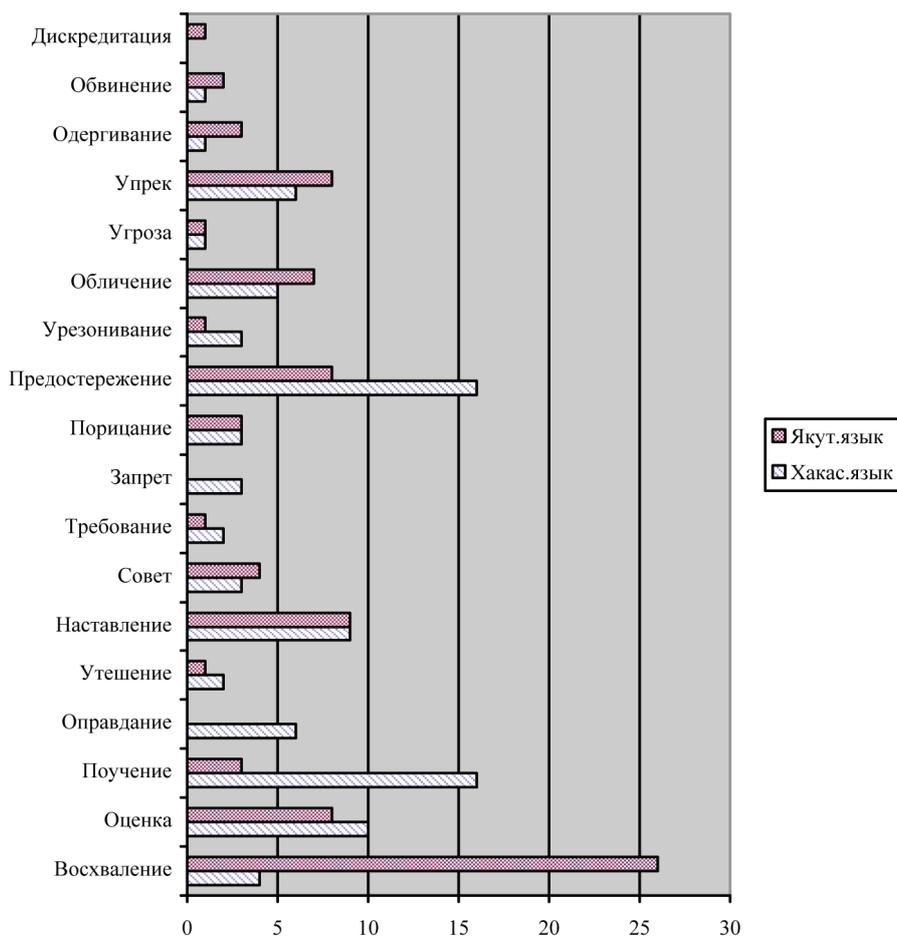

Рис. 2. Частота встречаемости интенций в хакасских и якутских паремиях

Таблица 1. Интенции паремий на хакасском и якутском языках

Интенции	Хакасские паремии	Ранг	Якутские паремии	Ранг
Восхваление	4	7	26	1
Оценка	10	3	8	3
Поучение	16	1	3	8
Оправдание	6	5	0	17
Утешение	2	13	1	12
Наставление	9	4	9	2
Совет	3	9	4	7
Требование	2	14	1	13
Запрет	3	10	0	18
Порицание	3	11	3	9
Предостережение	16	2	8	4
— урезонивание	3	12	1	14
— обличение	5	8	7	6
— угроза	1	15	1	15
— упрек	6	6	8	5
— одергивание	1	16	3	10
Обвинение	1	17	2	11
Дискредитация	0	18	1	16
Всего	91		86	

Таблица 2. Категории и интенции паремий на хакасском и якутском языках

Интенции	Андроцентризм		Традиционная мужественность		Традиционная женственность		Гендерная поляризация		Андрократия (патриархат)		Традиционные гендерные роли в семье		Отношение к безбрачию (одиночеству)	
	Хак.	Як.	Хак.	Як.	Хак.	Як.	Хак.	Як.	Хак.	Як.	Хак.	Як.	Хак.	Як.
Восхваление	1	11	3	11		2		1				1		
Оценка				3		2	3	3	1		5		1	
Поучение			2						5		9	1		2
Оправдание			1						3		1			
Утешение					1						1	1		
Наставление			3	9					3		3			
Совет				3					1		2	1		
Требование						1			2					
Запрет											3			
Порицание				1	3	1						1		
Предостережение			1		4	3			6		4	3	1	2
— урезонивание			1			1			1					
— обличение			1		3	3			1			4		
— угроза									3	1				
— упрек					1	3		1	3	3	1		1	1
— одергивание				1		1			1			1		
Обвинение						2							1	
Дискредитация						1								
Всего	1	11	12	28	12	20	3	5	30	4	29	13	4	5

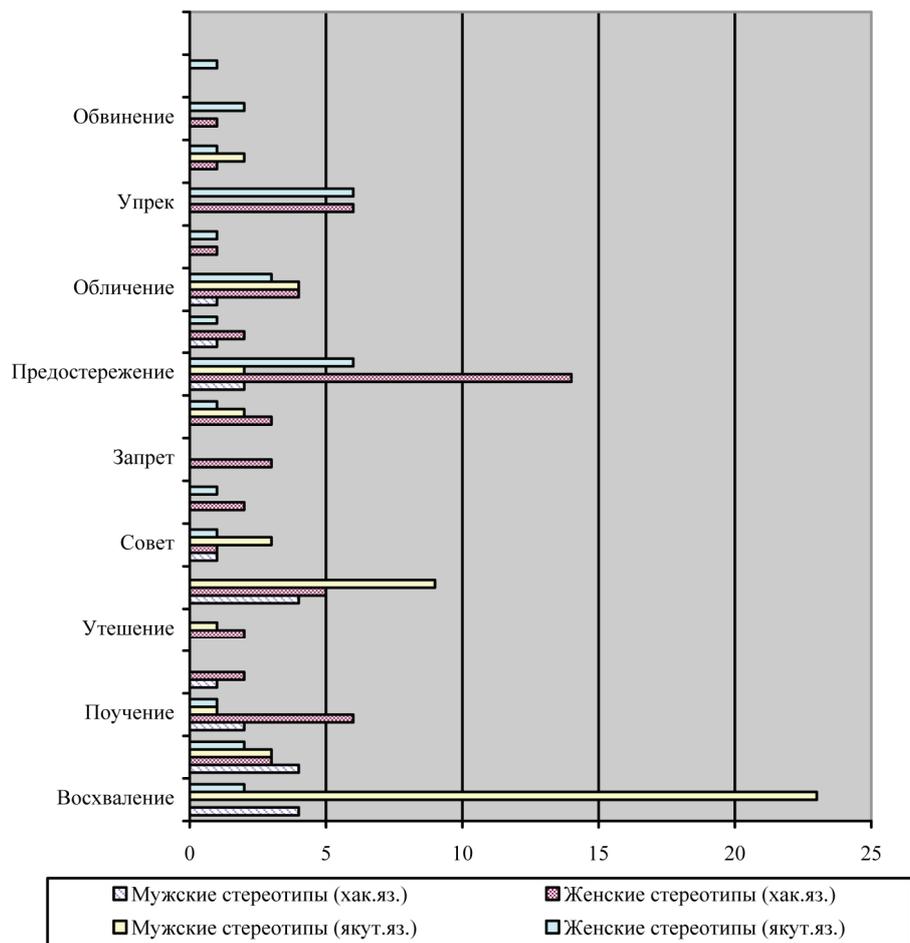

Рис. 3. Интенции мужских и женских стереотипов в хакасских и якутских паремиях

«Наставление» и «Обличение», а в якутских — «Предостережение», «Упрек», «Обличение». Таким образом, можно отметить, что пословицы, отражающие женские стереотипы, в отличие от мужских, носят более критичный и даже негативный характер. В якутских паремиях наиболее часто встречается интенция «Восхваление», что, вероятно, свидетельствует о чрезмерной идеализации гендерных стереотипов, в первую очередь мужских, а в хакасских паремиях наиболее часто встречаются интенции «Поучение» и «Предостережение».

4. Анализ гендерных стереотипов, содержащихся в паремиях хакасского и якутского языка

Мужские стереотипы в хакасских и якутских паремиях

В хакасских и якутских пословицах и изречениях: *Уол оҕо төрүүбүн эрэ кэрэх* (як.) 'Юноше лишь бы родиться', *Уол оҕо дьоллоох, тангара баайдаах* (як.) 'Юноша счастлив, богат от бога', *Уол оҕо дьоло сир түөрт өттүгэр* (як.) 'Счастье юноши в любой стороне света', *Хара тыа баайдаах, уол оҕо дьоллоох* (як.) 'Черный лес с богатством, а юноша со счастьем', *Арыг сөбкүтүг* (хак.) 'Мужчина — чистое создание (с чистой костью)' в противоположность *Кір көрөгө* (хак.) 'Женщина — нечистое создание' — отражены андроцентрические установки.

Во многих тюркоязычных культурах мужское трактуется как норма, рождение мальчика считается радостным событием, при оценке социального поведения критерием «правильности» считается мужское поведение. Женское репрезентируется как второстепенное, иерархически подчиненное, а мужское ассоциируется с положительными характеристиками. Представление о мужском как о норме и стандарте определяется как андроцентризм («гегемонная маскулинность»). В языковом сознании признаками андроцентризма являются отождествление понятий «человек» и «мужчина» (обозначение этих понятий одним словом); гендерная нейтральность языковой нормы, иерархичность и оценочность категорий (мужские языковые формы используются как норма); использование существительных мужского рода по отношению к представителям обоих полов; происхождение существительных женского рода от слов мужского рода; разделение языка на нормы мужского и женского, основанные на реальной социальной гендерной асимметрии [Рабжаева 2002: 5].

В хакасском и якутском языках слова *кiзi* (хак.), *киһи* (як.) 'человек' и *ир кiзi* (хак.), *эр киһи* (як.) 'мужчина' по звучанию и смыслу очень близки, в отличие от понятия *ипчi* (хак.), *дьахтар* (як.) 'женщина'. В якутском языке понятие *дьахтар* 'женщина' имеет ярко выраженный негативный оттенок и, как правило, прямое употребление этого слова в быту по отношению к женщине как формы обращения является недопустимым. В хакасских и якутских паремиях с выраженным андроцентризмом преобладает интенция «Восхваление».

В пословицах хакасского и якутского народа, отражающих идеалы маскулинности и мужские стереотипы, подчеркиваются такие качества, как сила, ловкость, меткость, выносливость, способность переносить тяготы, воинственность, решительность: *Ир чонының көзеркек полганы: ухтың орта теңенi, сөстiң сын полганы* (хак.) 'Гордость племени мужского; меткость пули, верность слова', *Атыгчынын харагы артых* (хак.) 'Меток стрелок — зорок зрачок', *Ир кiзi адынаң саблыг* (хак.) 'Мужчина славен своим конем', *Ир кiзiнiң өлiмi чазыда парбах агас алтында* (хак.) 'Смерть мужчины — в поле под раскидистым деревом', *Уол оҕо дьоло орто дойдуга, баайа балаадаба, көлөһүнэ күн сиригэр* (як.) 'Счастье юноши в среднем мире, богатство его в палате, труды его в мире', *Уол оҕо саадабын үстэ курданан баран киһи буолар* (як.) 'Юноша не пропадет, даже если трижды повесит на дерево чехол своего лука', *Уол оҕо сэлгэтэ кытаанах, итэбэлэ улахан* (як.) 'У юноши мышцы крепки, и доверия к нему больше', *Уол оҕо уон эттээх-тирилээх* (як.) 'У доброго молодца десять телес (десять шкур)', *Тимир уһаарыллан тимир буолар, уол оҕо эриллэн эр бэрдэ буолар* (як.) 'Железо становится железом после плавки, юноша становится мужчиной, преодолевая трудности'. Данные паремии связаны с интенциями «Восхваление», «Наставление», «Совет», «Оценка».

Если для якутских паремий характерна идеализация мужчин, ими восторгаются, то в хакасских паремиях встречаются не только положительные качества, но и отрицательные: *Ирге сыхтирга чарабас — наары хат парар* (хак.) 'Мужчине нельзя долго плакать, иначе печень затвердеет', *Ир кирip парза, күлкүдө полча, ат кирip парза, күскү согымга парча* (хак.) 'Мужчина состарится — становится посмешищем, конь состарится — идет на осенний забой', *Парган ирнiң али чыстанмачаң (ипчi ирiнеңер чоохтанча)* (хак.) 'Глупость суженого не пахнет'.

Ряд пословиц и изречений определяют позиции и роль мужчин в семье: *Ир — сөбiре пазы* (хак.) 'Муж — глава семьи', *Оолның хоныгы наа турада, хыстың хоныгы — кiзiлерде* (хак.) 'Очаг сына в новом доме, очаг дочери у людей'. В пословицах отражено предубеждение против разводов и недоверие к

разведенным: *Хат хосхан кизе парганча, хат үреен кизе пар* (хак.) 'Лучше выйти замуж за вдовца, чем за разведенного', *Ипчизінең чарылыс парган кизе ирге парганча, ипчизі үреен кизе парарга* (хак.) 'Лучше выйти замуж за вдовца, чем за разведенного', — осуждение супружеских измен: *Агас игірі чох өстинче, ир чой чох чуртабинча* (хак.) 'Дерево не растет без кривизны, мужчина не живет без обмана', *Эр киһи дьэтигэр хонор хоноһо, сылдыар ыалдьыт* (як.) 'Мужчина в доме своем гость', *Эргин эрэнимэ, истиэнэбин эрэн* (як.) 'На мужа не надейся, надейся на стену'.

В хакасских и якутских паремиях отражена тенденция к андрократии (патриархату), связанная с доминированием мужчин и подчинением женщин и даже жестокостью по отношению к жене: *Ир — ипчизінің ээзі, анынаң устат полча* (хак.) 'Муж — глава своей жены, имеет право распоряжаться ею', *Ипчизіне ол син чахсы, хай син ирине магат* (*Ипчее ол син чахсы, хай син ирине*) (хак.) 'Жене постольку хорошо, поскольку мужу отлично', *Ипчиңе чөй чоох, анын нандыриши нимес* (хак.) 'На жену навет — не ее ответ', *Хазан хамыснаң, хат хамчынаң* (хак.) 'Котлу нужна поварешка, а жене нужен кнут', *Дьахтар таһырын таптыыр, харты ырытытыын таптыыр* (як.) 'Женщина становится лучше, если ее «проучить»'.

Женские стереотипы в хакасских и якутских паремиях

Во многих пословицах отражены запреты и обычаи экзогамного брака, когда жен брали из другого рода: *Пабам абаа пирзе, абаа парам, төгее пирзе, төгее парам* (хак.) 'Если отец выдает меня за медведя — за медведя пойду, если за бревно, за бревно пойду', *Пабам адайга пирзе, адайга парам, адай полыт, идигөк үрем* (хак.) 'Если отец выдаст меня за собаку — за собаку пойду, став собакой, так же буду лаять', *Тас анда, хайдар ол тасталган, хыс анда, хайдар аны ирге пиргеннер* (хак.) 'Камень, хоть не прошен, там, куда он брошен, А девица — там она, куда замуж отдана', *Хыс — ол пасха кизінің палазы* (*хыс ирге парчатхан үчүн, аны пасха өскірбеңнер*) (хак.) 'Дочь — это чужой ребенок', *Аргаа санныг* (хак.) 'Девочка для других мужчин', *Чат палазы, кизі палазы* (хак.) 'Девочка — ребенок чужих', *Кыыс оҗо — омук анала* (як.) 'Дочь — чужое добро', *Кыыс оҗо омукка аналлаах кыыл буоллаҕа* (як.) 'Девушка — достояние иноплеменников', *Согыннар чаада чаалазарга, хыстар пасха чирзер ирге парарга* (хак.) 'Стрелы для стрельбы на войне, девушки для замужества на чужбине'.

В хакасских и якутских пословицах отражены патриархатные установки о том, что женщина — товар и имеет цену (калым): *Чатха санныг* (хак.) 'Девочка с чужого счета', *Садыга парар сарыг хундус* (хак.) 'Девочка — идущий на продажу желтый бобр', *Чис ахча — ахча нимес, хыс пала — пала нимес* (хак.) 'Медяки — не деньги, девочка — не ребенок', *Хызыл түлгү ахчаа турча, сіліг хыс халымга турча* (хак.) 'Красная лисица стоит денег, красная девица стоит калыма', *Саан алза — сүт полар, садып алза — хат полар* (хак.) 'Если надоишь — будет молоко, если купишь — будет жена', *Кыыс оҗо атыылаах-сулуулаах буолар* (як.) 'Девушка имеет цену и калым'.

В ряде пословиц отражены обычаи умыкания и карамчения: *Позыңа ыырчы полбазаң, ипчи огырлаба, күйчеткен от ла чылыт полар* (хак.) 'Не умыкай невесты, когда себе не враг, согреть способен лучше пылающий очаг', *Хысты огырлаанча, холда күйчеткен көс тударга* (*халым төлиринеңер сизіг пиріп чохчоос кизе чоохтачалар*) (хак.) 'Лучше держать в руках горящий уголь, чем умыкать девушку' (говорят бедняку, намекая на уплату калыма), *Хызыл киик көрінзе, аны атын аларга кирек, сіліг хыс тогасса, аны апарыбызарга кирек* (хак.) 'Если покажется красная косуля, то надо поразить ее выстрелом, если встретится красивая девушка, то надо ее увезти', — а также избегания: *Хасты киліннепче, килін хазыннапча* (хак.) 'Свекор соблюдает обычай по отношению к невестке, а невестка — по отношению к свекру', *Килін хастын истіпче, хасты килін алнында иртінминче* (*пос постаң ырах араһ полар кибір полча*) (хак.) 'Невестка сгибается перед свекром, свекор не выпячивается перед невесткой' (т. е. соблюдается обычай избегания по отношению друг к другу). Паремии данной категории связаны с интенциями «Предостережение», «Оправдание», «Поучение», «Наставление», «Упрек», «Угроза».

Женские стереотипы включали паремии, отражающие представления о «нечистоте» и опасности женщины: *Кір көрерге* (хак.) 'Женщина — нечистое создание', *Чабас тіп, адыңа ізенме, чахсы тіп, ипчиңе ізенме* (хак.) 'Не надейся на коня, говоря, что он смирный; не надейся на бабу, говоря, что она хорошая', *Алган ипчиңе ізенме, азыраан адайга ізен* (хак.) 'Не надейся на взятую жену, надейся на вскормленную собаку', *Көтөр түспэтэх маһа суох, кыыл сылдыбатах симилэбэ суох* (як.) 'Нет дерева, на которое бы не садилась птица, нет таких дебрей, куда бы не забегал зверь', — о неполноценности и ограниченности женщины: *Инек пастаан інге-чарга, тазын пастаан тага-суҕа* (хак.) 'Корова повела стадо в ямы и овраги, а вол повел стадо на пастбище и водопой', *Дьахтар санаата аһынааҕар кылгас* (як.) 'Ум женщины короче ее волос', *Кыыс оҗо санаата аһынааҕар кылгас, көхсө сиэбинээбэр кыараҕас* (як.) 'У девушки ум короче ее волос, терпение уже рукавов', *Дьахтар сылдыар суола оһохтон бороукка дьэри* (як.) 'У женщины путь-дорога — от печки до порога', — о легкомысленности и переменчивости на-

строения женщин: *Хыстың көңні төң азыра алысча* (хак.) 'Настроение девушки меняется через холм', *Кыыс хаар оттоото кыталык этинэн сүрэхтэппиккэ дылы* (як.) 'У девушек капризы нелепы', *Дьахтар оронуттан туран уот оттуор диэри түөрт уон санааны саныыр* (як.) 'Женщина, проснувшись утром, пока разведет огонь, успевает передумать сорок разных дум', *Оронугар барыар дьииэри дьахтар сүүс санааны саныыр* (як.) 'Пока дойдет до постели женщина, сто мыслей передумает', *Дьахтар санаатын дьахтар табар* (як.) 'Женщине может угодить только женщина', *Дьахтар арай умуһабын буоругар хараҕа туолар* (як.) 'Женщина бывает довольна только землей, выброшенной из ее же могильной ямы'. Данные пословицы содержат интенции «Предостережение», «Упрек», «Порицание» и «Обличение».

В целом женские стереотипы в хакасских и якутских паремиях отличаются противоречивостью. С одной стороны, подчеркиваются положительные качества женщин: *Уол оҕотооҕор кыыс оҕо уота сылаас* (як.) 'Дочь теплее, чем сын', *Дьахтар саата улахан* (як.) 'Честь женщины превыше всего', *Кыыс-дьахтар кындаа буолар, киниит дьахтар килбик буолар* (як.) 'Девушка бывает горделивой, невестка — застенчивой'; с другой стороны, изобличаются недостатки женского характера: *Ыгырос изер ат хулухтарына тыс пирбинче, чабал тиллиг ипчи ир хулахтарына тыс пирбинче* (хак.) 'Скрипучее седло не дает покоя ушам коня, злоязыкая женщина не дает покоя ушам мужчины', андрогинность традиционных женщин: *Тасхар сыхса, ир кизи, тураа кирзе, ипчи кизи* (хак.) 'Если на улицу выйдет, то мужчина; если внутрь дома зайдет, то женщина'.

В хакасских пословицах отражены предубеждение против разводов и недоверие к разведенным женщинам: *Палгастыг чирче чөрбе, палаллыг хат алба, тылолыг чирче чөрбе, тулуңныг хат алба* (хак.) 'По грязному месту не ходи, бабу с ребенком в жены не бери, по болоту не ходи, женщину с косою не бери', *Хонган үгре испечен, хозынды хат албацаң* (хак.) 'Вчерашний суп не едят, разведенную в жены не берут', *Хыйыр даа полза, чол чохсы, тойлыг даа полза, ипчи чохсы (ирге пар килген ипчидеңер)* (хак.) 'Даже если с извилинами, то дорога лучше, даже если в положении, то девушка лучше (женщины, которая побывала в замужестве)', — осуждаются легкомыслие и супружеские измены: *Ниик хылыхтыг ипчи хонхоты изепче* (хак.) 'Женщина легкого поведения разрушает крепость дома', — дается предостережение: *Хыс алар алнында ичезине көр, изиксер көре, төрзер ирт* (хак.) 'Глядя на мать, женись на девушке, глядя на дверь, проходи на почетное место', *Чабал ичениң хызын алба, чабал кизиңиң төринде одырба* (хак.) 'Не бери замуж дочь злобной матери, не садись на почетное место юрты злобного человека'. Паремии данной категории связаны с интенциями «Предостережение», «Обличение», «Поучение», «Наставление», «Оценка».

Важной ценностью в традиционном сознании хакасов и якутов является брачное состояние, в хакасских и якутских паремиях осуждается безбрачие, как мужское, так и женское: *Чалгыс агас чилдең хортых, чалгыс кизи чоннаң хортых* (хак.) 'Одинокое дерево боится ветра, одинокий человек боится людей', *Чалгыс одың көйбинче, оол-чохсы чалгыс чуртабинча* (хак.) 'Одинокое полено не горит, добрый молодец один не живет', *Чалгыс турун отта көйбинче, чалгыс кизи сөбіре төстебес* (хак.) 'Одинокая головня в костре не горит, одинокий человек не создает семью', *Чалгыс турун көйерге чарабинча, чалгыс кизи чуртасха киліспинче* (хак.) 'Одинокая головня не подходит для огня, одинокий человек не подходит для жизни', *Кирі хыс — чурт айназы!* (хак.) 'Старая дева — вместилище дьявола', *Кирі хыс чуртха айна полча (хонгор кибірлері хоостыра хыс, сөбіре төстеп, пала табарга кирек)* (хак.) 'Старая дева является чертом для жилища' (согласно хонгорским обычаям, девушка должна создать семью и иметь детей), *Чүген чох ат ир кизи ипчи чох осхас* (хак.) 'Конь без узды что баба без мужика', *Төрөөбүт үгэр олорор кыыс дьоло суох буолар* (як.) 'Девушка, живущая у родных, счастлива не бывает', *Кыыс-дьахтар кытыйаны-хамыйабы кытта кырбаһар, ойоҕо суох уол үтүлүгүн-бэргэнэтин кытта охсуһар* (як.) 'Девушка (в летах) с мисками-ложками дерется, юноша — с шапкой-рукавицами дерется', *Эргэ барбатах кыыс кытыйаны-хамыйабы кытта кырбаһар* (як.) 'Не вышедшая замуж девушка с мисками да ложками дерется', *Кэргэнэ суох дьахтар иччитэ суох сүөһү кэриэтэ* (як.) 'Женщина без мужа что скотина без хозяина', *Эрэ суох дьахтар иччитэ суох ынах кэриэтэ* (як.) 'Женщина без мужа подобна корове без хозяина', *Ойоҕо суох ообуй мунга, эрэ суох эрэй мунга* (як.) 'Не иметь жены — паучья мука, не иметь мужа — горькая мука', *Ойоҕо суох киһи оронуттан ордонуорар, тэллэбиттэн тэбиэһирэр* (як.) 'Человек без жены, вставая с кровати, гневлив, поднимаясь с постели, вспылчив'.

Паремии данной категории связаны с интенциями «Предостережение», «Упрек», «Поучение».

5. «Зооморфные метафоры» гендерных стереотипов в хакасских и якутских паремиях

Во многих хакасских и якутских пословицах нами обнаружены зооморфные метафоры, гендерно маркированными оказались 22 хакасских и 17 якутских зооморфных пословиц. В хакасских паремиях

мужчина ассоциируется с конем (лошадью), собакой, медведем, волком: *Пала пабазына төдй төрпиче, хулунах асхырға төдй төрпиче* (хак.) 'Ребенок рождается похожим на отца, жеребенок рождается похожим на жеребца', *Иценің чаны хорты осхас (нымзах), пабаның чаны абаның паары осхас (хатыг), хыстың чаны чаг осхас нымзах, оолның чаны тас осхас пик* (хак.) 'Душа матери как печень налима (т. е. мягкая), душа отца как печень медведя (т. е. твердая), душа дочери мягкая как сало, душа сына твердая как камень', *Ирнің өлімі адайның өліміне төдй (ыырчынаң тудыста)* (хак.) 'Смерть мужчины — что смерть собаки (т. е. в схватках с врагом)', *Чахсы аттың көксін хомутнаң тың паспаңар, чахсы ирні чоохтарнаң ирпенеңер* (хак.) 'Не сдавливайте грудь (хомутом) хорошему коню, не травите разговорами хорошего мужа', *Ирнің істінде изерлен ат пар, ирнің істінде иценең хурчу пар (ирнің сыдамахтыг полганынаңар)* (хак.) 'Внутри мужчины сдерживается оседланный конь, внутри женщины находится иголка с наперстком (о выдержанности мужчины)', *Ир кирип парза, күлкүде полча, ат кирип парза, күскү соғымға парча* (хак.) 'Мужчина состарится — становится посмешищем, конь состарится — идет на осенний забой'.

Женщина в хакасских паремиях ассоциируется с коровой, собакой, косулей, бобром, лисой, соболем: *Аң харазы ахчаа паалыг, кізі харазы чуртха паалыг (Хара албыга ахчаа паалыг, күрең сырайлыг ипчи чуртта паалыг)* (хак.) 'Черный соболь ценен деньгами, смуглянка ценна в супружеской жизни', *Хызыл киик көрінзе, аны атып аларға кирек, сіліг хыс тоғасса, аны апарыбызарға кирек* (хак.) 'Если покажется красная косуля, то надо поразить ее выстрелом, если встретится красивая девушка, то надо ее увезти', *Түлгү үчүн ахча даа төлеен, хыс үчүн халым даа төлеен* (хак.) 'Уплатил и деньги за лисицу, и калым за красную девицу', *Инек пастаан інге-чарга, тазын пастаан тага-суга* (хак.) 'Корова повела стадо в ямы и овраги, а вол повел стадо на пастбище и водопой (т. е. женщина не может руководить)', *Нимее чарабас ипчи үчүн астых парған, нимее чарабас инек үчүн агас аразына кір парған* (хак.) 'Запутался из-за негодной бабы, попал в заросли из-за негодной коровы', *Пабам абаа пирзе, абаа парам, төгее пирзе, төгее парам* (хак.) 'Если отец выдает меня за медведя — за медведя пойду, если за бревно, за бревно пойду', *Пабам адайга пирзе, адайга парам, адай полыт, идигөк үрем* (хак.) 'Если отец выдаст меня за собаку — за собаку пойду, став собакой, так же буду лаять', *Чүген чох ат ир кізі ипчи чох осхас* (хак.) 'Конь без узды что баба без мужика'.

В якутских паремиях мужчина ассоциируется с конем (лошадью), медведем, волком, вороном, соболем: *Уол оҕо дьоллоох, сонобос ат соргулаах* (як.) 'Юноша счастлив, жеребец удачлив', *Уол оҕо, ат кулун!* (як.) 'Юноша — жеребец!', *Уол оҕо уон өттүктээх, биир күн ат өрөбүтүгэр, биир күн ат уорбатыгар* (як.) 'Добрый молодец с десятью бедрами: в один день под брюхом лошади, в другой день — верхом на лошади', *Уол оҕо биир күн ат өрөбүтүгэр, биир күн ат уорбатыгар* (як.) 'Счастье юноши на коне, несчастье — под конем', *Уол оҕо хангас илиитэ — хара саарба, уна илиитэ — уу харчы* (як.) 'У доброго молодца левая рука — черный соболь, правая рука — чистые деньги', *Уол оҕо өйдөөх бүрү охтордобуна үөрэр* (як.) 'Юноша бывает доволен, если убьет сохатого', *Эр сурэбинэн, эһэ тыңгырабынан* (як.) 'Мужчина славится смелостью, медведь — когтями'.

Женщина в якутских паремиях ассоциируется с коровой, собакой, лисой, лошадью: *Уол оҕо — бөрө, кыыс оҕо саһыл* (як.) 'Юноша — волк, девушка — лиса', *Уол оҕо төрөөтөбүнэ суор үөрэр, кыыс оҕо төрөөтөбүнэ ыт үөрэр* (як.) 'Когда рождается мальчик, радуется ворон, когда рождается девочка, радуется собака', *Дьахтар таһаһынан, сылгы сыатынан* (як.) 'Женщина славится своими нарядами, лошадь своим жиром', *Тарбаабыт ынах да, таптаабыт дьахтар да — син биир* (як.) 'Что обласканная жена, что чесанная корова — одно и то же'.

Таким образом, зооморфные метафоры в паремиях, связанных с гендерными стереотипами, демонстрируют выраженную гендерную асимметрию, которая проявляется в андроцентризме и андрократии, наличии ассоциаций мужских образов с сильным, смелым, ловким, выносливым животным, а женских образов — с хитрым, недобрым животным.

6. Сравнение паремий в хакасском и якутском языках

Сравнение паремий на двух языках (см. таблицу 3) позволило выявить ряд схожих по содержанию пословиц. Так, пары пословиц *Уол оҕону хаһан тугу кыайыай дьыэмэн — аан дойду ороскуотун кини уйан турар* (як.) 'Не говорите, что добрый молодец ничего не осилит, он все тяготы мира носит на своих плечах' и *Ирге күлбе, идекнең холың чысна (ирдең туза хаңан даа полар)* (хак.) 'Не насмехайся над мужчиной, не вытирай руки подолом (от мужчины всегда будет польза)'; *Ир кізінің өлімі чазыда парбах агас алтында (ир кізі ибде одырбачаң)* (хак.) 'Смерть мужчины в поле под раскидистым деревом' и *Уол оҕо киинэ хаалбыт сиригэр баһын унуоҕа көмүллэр* (як.) 'Мужчину хоронят там, где он оставил свой пуп', — по сути, отражают одну и ту же мысль.

Пословицы: *Хыс — ол пасха кізінің палазы* (хак.) 'Дочь — это чужой ребенок' и *Кыыс оҕо — омук анала* (як.) 'Дочь — чужое добро'; *Чат палазы, кізі палазы* (хак.) 'Девочка — ребенок чужих' и *Кыыс оҕо омукка аналлаах кыыл буоллаҕа* (як.) 'Девушка — достояние иноплеменников'; *Хызыл түлгү ахчаа турча, сіліг хыс халымга турча* (хак.) 'Красная лисица стоит денег, красная девица стоит калыма' и *Кыыс оҕо атыылаах-сулуулаах буолар* (як.) 'Девушка имеет цену и калым'; *Алган ипчиче ізенме, азыраан адайга ізен* (хак.) 'Не надейся на взятую жену, надейся на вскормленную собаку' и *Ойоххун эрэнимэ — эркиннин эрэн* (як.) 'Не надейся на жену, надейся на стену'; *Чүгөн чох ат ир кізі ипчи чох осхас* (хак.) 'Конь без узды что баба без мужика' и *Кэргэнэ суох дьахтар иччитэ суох сүөһү кэриэтэ* (як.) 'Женщина без мужа что скотина без хозяина'; *Хазан хамыснаң, хат хамчынаң* (хак.) 'Котлу нужна поварешка, а жене нужен кнут' и *Дьахтар таһыырын таптыыр, харты ырытыытын таптыыр* (як.) 'Женщина становится лучше, если ее «проучить»', — близки по смыслу.

Таблица 3. Сравнение паремий в хакасском и якутском языках

Пословицы на хакасском языке	Переводы на русском языке	Пословицы на якутском языке	Переводы на русском языке
Ирге күлбе, идекнең хольң чыспа (ирдең ту- за хачан даа полар)	Не насмехайся над мужчи- ной, не вытирай руки подо- лом (от мужчины всегда бу- дет польза)	Уол оҕону хаһан тугу кы- айыай дьизэмэн — аан дой- ду ороскуотун кини уйан турар	Не говорите, что добрый молодец ничего не осилит, он все тяготы мира носит на своих плечах
Ир кізінің өлімі чазыда парбах ағас алтында (ир кізі ибде одырбацаң)	Смерть мужчины в поле под раскидистым деревом (т. е. мужчина дома не сидит)	Уол оҕо киинэ хаалбыт си- ригэр баһын унуоҕа көмүллэр	Мужчину хоронят там, где он оставил свой пуп
Хыс — ол пасха кізінің палазы (хыс ирге пар- чатхан үчүн, аны посха өскірбеченнер)	Дочь — это чужой ребенок (не было обычая растить дочь для дома, ибо девушки выхо- дят замуж)	Кыыс оҕо — омук анала	Дочь — чужое добро
Чат палазы, кізі палазы	Девочка — ребенок чужих	Кыыс оҕо омукка аналлаах кыыл буоллаҕа	Девушка — достояние иноплеменников
Хызыл түлгү ахчаа тур- ча, сіліг хыс халымга турча	Красная лисица стоит денег, красная девица стоит калыма	Кыыс оҕо атыылаах- сулуулаах буолар	Девушка имеет цену и калым
Алган ипчиче ізенме, азыраан адайга ізен	Не надейся на взятую жену, надейся на вскормленную со- баку	Ойоххун эрэнимэ — эркиннин эрэн	Не надейся на жену, надейся на стену
Чүгөн чох ат ир кізі ипчи чих осхас	Конь без узды, что баба без мужика	Кэргэнэ суох дьахтар ич- читэ суох сүөһү кэриэтэ	Женщина без мужа, что скотина без хозяина
Хазан хамыснаң, хат хамчынаң	Котлу нужна поварешка, а жене нужен кнут	Дьахтар таһыырын тап- тыыр, харты ырытыытын таптыыр	Женщина становится луч- ше, если ее «проучить»

Выводы

В целом в паремиях хакасов и якутов достаточно объемно отражено содержание и четко прослеживается скрытая направленность гендерных стереотипов. В паремиях хакасского и якутского народов отражены традиционные семейно-родовые отношения, построенные на андрократических (патриархатных) установках, строгой регламентации гендерных различий, дихотомизации мужского и женского, иерархии статуса мужчин и женщин. Традиционные гендерные отношения хакасов и якутов были маскулинно ориентированы, в них доминировали идеи о неравенстве полов, относительно женщин было большое количество запретов, связанных с экзогамным браком, — избегание, умыкание, карамчение, уплата калыма и т. п.

В хакасских пословицах преобладают интенции: «Предостережение», «Поучение», «Оценка», «Наставление», «Упрек», «Оправдание», «Обличение», в якутских пословицах — «Восхваление», «Наставление», «Предостережение», «Оценка», «Обличение», «Упрек», «Совет». В мужских стереотипах хакасов и якутов преобладают интенции «Наставление» и «Восхваление», а в женских стереотипах — «Предостережение», «Обличение» и «Порицание», «Упрек».

Сокращения

хак. — хакасский

як. — якутский

Литература

- Алтайские героические сказания 1997 — Алтайские героические сказания: Очи-Бала; Кан-Алтын // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15. Новосибирск, 1997. С. 82—296. {Altai heroic epos: Ochi-Bala; Kan-Altyn // Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 15. Novosibirsk, 1997. P. 82—296.}
- Аносов 2012 — *Аносов Е. А.* Гендерные стереотипы в паремиях русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации // Вестник ЮУрГУ. 2012, 25. Серия «Лингвистика». Вып. 15. С. 93—96. {*Anosov E. A.* Gender stereotypes in Russian idioms in terms of methodological approaches to the phenomenon of gender stereotyping research // Vestnik SUSU. 2012, 25. "Linguistics". Iss. 15. P. 93—96.}
- Берн 2007 — *Берн Ш.* Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб., 2007. {*Burn S. M.* The gender psychology. The laws of male and female behavior. St. Petersburg, 2007.}
- Бутанаев 1996 — *Бутанаев В. Я.* Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. {*Butanaev V. Ya.* Traditional culture and life of the Khakass. Abakan, 1996.}
- Бутанаев 1998 — *Бутанаев В. Я.* Этническая культура хакасов. Уч. пособие. Абакан, 1998. {*Butanaev V. Ya.* Ethnic culture of Khakass. Abakan, 1998.}
- Бутанаев 2004 — *Бутанаев В. Я.* Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004. {*Butanaev V. Ya.* The steppe laws of Hongorai. Abakan, 2004.}
- Бутанаев, Бутанаева 2001 — *Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.* Хакасский исторический фольклор. Абакан., 2001. {*Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.* Khakass historical folklore. Abakan., 2001.}
- Верхоянский сборник 1890 — Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии. Т. 1. Вып. 3. Иркутск, 1890. {*Verkhoyansk collection. Yakut tales, songs, riddles and proverbs, Russian tales and songs recorded in the Verkhoyansk district of I. A. Khudyakov. Notes of the East-Siberian Department of the Russian Geographical Society of Ethnography. Vol. 1. Iss. 3. Irkutsk, 1890.*}
- Гурвич 1948 — *Гурвич И. С.* Охотничьи обряды и обычаи якутов Оленекского района // Сб. материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 74—95. {*Gurvich I. S.* Hunting rites and customs of the Yakuts of the Olenek region // Collection of ethnography materials of the Yakuts. Yakutsk, 1948. P. 74—95.}
- Данилова 2014 — *Данилова А. Н.* Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск, 2014. {*Danilova A. N.* The image of the bogatyr woman in the Yakut olonkho. Novosibirsk, 2014.}
- Егорова 2020 — *Егорова А. И.* Психолингвистический анализ ассоциаций концептов «Мужчина» и «Женщина» у тюркоязычных народов Сибири // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2020, 1. С. 143—158. {*Egorova A. I.* Psycholinguistic analysis of the associations of the concepts «Man» and «Woman» among Turkic peoples of Siberia // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020, 1. P. 143—158.}
- Егорова, Кондакова, Кужугет 2019 — *Егорова А. И., Кондакова А. П., Кужугет М. А.* Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тывы. 2020, 1. С. 19—34. {*Egorova A. I., Kondakova A. P., Kuzuget M. A.* Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings // The New Research of Tuva. 2020, 1. P. 19—34.}
- Егорова, Чочкина, Сарбашева 2019 — *Егорова А. И., Чочкина М. П., Сарбашева С. Б.* Психолингвистический анализ гендерных стереотипов в алтайских и якутских пословицах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 2. С. 51—63. {*Egorova A. I., Chochkina M. P., Sarbasheva S. B.* Psycholinguistic analysis of gender stereotypes in Altai and Yakut proverbs // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2019, 2. P. 51—63.}
- Емельянов 1962 — *Емельянов Н. В.* Якутские пословицы и поговорки. Якутск, 1962. {*Emelyanov N. V.* Yakut proverbs and sayings. Yakutsk, 1962.}
- Ерошкин 2010 — *Ерошкин И. Е.* Хакасский фольклор. Абакан, 2010. {*Eroshkin I. E.* Khakass folklore. Abakan, 2010.}
- Катанов 1907 — *Катанов Н. Ф.* Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. 9. СПб., 1907. {*Katanov N. F.* Samples of folk literature of Turkic tribes published by V. Radlov. Part 9. St. Petersburg, 1907.}
- Кирилина 1999 — *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. {*Kirilina A. V.* Gender: linguistic aspects. Moscow, 1999.}
- Кулаковский 1923 — *Кулаковский А. Е.* Материалы для изучения верований якутов. Якутск, 1923. {*Kulakovskiy A. E.* Materials for the study of the beliefs of the Yakuts. Yakutsk, 1923.}

- Кулаковский 1979 — *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск, 1979. {*Kulakovskiy A. E.* Scientific works. Yakutsk, 1979.}
- Мудрое слово 1968 — Мудрое слово: сборник хакасских народных пословиц, поговорок и загадок / Сост. У. Н. Курбизжекова. Абакан, 1968. {The wise word: a collection of Khakass proverbs, sayings and riddles / Comp. U. N. Kurbizhekova. Abakan, 1968.}
- Оруус-оол 1997 — *Оруус-оол С. М.* Тувинские героические сказания. Новосибирск, 1997. {*Oruus-ool S. M.* Tuvan heroic legends. Novosibirsk, 1997.}
- Покоякова 2015 — *Покоякова К. А.* Особенности бинарной оппозиции «мужчина — женщина» во фразеологии и паремиологии хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2015, 3. С. 304—306. {*Pokoyakova K. A.* The specifics of man-woman binary opposition in phraseology and parameology of the Khakass language // The world of science, culture and education. 2015, 3. P. 304—306.}
- Покоякова 2019 — *Покоякова К. А.* Гендерные стереотипы во фразеологических единицах и поговорках английского языка в сопоставлении с хакасским // Мир науки, культуры, образования. 2019, 5. С. 380—381. {*Pokoyakova K. A.* Gender stereotypes in phraseological units, proverbs and sayings of English in comparison with Khakass // The world of science, culture and education. 2019, 5. P. 380—381.}
- Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Горно-Алтайск, 1991. {*Potapov L. P.* Altai shamanism. Gorno-Altai, 1991.}
- Рабжаева 2002 — *Рабжаева М. В.* Андроцентризм // Ред. А. А. Денисова. Словарь гендерных терминов. М., 2002. {*Rabzhayeva M. V.* Androcentrism // Ed. A. A. Denisova. Dictionary of gender terms. Moscow, 2002.}
- Радлов 1989 — *Радлов В.* Из Сибири. М., 1989. {*Radlov V.* From Siberia. Moscow, 1989.}
- Саха фольклора 1947 — Саха фольклора. Хрестоматия / Сост. Д. К. Сивцев. Якутск, 1947. {*Sakha folklore. Anthology / Comp. D. K. Sivtsev.* Yakutsk, 1947.}
- Серошевский 1896 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. {*Seroshevskiy V. L.* Yakuts. The experience of ethnographic research. SPb., 1896.}
- Так сказали мудрецы 1968 — Так сказали мудрецы. Хакасские пословицы и поговорки / Сост. У. Н. Курбизжекова. Абакан, 1968. {So said the sages. Khakass proverbs and sayings / Comp. U. N. Kurbizhekova. Abakan, 1968.}
- Хузина 2011 — *Хузина Э. С.* Гендерные стереотипы в татарском языковом сознании // Вестник Челябинского ГУ. 2011, 12 (228). Филология. Искусствоведение. Вып. 54. С. 147—149. {*Khuzina E. S.* The gender stereotypes in the Tatar linguistic consciousness // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2011, 12 (228). Philology. Art History. Iss. 54. P. 147—149.}
- Шаймарданова 2015 — *Шаймарданова М. Р.* Применение прагмалингвистического подхода к изучению гендерно-маркированных поговорок, выражающих интенцию совета (на материале английского и русского языков) // Филология и культура. 2015, 3 (41). С. 169—174. {*Shaimardanova M. R.* The pragmalinguistic approach in the study of gender-marked proverbs expressing the intention of advice (based on the English and Russian languages) // Philology and culture. 2015, 3 (41). P. 169—174.}
- Шулбаева 2016 — *Шулбаева Н. В.* Образы женщин-богатырок в героическом эпосе хакасов как символ национальной гордости // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016, 2. С. 89—92. {*Shulbaeva N. V.* Images of the bogatyr woman in the heroic epos of the Khakass as a symbol of national pride // Scientific Review of Sayano-Altai. 2016, 2. P. 89—92.}
- Якутские пословицы и поговорки 1945 — Якутские пословицы и поговорки, собранные А. Е. Кулаковским / Сост. А. Е. Кулаковский. Якутск, 1945. {*Yakut proverbs and sayings, collected by A. E. Kulakovskiy / Comp. A. E. Kulakovskiy.* Yakutsk, 1945.}
- Ястремский 1929 — *Ястремский С. В.* Образцы народной литературы якутов. Труды комиссии по изучению ЯАССР. Т. 7. Л., 1929. {*Yastremskiy S. V.* The samples of folk literature of the Yakuts. Proceedings of the commission for the study of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Vol. 7. Leningrad, 1929.}
- Best et al. 1977 — *Best D. L., Williams J. E., Cloud J. M., Davis S. W., Robertson L. S., Edwards J. R., Giles H., Fowles J.* Development of sex-trait stereotypes among young children in the United States, England, and Ireland // Child Development. 1977, 48. P. 1375—1384.
- Best 2001 — *Best D. L.* Gender Concepts: Convergence in Cross-Cultural Research and Methodologies // Cross-Cultural Research. 2001, 1. P. 23—43.
- Gonsales 1982 — *Gonsales A.* Sex roles of the traditional Mexican family (a comparison of chicano and anglo student's attitudes // Journal of cross-cultural psychology. 1982. Vol. 13. P. 330—339.
- Lease et al. 2012 — *Lease S. H., Montes S. H., Baggett L. R., Sawyer R. J. II, Fleming-Norwood K. M., Hampton A. B., Ovrebo E., Çiftçi A., Boyraz G.* A Cross-Cultural Exploration of Masculinity and Relationships in Men From Turkey, Norway, and the United States // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012, 6. P. 84—105.
- Mead 1928 — *Mead M.* Coming of Age in Samoa. A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilisation. N. Y., 1928.

Mead 1930 — *Mead M.* Growing Up in New Guinea. A Comparative Study of Primitive Education. N. Y., 1930.

Mead 1949 — *Mead M.* Male and Female. A Study of the Sexes in a Changing World. N. Y., 1949.

Munroe, Munroe 1986 — *Munroe R. H., Munroe, R. L.* Mothers who stereotype: A four culture examination // Cross-cultural perceptions of males and females: A comparison of methods and findings. Symposium presented at the meeting of the Society for Cross-Cultural Research, San Diego, CA. 1986.

Sunar 1982 — *Sunar D. G.* Female stereotypes in the US and Turkey // Journal of cross-cultural psychology. 1982. Vol. 13. № 4. P. 445—458.

Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка во второй половине XVIII в.

Мищенко Карина Олеговна, Институт языкознания РАН (Москва),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва),
Школа лингвистики НИУ ВШЭ (Москва); karinam6@mail.ru

Тунгусские списки в составе «Сравнительных словарей всех языков и наречий» П. С. Палласа (1773 г. записи, 1787—1789 гг. издания) представляют наиболее ранний и репрезентативный лексический материал для диалектологии эвенкийского и эвенского языков. Словарные списки содержат лексику на семи наречиях эвенкийского языка и двух наречиях эвенского языка. Отдельный интерес представляет рукопись А. М. Шегрена (список рукописи 1842 г.), содержащая схожие материалы на семи эвенкийских и двух эвенских наречиях, а также на маньчжурском языке. В статье предпринимается попытка сопоставить лексику, представленную в словарях П. С. Палласа и А. М. Шегрена, установить время и место ее записи, а также уточнить картину распространения диалектов эвенкийского языка во второй половине XVIII в. Анализ материала показал, что рукопись А. М. Шегрена, по всей вероятности, представляет переработанные и расширенные словарные материалы П. С. Палласа за исключением словаря говора эвенков рода Чапогир.

Основное внимание в работе уделено рефлексу праэвенкийского *s как одному из дифференцирующих фонетических признаков диалектов эвенкийского языка. Лексика, зафиксированная в словарях эвенков Мангазеи, Енисейска и рода Чапогир, позволяет выделить изофону шекания для бассейна Енисея. Говоры северобайкальских эвенков Верхней Ангары и забайкальских эвенков Нерчинска также обнаруживают шекующий характер. Лексика, записанная от баргузинских эвенков, свидетельствует о секающем характере говора в анлауте и смешанном (секание и шекание) в инлауте. В наречии нерчинских эвенков может реализоваться в анлауте и инлауте как *s*, так и *f*. Лексика словаря наречия якутских эвенков демонстрирует в анлауте шекание и отдельные примеры секания, в инлауте проявляется дистрибуция *f* и *h*.

Ключевые слова: Паллас, Шегрен, фонетика эвенкийского языка, диалектология эвенкийского языка, праэвенкийский, тунгусо-маньчжурские языки

REFLECTIONS OF THE PROTO-EVENKI *S IN THE EVENKI DIALECTS IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY

Karina O. Mishchenkova, Institute of Linguistics, RAS (Moscow),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow),
School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics (Moscow);
karinam6@mail.ru

Tungusic lexical lists within “Comparative dictionaries of all languages and dialects” by P. S. Pallas (1773 year of recording, 1787—1789 years of edition) represent the earliest and most representative lexical material for the dialectology of the Evenki and Even languages. The lists contain vocabulary in seven Evenki and two Even dialects. The subject of considerable interest is also a manuscript of A. J. Sjögren (redrafted in 1842) that contains similar materials in six Evenki and two Even dialects and in Manchu. This article attempts to compare the vocabulary presented in the dictionaries of P. S. Pallas and A. J. Sjögren, to establish the time and place of its recording, as well as to clarify the distribution of the Evenki dialects in the second half of the 18th century. The study reveals that the manuscript of A. J. Sjögren most likely represents the revised and expanded vocabulary materials of P. S. Pallas excepting the list in the Evenki dialect of the Chapogir clan.

The present study focuses primarily on the reflection of the Proto-Evenki *s as one of the differential phonetic features of the Evenki dialects. The data reflected in the dictionaries collected from the Evenki of Mangazeya, Yeniseysk and the Chapogirs allow to highlight the *f* isogloss for the basin of the Yenisei River. The dialects spoken by the North Baikal Evenki of the Upper Angara River and the Transbaikal Evenki of Nerchinsk show the same hushing character. The vocabulary recorded from the Barguzin Evenki testifies the hissing character of the dialect in anlaut and mixed character (*s* and *f*) in inlaut. In the dialect of the Nerchinsk Evenki in anlaut and inlaut there may be reflected *s* as well as *f*. The dictionary of the Evenki dialect recorded on the territory of modern Yakutia demonstrates the *f* reflection and isolated cases of *s* reflection in anlaut and the distribution of *f* and *h* in inlaut.

Keywords: Pallas, Sjögren, Evenki phonetics, Evenki dialects, Proto-Evenki, Tungusic languages

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. В. М. Алпатов).

Эвенкийский язык относится к сибирской подгруппе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи. Эвенки России дисперсно расселены на обширных территориях от бассейна Таза и Оби на западе до Сахалина на востоке и от Таймыра на севере до границ с Китаем на юге [Казакевич, Митрофанова, Рудницкая 2009: 288]. К числу первых фиксаций эвенкийского языка относятся словари и списки, собранные исследователями Н. Витсеном (изд. 1692 и 1705 гг.), Д. Г. Мессершмидтом (1723 г.), Г. Ф. Миллером (1735—1740 гг.), Я. И. Линденау (1744—1745 гг.).

Н. Витсен приводит один образец эвенкийского текста, который представляет собой перевод молитвы «Отче наш» [Witsen 1705: 654], выполненный с церковнославянского языка пословно без соблюдения эвенкийского синтаксиса. Родовая принадлежность информанта и место записи материала неизвестны, вследствие чего установить, к какому диалекту относится данный образец, не представляется возможным.

В свою очередь, Д. Г. Мессершмидт записал словарные списки от эвенков енисейско-туруханской, учамско-вивинской, нидымско-туружской, илимпейско-кочомской и непской групп [Messerschmidt 1964]. Расселение эвенков этих групп соответствует современным ареалам распространения илимпийского диалекта северного наречия и непского диалекта южного наречия эвенкийского языка.

В рамках Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.) Г. Ф. Миллер работал с мангазейскими (илимпийскими) эвенками и забайкальскими эвенками, живущими в степях Нерчинского и Селенгинского уездов [Миллер 1937]. На Дальнем Востоке по программе Миллера сбором лингвистического и этнографического материала занимался Я. И. Линденау. Он опрашивал инородцев в Удском остроге и его окрестностях по р. Уде, Торому и Тугуру [Линденау 1984: 78].

Данные первых фиксаций говоров эвенкийского языка в конце XVII в. и первой половине XVIII в. были рассмотрены в прошлой работе автора [Мищенкова 2019]. Проблеме разбора материалов XVIII—XIX вв. по эвенкийской диалектологии посвящены работы А. В. Дыбо [Дыбо 2018], Б. Хабтагаевой [Khabtagaeva 2011].

Тунгусские словари П. С. Палласа

Первую наиболее полную картину по диалектам эвенкийского языка дают «Сравнительные словари всех языков и наречий» П. С. Палласа. В первом издании в двух частях, вышедшем в 1787—1789 годах, было представлено 200 языков и наречий народов Азии и Европы. Словарь включает 273 понятия. Лексика была организована по идеографическому принципу: термины родства, названия частей тела, природных явлений, наименования животных, птиц, абстрактные имена, наречия, глаголы. Отдельным разделом были даны имена числительные от 1 до 10 и 100. В 1790—1791 гг. словарь вышел в четырехтомном издании, дополненном материалами на 30 языках Африки и 23 языках Америки. Структура словаря была изменена, слова различных языков мира располагались в нем в алфавитном порядке.

В первом издании словаря девять тунгусских наречий¹ имеют порядковые номера со 138 по 146. Порядок, в котором П. С. Паллас приводит идиомы, не соответствует картине их распространения от западной границы ареала к восточной. Места расселения различных групп эвенков и эвенов даны приблизительно: Нерчинская область, енисейская округа, мангазейская округа, около Якутска, около Охотска. Сопоставление этих территорий с современными зонами распространения диалектов эвенкийского языка² отражено в таблице 1.

Маршрут экспедиции П. С. Палласа

Основные материалы, составившие «Сравнительные словари всех языков и наречий», были собраны в ходе экспедиции Петербургской Академии наук (1768—1774 гг.) под руководством П. С. Палласа. Первая часть экспедиции проходила в Европейской России, затем в Поволжье, Заволжье, на Урале с продвижением дальше на восток. В Западной Сибири основными пунктами на пути были Тюмень, Курган, Барабинские степи, Омск, Семипалатинск, алтайские рудники и заводы. 14 сентября 1771 г. основной отряд, возглавляемый академиком, отправился из Томска в Красноярск [Маракуев 1877: 133]. С этого момента маршрут экспедиции пролегает через земли эвенков.

¹ В данной работе понятие «наречие» принято для обозначения местных вариантов эвенкийского языка, зафиксированных в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» П. С. Палласа и более позднем источнике А. М. Шегрена (наречия мангазейских, енисейских, нерчинских эвенков и пр.), равно как для обозначения трех групп диалектов эвенкийского языка (северное, южное, восточное наречия).

² Диалектное деление современного эвенкийского языка дано по классификации, уточненной Н. Я. Булатовой [Булатова 2005: 448].

Прибыв в Красноярск в октябре, Паллас остался в городе на зимовку, весной путешествие возобновилось. Подробно об этом этапе экспедиции рассказано в третьем заключительном томе «Путешествия по разным провинциям Российского государства» [Паллас 1788]. 7 марта 1772 г. П. С. Паллас отправился в Иркутск, тогда как В. Ф. Зуев получил задание ехать еще зимним путем в Енисейск, а оттуда по вскрытии вод отправиться по Енисею в Мангазею и далее к северу [Паллас 1788: 127]. Дорога из Красноярска до Иркутска заняла 7 дней. 13 апреля отряд Палласа сплавился по Селенге. Далее по реке Уде через Удинск направился в Закаменную Даурию [Маракуев 1877: 149]. Путь пролегал по забайкальским рекам Иногде, Туре и Онону.

23 мая в Акшинске⁴ П. С. Паллас принял тунгусов, которые принесли исследователю дзерен (монгольских газелей) [Паллас 1788: 286]. 30 мая академик присутствовал на камлании тунгусской шаманки. В «Путешествии» приводится подобное описание обряда, а также сообщается о том, что, со слов казаков, ездившие прежде профессора отняли у ее наставника на Ононе шаманское платье, после чего он оставил камлание [Паллас 1788: 305—307].

20 июля экспедиция достигла Селенгинска⁵. Последним пунктом в Даурии П. С. Паллас посетил Кяхту. По Ангаре он вернулся в Иркутск и 1 августа прибыл в Красноярск. 16 августа с основным отрядом воссоединился В. Ф. Зуев, который был послан с особой миссией на север края [Маракуев 1877: 165]. После очередной зимовки в Красноярске весной 1773 г. группа Палласа отправилась в обратный путь. Путешествие закончилось прибытием в Петербург 30 июля 1774 г.

Стоит отметить, что, обследуя Забайкалье, отряд Палласа имел контакты с тунгусским населением, что позволило собрать словарные списки от тунгусов Верхней Ангары (142)⁶, баргузинских (141) и нерчинских (138) тунгусов. В результате путешествия на север края В. Ф. Зуев имел возможность записать лексику от эвенков енисейской округи (139) и мангазейской округи (140) и от эвенков рода Чапогир (146). Однако, как следует из «Путешествий», экспедиция Палласа не достигла округи Якутска, Охотска и побережья Охотского моря, где были зафиксированы слова на трех других тунгусских наречиях (143—145), приведенных в «Сравнительных словарях».

Тунгусские словари в рукописи А. М. Шегрена

В фонде А. М. Шегрена Санкт-Петербургского филиала архива РАН хранится словарь тунгусского языка на восьми наречиях с переводом на латинский язык. Данная рукопись была списана с подлинника в библиотеке Эрмитажа в июне 1842 г.⁷ Российский лингвист финского происхождения А. М. Шегрен заложил основы отечественного финно-угроведения, был первым академиком по финно-угорским языкам в Императорской Санкт-Петербургской академии наук [Туркин 1994: 156] и предпринял многочисленные экспедиции в ареалы проживания финно-угорских народов. Несмотря на то, что Шегрен не посещал Восточную Сибирь, тунгусские языки привлекали его внимание на фоне интереса лингвистического сообщества к теории урало-алтайского языкового родства [Schott 1836; Wiedemann 1838; Castrén 1839]. Академик оказывал поддержку лингвистам эстонского и финского происхождения: Ф. И. Виде-

⁴ Сейчас село Акша Забайкальского края при впадении реки Акша в Онон (бассейн Амура).

⁵ Сейчас поселок Новоселенгинск на левом берегу реки Селенги.

⁶ Здесь и далее в круглых скобках указываются порядковые номера идиомов, как они даны в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» П. С. Палласа.

⁷ В результате оцифровки и ручного распознавания рукописи А. М. Шегрена, выполненных Е. Л. Клячко в рамках проекта ЛингвоДок, словари на шести эвенкийских наречиях (Мангазеи, Енисейска, Верхней Ангары, Баргузина, Нерчинска, Якутии) доступны на сайте виртуальной лаборатории:

Dictionary of Evenki language (Mangazeya) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/1139/perspective/1676/1140/view>

Dictionary of Evenki language (Yeniseysk) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/5/perspective/1676/6/view>

Dictionary of Evenki language (Upper Angara) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/3407/perspective/1676/3408/view>

Dictionary of Evenki language (Barguzin) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/2652/perspective/1676/2653/view>

Dictionary of Evenki language (Nerchinsk) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/1883/perspective/1676/1884/view>

Dictionary of Evenki language (Yakutsk) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/3731/perspective/1676/3732/view>

ману, Ф. Р. Кройцвальду, Э. Лённроту, М. А. Кастрену [Бранч 2004: 703]. Перед второй сибирской экспедицией 1845—1849 гг. М. А. Кастрен получил инструкции от А. М. Шегрена. Именно в этой экспедиции в 1848 г. М. А. Кастрен работал в районе Читы с носителями маньковского и урульгинского говоров эвенкийского языка [Castrén 1856: VI]. Записи от нерчинских эвенков легли в основу первой эвенкийской грамматики, составленной Кастреном. В пути Кастрен вел переписку с академиком, сообщая о планах и ходе работы [Богораз-Тан 1927: 19].

В рукописи А. М. Шегрена отсутствует указание на точное место и время записи лексики. Однако единообразие зафиксированного словарного состава и широкий охват различных ареалов тунгусских наречий и языков говорят в пользу того, что запись проводилась в рамках масштабного и высоко организованного экспедиционного мероприятия. Кроме того, все восемь идиомов, приведенных в рукописи А. М. Шегрена, находят отражение в «Сравнительных словарях» П. С. Палласа. Девятый идиом, говор эвенков рода Чапогир, не отражен в записях А. М. Шегрена. Стоит отметить, что по порядковому номеру идиомов чапогирский (146) шел в словаре Палласа после эвенкийских (138—143) и эвенских (144—145)⁸; кроме того, лексика этого наречия в отдельных случаях отличалась от вариантов на других наречиях эвенкийского языка. В отличие от П. С. Палласа, А. М. Шегрен располагает материалы тунгусских наречий в соответствии с картиной их распространения от енисейской округи к побережью Охотского моря.

В своей рукописи А. М. Шегрен приводит и лексику маньчжурского языка, записанную маньчжурским письмом. Маньчжурские слова также включены в словарь П. С. Палласа, но даны в кириллической записи, как и материалы на всех прочих языках. Несмотря на то что маньчжурский язык (163) стоит в словаре достаточно далеко от эвенкийского и эвенского языков (138—145), в предисловии П. С. Паллас отмечает ощутимую близость тунгусских наречий к маньчжурскому языку [Паллас 1787: V].

Сопоставление тунгусской лексики из «Сравнительных словарей» П. С. Палласа и рукописи А. М. Шегрена показывает разительное сходство материала. Особо показательна в этом отношении лексика, иллюстрирующая диалектную вариативность эвенкийского языка.

Слово ‘мышь’ в наречии эвенков енисейской округи приводится в виде *kúmprikonʹ* (П), *kitrikon* (Ш); в наречии эвенков мангазейской округи — *ténpurkànʹ* (П), *tépirkàn* (Ш), *tэпурэ:кэ:н* (лит.)⁹; в наречии баргузинских эвенков — *аникачáнь* (П), *anikatschàn* (Ш), *энуэ:чэ:н* (лит.); на Верхней Ангаре — *петри-качань* (П), *petrikatschàn* (Ш); около Якутска — *шинэрикань*, *шингарикань* (П), *schingerikàn* (Ш), *сиуэрэ:кэ:н* (лит.); у чапогирских эвенков — *шимороконь* (П).

О совпадении материала также говорят одинаковые глагольные формы, порождаемые носителями на стимул, предположительно названный в инфинитиве. Так глагол ‘есть, кушать’, записанный в енисейской округе, дан в форме IMPER2SG *джембжекель* (П), *dschobschékel* (Ш), *девдекэл* (лит.); в мангазейской округе — CVPURP1SG *дэъндау* (П), *dsjépdau* (Ш), *девда:в* (лит.); на Верхней Ангаре — CVPURP.RFL *джебдáви* (П), *dschebdáwi* (Ш), *девда:ви* (лит.).

Неправильное восприятие носителем стимула в процессе элиситации временами может стать причиной того, что информант вместо ожидаемого слова породит семантически близкое ему. Наличие одинаковых ошибок такого рода как у П. С. Палласа, так и у А. М. Шегрена служит очередным аргументом в пользу того, что рукопись А. М. Шегрена представляет собой воспроизведение материалов П. С. Палласа. Так, на нерчинском, енисейском, мангазейском и баргузинском наречиях эвенкийского языка слово ‘звезда’ записано как *ошикта* (П), *óschikta* (Ш), *о:сукта* (лит.), в то время как для наречия, распространенного около Якутска, зафиксировано слово со значением ‘созвездие Большой Медведицы’: *гаулень* (П), *haúlen* (Ш), *хэглун* (лит.). Подобным образом, на стимул ‘есть’ в значении ‘кушать’ для баргузинского словаря были ошибочно получены формы глагола ‘быть’ PRS3SG *бишинь* (П), *bischin* (Ш), *бисин* (лит.).

В «Сравнительных словарях» П. С. Палласа содержится 273 понятия, не считая числительных. Зачастую некоторые слова не имеют перевода на отдельные наречия и языки. К их числу относятся абстрактная лексика (дух, шар, мера, брань), а также понятия и названия предметов, относящиеся к европейской бытовой культуре (гвоздь, воз, город, межа). Однако, несмотря на эти лакуны, мангазейский и нерчинский словари в рукописи А. М. Шегрена имеют объем в 283 слова (включая числительные). В енисейский словарь входит 234 слова, в якутский — 217, в баргузинский — 210. Самый короткий словарь записан от эвенков Верхней Ангары, его объем составляет 120 слов.

⁸ Анализ эвенских материалов словаря П. С. Палласа по наличию/отсутствию перехода начального и срединного *s > h* как одному из дифференцирующих фонетических признаков диалектов эвенского языка проведен А. А. Бурькиным [Бурькин 1985: 32—34].

⁹ Лексика на литературном варианте эвенкийского языка приводится по эвенкийско-русскому словарю, составленному Г. М. Василевич [Василевич 1958].

Таблица 2. Лексика из словаря П. С. Палласа и рукописи А. М. Шегрена

	Енисейск	Нерчинск	Мангазея	Баргузин	Верхняя Ангара	Якутск	Охотск	Ламуты	род Чапогир
ѣсть (П)	евземь, жебіолю, жембжекель	джебдау	дзѣпдау	бишінь, джофдорь	джебдави	джебдау	джебли	джебдаку	жомушинь
ěděre (Ш)	dschobschékel	dschébdau	dsjépdau	bischin	dschebdáwi	dschebdàu	dschebli	dschebdáku	
земля (П)	дунда	туру	тукала	дунне	тукалагда	дундра	торь	тúорь	дунда
terra (Ш)	đunda	turu	tukala	dúnne	tukalágda	dúndra	tor	túor	
Богъ (П)	буга	буркань	шевэки	быга	буга, бурхань	шавáки	чэуки	сэуки, амарь	бугá
Deus (Ш)	búga	burkan	schewöki	búga	burekan	schawaki	tshéuki	seuki	
солнце (П)	шиггунь	шивунь	делядзя	дуляча	дуляджа	сигúnь	нúлтань	нюлтáнь	дылега
sol (Ш)	schíggun	schiwun	deládsja	dúlatscha		ssigúnj	núltan	ñjultán	
молнія (П)	голó, тáлингу	гóлоронь	лúрги	талíнурань	бугани-утула	огилта	чíли	силíнь	шерунь
fulgur (Ш)	tálingu	góloron	lúrgi	talinuran		ohýlta	tschili	silin	
велико (П)	хагдынъ, хогдыно, гэкдынга	гадынга	гокдынга	окды	хогды	гаодынга	огджонь	эгджáнь, экжáнь	хогдыба
magnus (Ш)	hökdinga	hadynga	hókdinga	okdy	chogdy	hagdýnga	egdschàn	ögdschón	

Наличие в рукописи А. М. Шегрена названий рыб, таежных и тундровых животных, некоторых глаголов, а также ряда других лексем, не вошедших в «Сравнительные словари» П. С. Палласа, говорит о том, что при составлении списков лингвист, вероятно, пользовался черновыми материалами своего предшественника. Как у Палласа, так и у Шегрена ударения стоят не повсеместно, однако зачастую у последнего ударения появляются в тех словах, в которых в издании словаря ударений нет, и совпадают с долготами в праэвенкийских и современных формах.

Еще одним отличием рассматриваемых источников является то, что А. М. Шегрен, перерабатывая лексику, собранную П. С. Палласом, как правило, отдает предпочтение одному варианту перевода стимула, в то время как в словаре Палласа подчас приводится несколько разных вариантов перевода (*хулюкунь*, *увикунь*, *ничиконь* (II), *nitschikon* (III), *хулуку:н*, *нитку:н* (лит.) ‘маленький’ у енисейских эвенков), а также несколько вариантов записи одного слова (*эгджань*, *экжянь* (II), *ögdschón* (III), *эгден* (лит.)¹ ‘большой’ у ламутов). Кроме того, в своих списках А. М. Шегрен лемматизирует лексемы, стоящие у Палласа в PL, PS. В основном посессивом маркирована лексика, обозначающая части тела, плюралис маркирует парные части тела.

Диалектное распределение и позиции рефлексов праэвенкийского *s

Материалы П. С. Палласа и А. М. Шегрена позволяют уточнить картину распространения диалектов эвенкийского языка во второй половине XVIII в., а также сопоставить эти ареалы с современными. Одним из дифференцирующих фонетических признаков диалектов является рефлекс праэвенкийского *s. На основе данного признака в эвенкийском языке выделяется три наречия: северное (хакающее), южное (секающее и шекающее) и восточное (секающе-хакающее) [Василевич 1948: 10].

В говорах северного наречия в инициальной и интервокальной позиции отражения *s имеют вид велярного спиранта *h* (*hu*: ‘вы’, *uhi*: ‘веревка’). Южное наречие представлено двумя группами говоров: шипящими с рефлексом *f* (*fu*: ‘вы’, *ufi*: ‘веревка’) и свистящими с рефлексом *s* (*su*: ‘вы’, *usi*: ‘веревка’) вне зависимости от позиции согласного. За основу литературного варианта эвенкийского языка принят полигусовский говор южного наречия. В говорах восточного наречия в анлаутной позиции проявляется *s* и *h*, тогда как для интервокальной позиции в инлауте характерен *h* (*su*: ~ *hu*: ‘вы’, *uhi*: ‘веревка’) [Константинова 1964: 4].

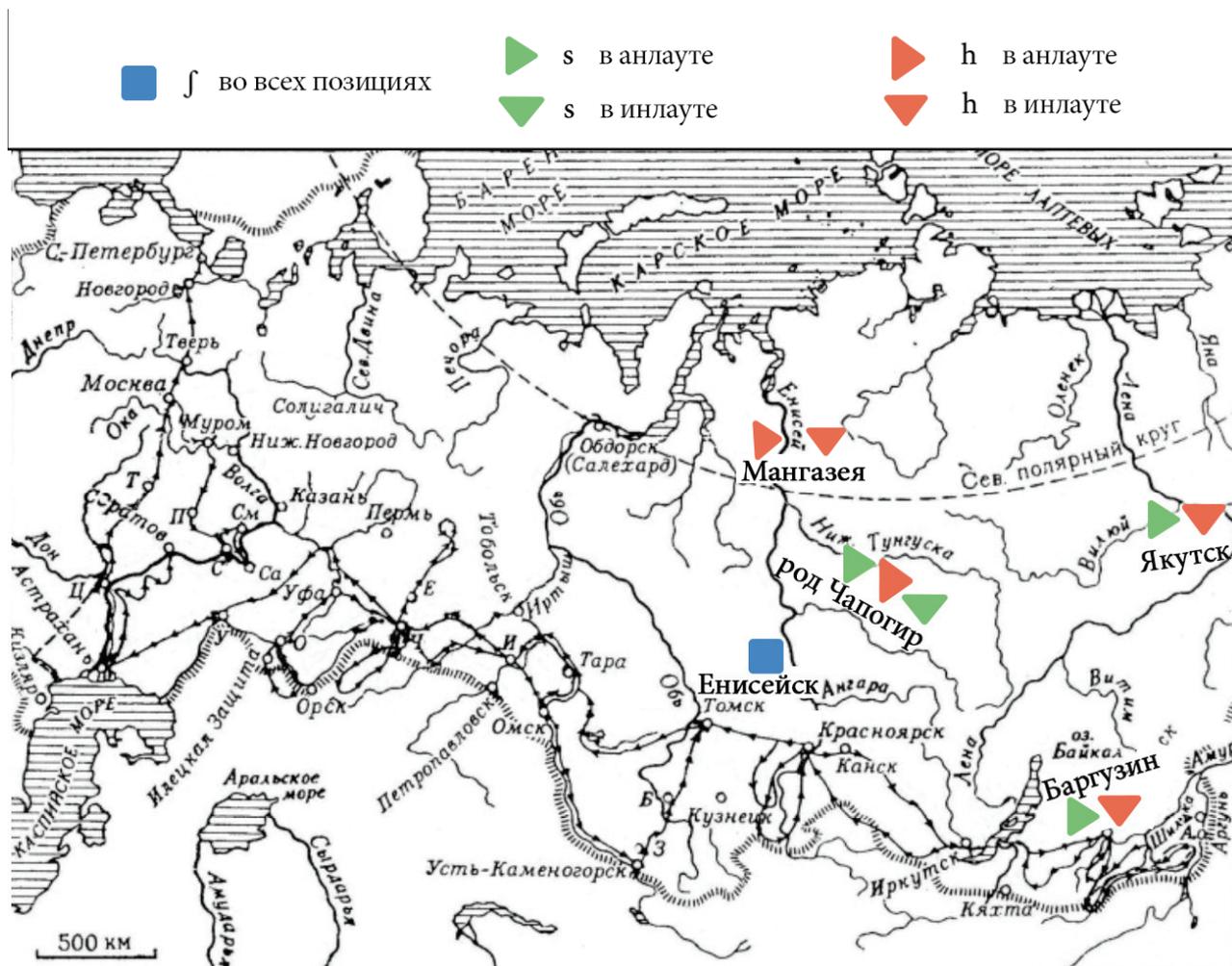
Места записи материалов, зафиксированных во второй половине XVIII века, соотносимы с современными ареалами основных диалектов эвенкийского языка [Василевич 1958: 643—646]. Современные варианты эвенкийского, распространенные на этих территориях, относятся ко всем трем наречиям, выделяемым по признаку рефлекса праэвенкийского *s.

Таблица 3. Сопоставление групп тунгусов из словаря П. С. Палласа и современных наречных ареалов

Номер наречия	Группа тунгусов	Диалект	Наречие
140	мангазейская округа	илимпийский д.	хакающее северное
146	род Чапогир	подкаменно-тунгусский д.	секающее южное
139	енисейская округа	сымский д.	шекающее южное
142	Верхняя Ангара	верхнеангарский г. северо-байкальского д.	шекающее южное
138	Нерчинская область	нерчинский говор витимо-нерчинского д.	секающее южное
141	Баргузин	баргузинский г. витимо-олёкминского д.	секающее / секающе-хакающее восточное
143	около Якутска	восточное наречие	секающе-хакающее восточное

На разных этапах развития языка и в разных диалектных ареалах праэвенкийский *s приобретал различное качество. Варианты отражений *s в словарях П. С. Палласа и А. М. Шегрена в основном имеют вид глухого альвеолярного и палато-альвеолярного сибиланта. Велярный спирант как рефлекс *s, характерный для современного северного наречия эвенкийского языка, в этих словарях не встречается.

¹ Лексика на литературном варианте эвенского языка приводится по эвенско-русскому словарю [Роббек В. А., Роббек М. Е. 2015].

Карта 2. Рефлексы *s в современных говорах эвенкийского языка в районах записи словарей П. С. Палласа

В говоре баргузинских эвенков зафиксирован сибилант *s*: *с'уко* (II), *с'уко* (III), *сукэ* (лит.) **sak-pi*² 'топор'. В ряде случаев, вероятно, чтобы избежать эффекта немецкой орфографии, в которой начальное одиночное *s* читается как [з], А. М. Шегрен передает рефлекс **s* в анлауте диграфом *ss*: *сукэ* (II), *ssukö* (III) у нерчинских эвенков; *сигунь* (II), *ssigunj* (III), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigün* 'солнце' у якутских эвенков. У П. С. Палласа подобные диграфы не используются. Кроме того, в словарях встречается палатализованный *s*: *есья* (II), *esja* (III), *э:са* (лит.) **nia-sa* 'глаз' у баргузинских эвенков. Во всех наречиях, представленных у Палласа, в местоимении 'ты' фигурирует сибилант *f*: *uuu* (II), *schi* (III), *cu* (лит.).

Наречие эвенков енисейской округи

Первым в списках А. М. Шегрена и самым западным наречием, зафиксированным в рассматриваемых источниках, является наречие эвенков енисейской округи. Северный маршрут по Восточной Сибири в экспедиции П. С. Палласа осуществлял В. Ф. Зуев. 7 марта 1772 г. по заданию руководителя экспедиции он отбыл из Красноярска в Енисейск. По свидетельству В. Ф. Зуева, тунгусы, проживающие по Енисею, представляют собой многочисленный народ. Примерно 800 эвенков приписано к Енисейску [Паллас 1788: 448].

Территории к западу от Енисея между Обью и Енисеем, к югу от р. Елогуй (левый приток Енисея) и р. Тым (правый приток Оби) и на юге несколько южнее б. Обь-Енисейского канала в XX веке относи-

² Здесь и далее под астериском приводятся реконструированные формы пратунгусо-маньчжурской лексики по материалам базы данных алтайских этимологий, составленной С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком (<http://starling.rinet.ru>).

лись к ареалу сымского диалекта эвенкийского языка [Василевич 1948: 56]. Сымский диалект относится к шипящей подгруппе южной сибилантной группы диалектов эвенкийского языка. На сегодняшний день, по данным экспедиции 2009 г. под руководством О. А. Казакевич, число носителей сымского диалекта не превышает 10 человек. Эти эвенки проживают в Верхнекетском районе Томской области.

По этнографическим данным Г. М. Василевич, расселение тунгусов на левобережье Енисея произошло в XVIII в. из Приангарья. Около 1720—1730 гг. с юга на левый берег Енисея переселились эвенки рода Кима, а к концу XVIII в. туда перекочевали эвенки рода Чэмба [Василевич 1931: 133]. В свою очередь, Б. О. Долгих делает предположение о переходе части рыбенских тунгусов на левобережье Енисея уже в 1690—1720 гг. [Долгих 1960: 443]. Опираясь на данные языка и фольклора, Г. М. Василевич отмечает, что сымские эвенки еще до прихода русских составляли большую группу, кочевавшую к западу и к востоку от Енисея на широте всех трех Тунгусок [Василевич 1948: 56].

Лексика, почерпнутая из словаря П. С. Палласа и списка рукописи А. М. Шегрена, также иллюстрирует шипящее произношение сибиланта в говоре енисейских эвенков во всех позициях. Поскольку слово *сокдондо* (П), *schókdon dó* (Ш), *сэ:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’ в издании П. С. Палласа представляет собой единственный случай фиксации *s* как рефлекса **s* в говоре енисейских эвенков, причем в записи А. М. Шегрена оно фигурирует с *f*, я склоняюсь к тому, чтобы рассматривать запись через *s* как опечатку.

Помимо шекающего варианта *шукко* (П), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’, в наречии енисейских эвенков также встречается переход **s* > *t* *тукка* (П), *tikka* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’. Данный фонетический процесс на примере этой же лексемы *туке* описывает в аянском диалекте восточного наречия Г. В. Василевич [Василевич 1948: 337].

▪ *f* в анлауте:

- шарды*, *шагды* (П)³, *сагды* (лит.) **sag-da-* ‘старый’;
- шаримикта* (П), *сарими:кта* (лит.) **sarimi:-* ‘бровь’;
- шеидыль* (П) ‘латы’ от **sele* ‘железо’;
- шелюрь* (П), *селун* (лит.) ‘ноздри’ (в записи П. С. Палласа в PL), ср. с эвен. *hæ:лун*, нег. *селун*, уд. *са-лу(н-)* [ТМС II: 70];
- шерь* (П), *schen* (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’ (в записи П. С. Палласа в PL);
- ши* (П), *schí* (Ш), *си* (лит.) **si:* ‘ты’;
- шигаринь* (П) ‘зеленый’, *schíngarin* (Ш), *сиңарин* (лит.) **siŋa-(ri-)* ‘желтый’;
- шиггунь* (П), *schíggun* (Ш), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigūn* ‘солнце’;
- шиллингá*, *шиггилгень* (П), *schíggilgen* (Ш) ‘снег’, *сиңилгэн* (лит.) **siiŋi-* ‘снежная крупа’;
- шируги* (П), *schirrugí* (Ш), *сируги* (лит.) **siru-* ‘песок’;
- шогорань* (П) ‘воплъ’, *сагисоран* (лит.) **sag-* ‘крикнуть-NFUT-3SG’;
- шу* (П), *schu* (Ш), *су:* (лит.) **su:* ‘вы’;
- шунта* (П), *сунта* (лит.) **suŋta* ‘глубокий’;
- шурьколь* (П), *schurukel* (Ш), *сурукэл* (лит.) **suru-* ‘уйти-IMPER2SG’;
- schangárgi* (Ш) ‘окно’, *саңа:р* (лит.) **saŋa-* ‘отверстие’;
- schangnjan* (Ш), *саңнян* (лит.) **saŋŋan* ‘дым’;
- schelle* (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;
- scheluktal* (Ш), *силуктал* (лит.) **silu-hta* ‘кишка-PL, внутренности’;
- schimúlakal* (Ш), *симу:ла:кал* (лит.) **sim-* ‘молчать-IMPER2SG’;
- schiru* (Ш) ‘жеребец’, *сиру:* (лит.) ‘самец-производитель’, ср. нег. *xupa* [ТМС II: 96];
- schokdscho* (Ш), *сэгден* (лит.) **sig-/seg-* ‘дикий северный олень’, ср. с *schókdscho* [Миллер 2009: 223];
- schóktaon* (Ш), *сэктэву:н* (лит.) ‘постель’ от **seg-* ‘подстилать’;
- schongódschem* (Ш), *соңодем* (лит.) **soŋa* ‘плакать-IPFV.NFUT.1SG’;
- schun* (Ш), *сун* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’.

Особого внимания заслуживает *f* в анлауте слова *шыктыкишалъ* (П) ‘гнилушки; перегнившая сердцевина дерева, трут’. Помимо слова *шыктыкишалъ*, записанного от енисейских эвенков, в словарной статье П. С. Палласа в говоре эвенков рода Чапогир фигурирует вариант *шилтыкьша*. В XX в. в сымском диалекте это слово сохранилось в виде *шилтыкша*. Кроме того, в других говорах и диалектах эвенкийского языка данная лексема зафиксирована в виде *хилтыкишэ*, *илтыкша*. Однако, если обратиться к материалам близкородственных тунгусо-маньчжурских языков, то реализация рассматриваемого звука в анлауте

³ Неприведенный вариант записи по «Сравнительным словарям» П. С. Палласа или списку рукописи А. М. Шегрена свидетельствует об отсутствии слова в соответствующем источнике.

в ульчском языке (*ниты*), равно как и афере́за в северо-байкальском и баргузинском диалектах (*илты*), указывает на пратунгусо-маньчжурский **p* [Василевич 1958: 538]. Таким образом, диалектный вариант слова у енисейских эвенков может иллюстрировать нетипичный для эвенкийского языка локальный переход $h > f$ или $h > *s > f$. Примечательно также, что слово в словаре П. С. Палласа появляется как ослышка в статье ‘труд’.

Для инлаутной интервокальной позиции в говоре енисейских эвенков также характерно шеканье. Однако в слове *аджіу* (II), *ádschiu* (III), *аси:в* (лит.) **asi*: ‘женщина, жена-PS1SG’ праэвенкийское **s* приняло вид звонкой альвеоло-палатальной аффрикаты: ср. *dschákda* (III), *дыгда* (лит.) **žagda* ‘сосна’ в наречиях енисейских, якутских и нерчинских эвенков.

▪ ***f* в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

ашаткáнь (II), *aschatkàn* (III), *аса:тка:н* (лит.) ‘девушка, дочь’ от **asi*:;
асхикта (III), *аси:кта* (лит.) **xasi*:-*кта* ‘ель’;
ешал (II), *óscha* (III), *э:са* (лит.) **ńia*-*sa* ‘глаз’ (в записи П. С. Палласа в PL);
öschünang (III), *эси: инэу* (лит.) **esi*: ‘сейчас полдень’;
ошукта (II), *óschikta* (III), *о:сикта* (лит.) **xo*:-*si*-*кта* ‘звезда’;
murin úschin (III), *мурин уси:н* (лит.) **usi*:- ‘упряжь, лошадь.недоуздок-PS3SG’.

▪ ***f* в инлауте в интервокальной позиции в суффиксе:**

Суффикс *-si*:- образует формы вспомогательного глагола и глагола отрицания в настоящем времени, имеет параллели с ороц. *-si*, уд. *-hi*, эвен. *-sə* (в настоящем времени) и *-si* (в прошедшем времени) [Василевич 1958: 778]:

oschimadschire (III), *эси:м а:дерэ* (лит.) ‘я не сплю’ NEG-NFUT-1SG спать-IPFV-PNEG;
oschim itschétte (III), *эси:м ичэттэ* (лит.) ‘я не вижу’ NEG-NFUT-1SG видеть-DUR-PNEG.

Суффикс имени состояния и признака *-si*:-, ср. эвен. *-si*:-
nórischin (III), *нэ:ри:* (лит.) ‘светлый’.

▪ ***f* в инлауте в консонантном сочетании в корне:**

tuuschákki (III), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa*- ‘бежать’.

▪ ***f* в инлауте в консонантном кластере в суффиксе *-kʃV*:**

imugscha (III), *иму:ксэ* (лит.) **ximū*-*ŋkse* ‘животный жир’;
túgschu (III), *тукчу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu*- ‘покрыться облаками, затянуться тучами’.

При сопоставлении данных П. С. Палласа 1772 г., Г. М. Василевич 1930—1940-х гг. и аудиословарей, записанных в экспедиции под руководством О. А. Казакевич в 2009 г.⁴, прослеживается сохранение в диахронии шипящего характера сымского диалекта во всех позициях.

Наречие эвенков мангазейской округи

После посещения Енисейска В. Ф. Зуев, работавший по северному маршруту в экспедиции П. С. Палласа, углубился в Илимпейскую тундру и Затундру и посетил Мангазею. В. Ф. Зуев сообщает число мангазейских эвенков. По его данным, к Мангазее было приписано 1282 человека тунгусского племени [Паллас 1788: 448]. Продолжая сплавать по Енисею, Зуев спустился по течению на 660 км от Мангазеи, не достигнув побережья Карского моря, до которого оставалось около 340 км.

Территориям, исследованным Зуевым, соответствует ареал современного илимпийского диалекта северной группы диалектов эвенкийского языка, который имеет последовательно хакающий характер. Материалы, собранные от лево- и правобережных эвенков Енисея Д. Г. Мессершмидтом в 1723 г. [Messerschmidt 1964: 72] и Г. Ф. Миллером в 1739 г. [Миллер 2009: 137], свидетельствуют о том, что в тот период рефлекса праэвенкийского **s* в виде велярного спиранта в Илимпее не наблюдалось, а местный вариант эвенкийского языка имел преимущественно сибилантный характер.

⁴ Боярин Григорий Петрович 1954 г. р. Запись производилась в экспедиции 2009 г. в с. Сым Енисейского района Красноярского края.

Таблица 4. Рефлекс праэвенкийского *s в сымском диалекте в диахронии

	Литературный эвенкийский	Пра- эвенкийский	П. С. Паллас, 1772 г.	Г. М. Василевич, 1930—1940-х гг.	О. А. Казакевич, 2009 г.
ухо	се:н	*sian	ʃer	ʃe:n	ʃe:n
солнце	сигун (вост.)	*sigūn	ʃiggun	ʃiwun, ʃigun	ʃiχún
кишка	силукта	*silu-kta	ʃelukta	ʃilukta	
спина	сэ:гдэ:ннэ	*sogda-nsa	ʃokdondo	ʃəgdənda	ʃógdən
топор	сукэ	*sak-pi	ʃuko, túkka	ʃukə	
заяц	туксаки:	*tuksa-	tu:ʃáki	tu:kʃáʃinan	
бежать	тукса-		‘заяц’	‘побежал’	
женщина, жена	аси:	*asi:	adʒi	aʃi:	
девочка	аса:тка:н	*asi:	aʃatkán	aʃatka:n	
ель	аси:кта	*xasi:-kta	aʃíkta	aʃekta	
глаз	э:са	*nía-sa	eʃa		éʃa
ноготь	оси:кта	*xosi:-kta	oʃíkta		oʃi:kta
звезда	о:сикта	*xo:si-kta	óʃíkta	oʃin	ó:ʃíkta

В связи с этим Г. М. Василевич отмечает, что в XVIII в. территория распространения шипящего диалекта была значительно шире современной: севернее, заходя в зону лесотундры, и южнее широты устья р. Ангары [Василевич 1948: 56]. Подобная обширность ареала шекающего наречия в XVIII в. может быть объяснена тем, что заселение Мангазейского уезда эвенками произошло в XVII в. в результате переселения группы эвенков севера современного Красноярского края и Иркутской области, отчасти также эвенков Томской области [Долгих 1960: 120].

Списки, собранные В. Ф. Зуевым в рамках экспедиции П. С. Палласа в 1772 г., также показывают последовательное шеканье во всех позициях.

▪ *ʃ* в анлауте:

schángnjän (Ш), *саңнян* (лит.) **saŋŋan* ‘дым’;

schéкта (Ш), *секта* (лит.) **siakta* ‘ива’;

schelúкта (Ш), *силукта* (лит.) **silu-kta* ‘кишка’;

schewöki (Ш), *сэвэки*: (лит.) **sebe* ‘Бог’;

schingereldiün (Ш) ‘летучая мышь’, *сиуэрэ:лды:вун* (лит.) ‘птица мышелов’, ср. с *sengoroldybhun* в говорах эвенков илимпейско-кочомской группы (от устья Илимпеи до Тетеи) [Messerschmidt 1964], от эвенк. *сиуэрэ:кэ:н* ‘мышь’, эвен. *hiуъркэ:н*, нег. *сиуэ:јэ*; ульч., орок., нан. *сиуэрэ:*, ороц. *сиуэ*, ма. *сиуэхун*;

schokdóndo (П), *сэ:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;

schokdscho (Ш) ‘дикий северный олень’, *сэгден* (лит.) **sig-* / *seg-* ‘домашний северный олень’, ср. с *schókscho* [Миллер 2009: 223];

schoktom, *schoktórem* (Ш), *соктом* (лит.) ‘опьянеть-NFUT.1SG’, ср. сол. *соктоо-*, нег., ороц., уд., ульч., орок., нан., ма. *сокто-* [ТМС II: 106];

schöllö (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;

schona (Ш) ‘окно’, *со:на* (лит.) ‘верхнее дымовое отверстие в чуме’, ср. с эвен. *ho:нан*, нег. *со:на*, ороц. *со:но*, ульч. *со:н-*, орок. *со:но*, ма. *сон* [ТМС II 1975: 70];

schulúki (Ш), *сулаки*: (лит.) **sulaki*: ‘лиса’;

schun (Ш), *сун* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’, ср. с *schuhn* [Миллер 2009: 137], *schuhn* [Messerschmidt 1964: 72];

séngen (Ш), *се:җан* (лит.) **siaŋa-* ‘налим’;

шелэмо (П), *scheléто* (Ш), *сэлэмэ* (лит.) ‘сердце’;

шенъ (П), *schen* (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;

шүко (П), *schúko* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’.

▪ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

ašatkáň (П), *aščátkan* (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девушка, дочь’ от **asi:*;
aščikta (Ш), *аси:кта* (лит.) **xasi:-kta* ‘ель’;
eša (П), *éšča* (Ш), *э:са* (лит.) **ńia-sa* ‘глаз’;
ošukta (П), *óščikta* (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-kta* ‘звезда’;
úšchi (Ш), *уси:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

▪ **ʃ в инлауте в интервокальной позиции в суффиксе:**

Суффикс собирательности *-sa* (*-sə*, *-so*):
moša (П), *mošča* (Ш), *моса* (лит.) ‘лес’ от *мо:* ‘дерево’.

Суффикс имени состояния и признака *-si-*, ср. эвен. *-si-* [Василевич 1958: 778]:
nórischin (Ш), *нэ:ри:* (лит.) ‘светлый’;
hakterásin (Ш), *хактыра:* (лит.) ‘темный’;
njemáschin (Ш), *няма* (лит.) ‘теплый’;
ingínischin (Ш), *и́нини.пчу* (лит.) ‘холодный’.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса *-kʃV*:**

urokša (П) ‘кожа’, *урэ:ксэ* (лит.) ‘шкура’ от *урэ:* ‘дикий олень, лось (осеннее название)’ и деривативного суффикса *-ksa*, образующего название шкуры от названия животного;
imúkscha (Ш), *иму:ксэ* (лит.) **ximū-ŋkse* ‘животный жир’;
túkschu (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’.

▪ **ʃ в ауслауте:**

gusch (Ш), *гус* (лит.) **gusi* ‘морской орел’.

17 июня 1723 г., ожидая в Мангазее отправления в путь по Нижней Тунгуске, Д. Г. Мессершмидт записывает лексику от местных эвенков. Об этом свидетельствует соответствующая запись в путевом дневнике путешественника⁵. В основном в лексике, записанной Мессершмидтом, праэвенкийский **s* получает шипящий рефлекс либо проявляется промежуточное между *s* и *ʃ* шепелявое произношение сибиланта.

Позднее в экспедиции 1843—1844 гг. с эвенками, кочующими в районе озер бассейна р. Норилка, работал А. Ф. Миддендорф. Образцы лексики, зафиксированные им в середине XIX в., преимущественно шекающего характера: *firulæsa* (Миддендорф), *сиру:ласэни:* (лит.) ‘осень в сентябре’; *šæŋan* (Миддендорф), *се:џан* (лит.) **siaŋa-* ‘налим’; *imúfa* (Миддендорф), *иму:ксэ* (лит.), **ximū-ŋkse* ‘животный жир’. Однако в списке есть также примеры, иллюстрирующие секанье: *siŋanta* (Миддендорф), *сиџама* (лит.) **sija-(ri-)* ‘желтый’ [Castrén 1856: 119—136].

При сопоставлении данных Д. Г. Мессершмидта 1723 г., П. С. Палласа 1772 г., А. Ф. Миддендорфа 1843—1844 гг., Г. М. Василевич 1930—1940-х гг. и аудиословарей, записанных в экспедиции под руководством О. А. Казакевич в 2006 г.⁶, в диахронии прослеживается изменение рефлекса праэвенкийского **s* от шекающего к хакающему с сохранением сибиланта в виде *s* в ауслауте.

Наречие эвенков рода Чапогир

Наречие эвенков рода Чапогир, в отличие от прочих приводимых в словаре П. С. Палласа, не сопоставимо с обособленными диалектами современного эвенкийского языка, однако представляет собой специфический говор подкаменно-тунгусского диалекта южного наречия. Говор эвенков рода Чапогир обнаруживает многочисленные фонетические и лексические сходства с двумя другими наречиями, записанными В. Ф. Зуевым в рамках экспедиции П. С. Палласа в бассейне Енисея. Как и в наречиях мангазейских и енисейских эвенков, в рассматриваемом говоре праэвенкийский **s* приобретает шекающий характер.

⁵ “Indessen wurde heute auch ein Tunguse — von denen, so umb die Nižnjaja Tunguska wohnen — zu mir gebracht, dessen Sprache in folgenden bestand” [Messerschmidt 1964: 82].

⁶ Аркадьева Елена Павловна 1929 г. р. Запись производилась в экспедиции 2006 г. в п. Советская речка Туруханского района Красноярского края.

Таблица 5. Рефлекс праэвенкийского *s в илимпийском диалекте в диахронии

			Д. Г. Мессершмидт, 1723 г. Мангазея	П. С. Паллас, 1773 г. Мангазея	А. Ф. Миддендорф, 1843—1844 гг. Озера бассейна р. Норилка	Г. М. Василевич, 1930—1940-е гг. Илимпийский диалект	О. А. Казакевич, 2006 г. п. Советская речка
ива	секта	*siakta	ʃæckta			he:kta	he:kta
лиса	сулаки:	*sulaki:	ʃulá:cki			hulaki:	hulaki:
топор	сукэ	*sak-pi		ʃúko		hukə	hukə
мышь	сиңэрэкэн				ʃiŋerikon	hiŋerə:kə:n, tiŋarakə:n	
ухо	се:н	*sian		ʃen		he:n	he:n
кишка	силукта	*silu-kta		ʃelúkta		hilukta	hilukta
веревка	уси:	*usi:		úʃi		uhi:	uhi:
глаз	э:са	*ńia-sa	öhsáh	éʃa		e:ha	e:ha
женщина, жена	аси:	*asi:	así	asi		ahi:	ahi:
девочка	аса:тка:н	*asi:	asadkán	aʃatkán		ahatka:n	ahatka:n
ель	аси:кта	*xasi:-kta	asíckta	aʃikta		ahi:kta	ahi:kta
звезда	о:сикта	*xo:si-kta	ósicktah	óʃikta		o:hikta	o:xíkta
морской орел	гус		guʃ		guʃ	gus	

▪ **ʃ в анлауте:**

шагды (П), *сагды* (лит.) **sag-da-* ‘старый’;
шелюръ (П), *селун* (лит.) ‘ноздри’ (в записи П. С. Палласа в РЛ), ср. с эвен. *hæ:лун*, нег. *селун*, уд. *са-ду(н-)* [ТМС II: 70];
шернь (П) ‘ухо-PL-PS3SG’, *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;
шо (П) ‘воин’, *со:* (лит.) **so:* ‘сильный’;
шогжомекгды (П) ‘рад’, *со сэвдэн* (лит.) **so:* ‘очень веселый, радостный’;
шогдоль (П), *сэ:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;
шогоранъ (П) ‘воплъ’, *сагисоран* (лит.) **sag-* ‘крикнуть-NFUT-3SG’;
шуруколь (П), *сурукэл* (лит.) **suru-* ‘уйти-IMPER2SG’.

▪ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

аши (П), *аси:* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена’;
еша (П), *э:са* (лит.) **nia-sa* ‘глаз’;
ошикта (П), *óschikta* (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-hta* ‘звезда’.

▪ **ʃ в инлауте в интервокальной позиции в суффиксе:**

умушимъ (П) ‘пить’, *умусим* (лит.) ‘пить-INCEP-NFUT-1SG’;
норышинъ (П) ‘свет’, *уэ:ри:* (лит.), ср. *nórischin* (Ш) ‘светлый’ у енисейских и мангазейских эвенков.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса -kʃV:**

ирекша (П) ‘кожа’, *ирэ:ксэ* (лит.) ‘шкура’ от *ирэ:* ‘дикий олень, лось (осеннее название)’ и деривативного суффикса *-ksa*, образующего название шкуры от названия животного, ср. *урокиша* (П) у мангазейских эвенков.

▪ **s в инлауте в консонантном кластере суффикса:**

оускиасукунъ (П) ‘высота’, *угиски асука:н* ‘вверх немного’.

Эвенки рода Чапогир упоминаются в ясачных книгах за 1629 г. В тот период чапогирские тунгусы сдавали ясак в Мезенском зимовье на устье р. Таймуры [Долгих 1960: 163]. Однако уже в начале XVIII в. на Подкаменной Тунгуске появилось Чапогирское зимовье, находившееся на 150 км ниже Чунского зимовья [Долгих 1960: 124]. В начале XX в. в окрестностях стойбища эвенков рода Чапогир у слияния рек Кочечум и Нижней Тунгуски была открыта единственная в округе купеческая лавка. В 1924 г. в одной из прежних купеческих изб начал свою работу Илимпейский волисполком. На его базе в 1927 г. открыли Туринскую культбазу, ставшую первой на Крайнем Севере Тунгусской культурной базой Комитета содействия малым народностям северных окраин Красноярского округа¹.

Статус административного центра Эвенкии привел к тому, что в Туру съезжались носители разных говоров и диалектов, поэтому образцы речи, записанные в этом поселке, не соответствуют говору исконных жителей этих мест. Тем не менее, в экспедиции 2014 г. под руководством О. А. Казакевич в п. Юкта был записан аудиальный словарь от Чапогир Лидии Гавриловны 1966 г. р. Уроженка п. Нидым идентифицирует себя с родом Чапогир; в ее говоре наблюдаются черты, отличные от других говоров подкаменно-тунгусского диалекта.

В говоре Л. Г. Чапогир в анлауте равно представлены велярные спиранты и свистящие сибиллянты, в то время как в инлауте в интервокальной позиции и в сочетаниях *-ks-*, *-sk-* проявляется секанье. Наличие черт как хакания, так и секания может быть рассмотрено как переходный вариант от зоны хакающего северного наречия к секающему южному.

В 1723 г. Д. Г. Мессершмидт зафиксировал в своих путевых дневниках языковые данные, полученные от эвенков енисейско-туруханской, учамско-вивинской, нидымско-туружской и илимпейско-кочомской групп. Эти материалы показывают, что в говоре нидымско-туружской группы на фоне шекающих и секающих говоров ареала вместе с шеканием возникает чеканье. Однако лексика, записанная в этой местности спустя полвека помощником П. С. Палласа, не обнаруживает отличий от прочих говоров бассейна Енисея.

¹ Литвинова В. Начало начал / Архивное агентство Красноярского края, 2019 г. (http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/628).

Таблица 6. Рефлекс праэвенкийского *s в говоре эвенков рода Чапогир в диахронии

			Д. Г. Мессер- шмидт, 1723 г.	П. С. Паллас, 1773 г.	О. А. Казакевич, 2014 г.
новорожденный дикий олень	со:нжа:т	*so:n-ŋa-	tschonngakon		
кровь	сэ:ксэ:	*sēgV-			hókso
спина	сэ:гдэ:ннэ	*sogda-nsa		ʃogdól	
мышь	сиңэрэкэн		tschingrekan	ʃimorokon	
Бог	сэвэки:	*sebe	tschavaki		
ноздря	сёлун			ʃelun	
бровь	сарими:кта	*sarimi:-		ʃarimikda	sarimikta
ухо	се:н	*sian		ʃern	s'er
крик, вопль		*sag-		ʃogoran	
молния		*siarū-		ʃerun	
камень	хисэ	*pias-	hischa		
дыра	саҗа:p	*saҗa-			heҗara
старый	сагды	*sag-da-		ʃagdi	
красная минераль- ная краска			dowauekscha		
кишка	силукта	*silu-kta			silutta
постель	сэктэву:н	*seg-			həktəwu:n
ива	секта	*siakta			sekta
сейчас, теперь	эси:				osi:kə:kə:n
глаз	э:са	*ńia-sa		éʃa	esa
женщина, жена	аси:	*asi:		aʃi	
девочка	аса:тка:н	*asi:		aʃatka	
ноготь	оси:кта	*xosi:-kta		oʃikta	
звезда	о:сикта	*xo:si-kta		óʃikta	o:sikta
шкура	ирэ:ксэ			irekʃa	irəksə
облако	туксу	*tuge-			tuksu:
назад	амаски:				amaski:

Наречие нерчинских эвенков

Нерчинский уезд находился к востоку от Яблонового хребта и приблизительно совпадал в границах с современной Читинской областью [Долгих 1960: 327]. Вследствие того, что Нерчинский уезд был отделен от остальной Сибири Яблоновым хребтом, эвенков этой местности называли закаменными или даурскими эвенками. П. С. Паллас дает описание даурских степных тунгусов Нерчинского уезда, которые называют себя «донки» или «оивенки».

Исследователь обращает внимание на значительную ассимиляцию эвенкийского населения бурятами и монголами. Об этом свидетельствуют многочисленные заимствования из монгольских языков в эвенкийском наречии нерчинских эвенков: *burkan* (Ш) 'Бог' от п.-мо. *burxan* [ТМС I: 113]; *kóko* (Ш) 'зеленый, синий' от п.-мо. **köke*²; *bulàk* (Ш) 'родник', ср. с бур. *булаг* [Черемисов 1973: 110]. Кроме того, П. С. Паллас указывает на процесс утраты эвенками своего языка, подчеркивая, что эвенкийским владеют только старики. Кроме того, ученый отмечает, что по-русски тунгусы говорят лучше бурят, изъясняются свободно и ясно, но небыстро.

В 1712 г. плательщиков ясака среди тунгусов Нерчинского уезда насчитывалось 1278 человек [Долгих 1960: 335]. Местные тунгусские роды сдавали ясак тоюнам³, которые, в свою очередь, отвозили его

² Здесь и далее под астериском приводятся реконструированные формы прамонгольской лексики по материалам базы данных алтайских этимологий, составленной С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком (<http://starling.rinet.ru>).

³ Тоюн (от якут. *tojon*) — господин, владыка; лицо, облеченное властью, должностная особа, правитель, чиновник, администратор, князь, князец [Пекарский 1958—1959: 2706]; в эвенкийском словаре М. А. Кастрена, составленном по маньковскому и урульгинскому говорам нерчинских эвенков, *nojon* 'господин' [Castrén 1856: 104].

в Нерчинск. П. С. Паллас отмечает, что прежде тунгусы, расселявшиеся по р. Аргуни, Онону и Ингоде, были богаты скотом, но войны с монголами и эпидемия оспы разорили их. Обедневшие тунгусы нанимались к русским в батраки. От ясака донки тайно уходили в китайскую Даурию, где также было тунгусское население. [Паллас 1788: 330—333]. Повинности инородцев не ограничивались ясаком. Паллас сообщает, что 400 нерчинских тунгусов было взято в казачью службу, чтобы нести караулы по Аргуни и Онону [Паллас 1788: 275].

Материалы, собранные П. С. Палласом от нерчинских эвенков, показывают, что вне зависимости от последующего гласного рефлекс праэвенкийского *s может реализоваться и как s, и как f.

▪ **s в анлауте:**

sángar (Ш), ‘окно’, *сауа:р* (лит.) **saŋa-* ‘отверстие’;
ségeb (Ш), *сэгэв* (лит.) **segep* ‘соболь’;
séktau (Ш), *сэктэвун* (лит.) ‘постель’ от **seg-* ‘подстилать’;
sélukta (Ш), *силукта* (лит.) **silu-hta* ‘кишка’;
serúgi (Ш), *сируги* (лит.) **siru-* ‘песок’;
cigu (П), *siggi* (Ш), *сиги:* (лит.) **sigū* ‘чаша’;
синь (П), *sin* (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;
sirä (Ш) ‘стул, скамья’, *ширэ* (лит.) ‘постель’;
soktó (Ш), *сокто* (лит.) ‘опьянеть-NFUT.1SG’, ср. сол. *соктоо-*, нег., ороч., уд., ульч., орок., нан., ма.
сокто- [ТМС II: 106];
sókdscha (Ш), *сэгден* (лит.) **sig-* / *seg-* ‘дикий северный олень’;
сукэ (П), *ssukö* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’.

▪ **f в анлауте:**

schèle (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;
schégingki (Ш) ‘окно’, *сигин* (лит.) **sigi-* ‘отверстие’;
ши (П), *schí* (Ш), *си* (лит.) **si:* ‘ты’;
шивунь (П), *schíwun* (Ш), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigūn* ‘солнце’;
schiksche (Ш) ‘вечер’, *schíckscha* (Ш) ‘поздно’, *сиксэ* (лит.) **sikse* ‘вечер, сумерки’;
schimúlakal (Ш), *симула:кал* (лит.) **sim-* ‘молчать-IMPER2SG’;
schingarín (Ш), *сиңарин* (лит.) **siŋa-(ri-)* ‘желтый’;
schongom (Ш), *соном* (лит.) **soŋa* ‘плакать-NFUT.1SG’;
шу (П), *schu* (Ш), *су:* (лит.) **su:* ‘вы’;
schûn (Ш), *сун* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’.

▪ **f в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

aschi inengü (Ш), *эси: инэнү* (лит.) **esi:* ‘сейчас полдень’
óschikta (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-hta* ‘звезда’;
áschinap (Ш), *а:синан* (лит.) ‘спать-INCEP-1PL.INCL’;
aschadschikan (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка’ от **asi:*;
aschi (Ш), *аси:* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена’;
aschiktà (Ш), *аси:кта* (лит.) **xasi:-hta* ‘ель’.

▪ **s в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

isal (Ш), *э:сал* (лит.) **íia-sa* ‘глаз’ (в записи А. М. Шегрена в PL);
gussikà (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’, ср. с *gúschkoh* (Ш) у мангазейских эвенков;
ússi (Ш), *уси:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

▪ **s в инлауте в консонантном сочетании корня:**

tóksjaki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’.

▪ **f в инлауте в консонантном кластере суффикса**

Суффикс *-ski:* как вариант *-tki:* является показателем аллатива [Василевич 1958: 789]:
atáschiki (Ш), *амаски:* (лит.) ‘назад’.

Суффикс *-ksa*, его сингармонизированные алломорфы (*-ksə*, *-kso*) и диалектный вариант *-kta* служат для образования имен, обозначающих массу однородного материала:

tóksche (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’.

▪ *ʃ* в инлауте в интервокальной позиции в составе глагольного суффикса

Эвенкийский суффикс *-si:*, образующий формы глагола отрицания и глагола ‘быть’ в настоящем времени, имеет параллели с ороц. *-si*, уд. *-hi*, эвен. *-sə* (в настоящем времени) и *-si* (в прошедшем времени) [Василевич 1958: 778]:

aschìmaschina (Ш), *эсим а:сина* (лит.) ‘NEG-NFUT-1SG спать-INCEP-PNEG’;

aschìm itscheschire (Ш), *эсим ичэдерэ* (лит.) ‘NEG-NFUT-1SG видеть- PNEG’;

bischiñ (Ш), *бисин* (лит.) ‘быть-NFUT-3SG’.

На сегодняшний день на территории Нерчинского уезда распространен нерчинский говор витимо-нерчинского (баунтовско-талочского) диалекта, принадлежащий к секающему южному наречию эвенкийского языка [Булатова 2005: 448].

Первые данные по этому говору были собраны Г. Ф. Миллером летом 1735 г. посредством личных бесед с инородцами [Андреев 1937: 64]. Предшественник Палласа 40 годами ранее также отмечает, что «тунгусы в Нерчинском уезде говорят больше на монгольском, чем на своем собственном тунгусском языке» [Миллер 2009: 64].

В работе «Об инородцах Амурского края» 1883 г. Л. Шренк приводит различные варианты названия реки Амур, используемые тунгусскими племенами амурского бассейна: Шилкар, Шилкир, Силкар, Силкир и Сиркал [Шренк 1883: 150]. Г. Ф. Миллер фиксирует гидроним в произношении нерчинских эвенков как Шилкир [Миллер 1937: 177]. Спустя чуть более века М. А. Кастрен отмечает, что в нерчинском говоре *s* перед *i* приобретает шекающий характер, но сохраняет секающее качество в остальных позициях: *ifim* (Кастрен), *исим* (лит.) ‘достичь-NFUT-1SG’; *istsæf* (Кастрен), *ичэ:в* (лит.) ‘достичь-PST-1SG’.

При этом в словаре П. С. Палласа перед *i* преобладает *ʃ*: *schingarìn* (Ш), *сиуарин* (лит.) **siŋa-(ri-)* ‘желтый’; *schimulákal* (Ш), *симу:ла:кал* (лит.) ‘молчать-IMPER2SG’; *auu* (П), *асу:* (лит.) **asi:* ‘жена’. Но есть и примеры сочетания сочетаний *si:* *синь* (П), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’; *siggi* (П), *сиги:* (лит.) **sigū* ‘чаща’; *ýcu* (П), *усу:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

В 1848 г. в районе Читы М. А. Кастрен посвятил около 3—4 месяцев работе с носителями маньковского и урульгинского говоров эвенкийского языка. В результате полевого исследования Кастрен подготовил две тетради грамматических и словарных записей, легших в основу первой грамматики эвенкийского языка [Castrén 1856: VI]. Лингвист отмечает, что, как и в контактирующем с эвенкийским бурятском языке, в говоре нерчинских эвенков *h* часто заменяет собою *s*: *-sun* ~ *-hun* ‘PS2SG’, *a:sinam* ~ *a:hinam* ‘спать-INCEP-1SG’ [Castrén 1856: 4], ср. с шекающими примерами П. С. Палласа: *áschinap* ‘спать-INCEP-1PL.INCL’, *aschìmaschina* (Ш), *эсим а:сина* (лит.) ‘NEG.NFUT.1SG спать-INCEP-PNEG’.

В бурятском языке, в отличие от других языков этой семьи, рефлекс прамонгольского **s* приобретает спирантное качество. Такой же переход **s* > *h* наблюдается и в записанной П. С. Палласом эвенкийской лексике монгольского происхождения: *dawussún* (Ш), *давахун* (лит.) ‘соль’, ср. с п.-мо. **dabu-s*, бур. *dabha(n)*.

С лета 1919 г. до весны 1926 г. с тунгусским населением Ленско-Киренского, Северо-Байкальского и Витимо-Нерчинского районов работал Е. И. Титов. На основе лексических и фонетических особенностей Титов выделил говоры тутуро-ачеульских, северо-байкальских, витимских и нерчинских эвенков. К последней группе эвенков ученый отнес роды Бултэбир и Туруябир [Титов 1926: VII—IX]. Лексика, записанная от представителей этих родов, показывает исключительно секающий характер говора. Обобщение данных по рефлексу праэвенкийского **s* по материалам XVIII—XX вв. представлено в таблице 7.

Наречие эвенков Верхней Ангары

В Забайкалье П. С. Паллас ознакомился с тремя группами тунгусов: верхнеангарскими, нерчинскими и баргузинскими эвенками. По современной классификации верхнеангарский говор относится к северо-байкальскому диалекту южного наречия. Записи П. С. Палласа указывают на шекающий характер говора в XVIII в.

▪ *ʃ* в анлауте:

schegèff (Ш), *сэгэв* (лит.) **segep* ‘соболь’;

schéle (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;

Таблица 7. Рефлекс праэвенкийского *s в нерчинском говоре витимо-нерчинского диалекта в диахронии

		П. С. Паллас, 1773 г.	А. М. Кастрен, январь—июль 1848 г.	Е. И. Титов, 1919—1926 гг.
топор	сукэ	*sak-pi	sukə	sukatʃan
ты	си	*si	ʃi	si
вы	су:	*sū	ʃu	su
ухо	се:н	*sian	sin	sən
чаща	сиги:	*sigū	sigi	sihi
шуба	сун	*sūn	ʃun	su:n
соболь	сэгэв	*segep	ségeb	səgəf
шаман	самāн	*samā-n		saman
веревка	уси:	*usi:	úsi	uʃi
глаз	э:са	*ńia-sa	ísa	əsa
жена	аси:	*asi:	aʃi	osi
облако	туксу	*tuge-	tókʃe	tuksam

schi (Ш), *cu* (лит.) *si: ‘ты’;

schokto (Ш), *сокто* (лит.) ‘пьяный’, ср. сол. *соктоо-*, нег., ороч., уд., ульч., орок., нан., ма. *сокто-* [ТМС II: 106];

schongòm (Ш), *соном* (лит.) *soŋa ‘плакать-NFUT.1SG’;

schun (Ш), *сун* (лит.) *su:n ‘зимняя одежда’;

schurugòtt (Ш), *сурувот* (лит.) ‘уйти-IMPER IPL.INCL’.

▪ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

aschadka (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка, дочь’ от *asi:;

awú (П), *aschi* (Ш), *аси:* (лит.) *asi: ‘женщина, жена’;

éscha (Ш), *э:са* (лит.) *ńia-sa ‘глаз’.

▪ **s в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

ossityrga (Ш), *эси:-тырга* (лит.) *esi: ‘сейчас день’.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере:**

guschko (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’;

tukschaki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от *tuksa- ‘бежать’.

По преданию, сохранившемуся у забайкальских тунгусов, до прихода русских и вторжения в эти края бурятского населения предки эвенков занимали все пространство к востоку от Байкала, по Амуру, Шилке, Аргуни и впадающим в них рекам [Спасский 1822: 23]. В 1646 г. в устье р. Верхней Ангары был построен Верхнеангарский острожек Баргузинского острога. На тот момент число эвенков в его районе составляло 751 человек.

С XVII в. по начало XX в. сохранялась несомненная преемственность в отношении занимаемой территории в бассейне р. Верхней Ангары, где верхнее течение реки занимали тунгусы Чильчагирского рода, а ее низовья и Байкал — тунгусы Киндигирского рода. Территория верхнеангарских тунгусов охватывала территорию современного Северо-Байкальского района Бурятии, выходя за его пределы в сторону р. Чаи, Чуи, Мамы, и осваивалась ими в этих границах вплоть до первой четверти XX в. [Сирина, Фондал 2006: 6].

В 1925 г. Е. И. Титов исследовал район Верхней Ангары. В устье левого притока Верхней Ангары р. Катеры в поселке Ченчи проживало около 600 эвенков вернеангарского рода Чильчагиров [Титов 1926: VI]. Некоторые записи по этому говору под руководством Е. И. Титова произвел представитель чильчагирского рода Федор Гурьевич Комарицын [Титов 1926: XIV]. Для данного говора характерно как шекание, так и секание в анлауте, а также последовательное шекание во всех инлаутных позициях.

▪ **ʃ в анлауте:**

šihygañ, šigi: (лит.) **sigī* ‘чаша’;
šivološani ‘первая половина зимы’, *šigələsəni:* (лит.) ‘поздняя осень’;
šamkol, so:mkəl (лит.) от **so:m-* ‘закрыть-IMPER2SG’;
šangar ‘дырявый’, *šaŋa:p* (лит.) **šaŋa-* ‘дыра’;
šənduk, se:nduk (лит.) **sian* ‘ухо’;
šərlɔduk ‘ноздри-PL-ABL’, *se:lurɔduk* (лит.) ‘ноздри’, ср. с эвен. *hæ:lun*, нег. *se:lun*, уд. *salu(n-)* [ТМС II: 70].

▪ **s в анлауте:**

so ‘настолько, в такой степени’, *so:* (лит.) **so:* ‘очень’;
soɣondžomi, soɣomi (лит.) **soŋa* ‘плакать-IPFV-INF’;
solit, sologit (лит.) ‘верхнее течение.реки-ELAT’;
sonandulī ‘отверстие.юрты-PROL’, *so:na* (лит.) ‘верхнее дымовое отверстие в чуме’, ср. с эвен. *ho:nan*, нег. *so:na*, ороч. *so:no*, ульч. *so:n-*, орок. *so:no*, ма. *son* [ТМС II: 70];
suktywɔdan, suktywɔdjan (лит.) ‘отстать-CVPURP-1PL.INCL’;
surudžimi, surudjami (лит.) **suri-* ‘уйти-IPFV-INF’;
syru, syru: (лит.) ‘олень-пороз’, ср. нег. *xira* [ТМС II: 96];
ssukà (Ш), *sukə* (лит.) **sak-pi* ‘топор’.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере корня:**

ašadž’amī ašaran ‘догоняя гнал’, *ašadjami ašaran* (лит.) ‘гнать-IPFV-INF гнать-NFUT-3SG’;
ošilo ‘достаточно’, *esi:lə* (лит.) ‘хорошо! вот же!’ от **esi:* ‘сейчас’.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса:**

ošin sururu, esin sururə (лит.) ‘NEG-NFUT-3SG уйти-IPFV-PNEG’;
mošaltmyki ‘в лес’, *mo:saltmyki:* (лит.) от *mo:* ‘дерево’ и суффикса собирательности *-sa* (*-sə, -so*);
nokuošel ‘братья’, *nəku:nəsəl* (лит.) от показателя собирательности *-sal*.

Наречие баргузинских эвенков

Баргузинский говор витимо-олекминского диалекта распространен в верхней части бассейна реки Баргузин. Секающий в своей основе, он включает говоры из соседних секающих и восточных секающе-хакающих диалектов [Василевич 1958: 616].

Во времена П. С. Палласа Баргузинский острог относился к Селенгинскому уезду. За острогом числилось более 1600 кочующих в степи ясачных тунгусов. В общей сложности в российской Даурии насчитывалось более 16000 бурят и тунгусов против 118000 русских обывателей мужского пола [Паллас 1788: 385]. Лексика, записанная в экспедиции П. С. Палласа, свидетельствует о секающем характере говора в анлауте и смешанном (секание и шекание) в инлауте.

▪ **s в анлауте:**

sagàn (Ш), *səgəvin* (лит.) **seger* ‘соболь-PS3SG’;
sangnjan (Ш), *saŋnjan* (лит.) **saŋŋan* ‘дым’;
šingari (Ш), *šingarin* (лит.) **šija-(ri-)* ‘желтый’;
séen (Ш), *se:n* (лит.) **sian* ‘ухо’;
seljúkta (Ш), *silukta* (лит.) **silu-hta* ‘кишка’;
šinin (Ш) ‘окно’, *šigin* (лит.) **šigi-* ‘отверстие’;
sokdonnò (Ш), *sə:gdə:nənə* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;
sokdsjo (Ш) ‘дикий северный олень’, *səgden* (лит.) **sig-/seg-* ‘домашний северный олень’;
sóktoim (Ш), *səktəvu:nmi* (лит.) ‘постель-PS1SG’ от **seg-* ‘подстилать’;
sölò (Ш), *sələ* (лит.) **sele* ‘железо’;
šuko (Ш), *sukə* (лит.) **sak-pi* ‘топор’;
šuiği (Ш), *šugi* (лит.) ‘буря’, ср. сол. *so:vi:*, эвен. *hujī*, нег. *so:ui*; ороч., ульч., орок. *su:u*; уд. *so:gi*; нан. *so:u*; ма. *su* [ТМС II: 119];
šuin (Ш), *šun* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’.

▪ **s в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

asátkan (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девушка, дочь’ от **asi:*;
esja (Ш), *э:са* (лит.) **ńia-sa* ‘глаз’;
dawussùn (Ш), *давахун* (лит.) ‘соль’, ср. с п.-мо. **dabu-s*, бур. *dabha(n)*;
usi (Ш), *уси:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

▪ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

aschiw (Ш), *аси:в* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена-PS1SG’;
öschi (Ш) ‘сегодня’, *эси:* (лит.) **esi:* ‘сейчас’;
óschikta (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-hta* ‘звезда’.

▪ **ʃ в инлауте в корневом консонантном кластере:**

guskò (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’;
toukschaki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса -ksV:**

túksu (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’;
tyrukschó (Ш), *тырэ:кэ* (лит.) **tiru-kse* ‘кра’.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса -skV**

Показатель аллатива *-ski:* как вариант суффикса *-tki:* [Василевич 1958: 789]:
dschuláaschki (Ш), *дюлэ:ски:* (лит.) ‘вперед’;
amáschki (Ш), *амаски:* (лит.) ‘назад’.

▪ **ʃ и s в инлауте в интервокальной позиции суффикса:**

Суффикс имени состояния и признака *-si:-*, ср. эвен. *-si-* [Василевич 1958: 778]:
japúschin (Ш), *епу* (лит.) ‘теплый’;
yüillischin (Ш), *гиллисин* (лит.) ‘холодный’.

Суффикс собирательности *-sa* (*-sə*, *-so*):
moosà (Ш), *мо:са* (лит.) ‘лес’ от *мо:* ‘дерево’.

В 1926 г. Н. Н. Поппе записал материалы баргузинского говора от слушателя подготовительного отделения Ленинградского института живых восточных языков П. Н. Баранова (1906 г. р.) из рода Галцо:hip [Поппе 1927: 2]. Помимо разработанной грамматики и составленного словаря, работа содержит записи текстов загадок, сказок и сказания (углур) о происхождении рода Галцо:hip. Поппе подчеркивает, что наречие баргузинских тунгусов весьма близко к исследованным в 1848 г. А. М. Кастреном урульгинскому и маньковскому наречиям [Поппе 1927: 4], сопоставимым с современным нерчинским говором витимо-нерчинского диалекта.

Опираясь на данные Н. Н. Поппе, В. А. Горцевская обращает внимание на ауслатный *ʃ* в ряде слов: *əlakəʃ*, *элэкэ:с* (лит.) ‘сначала’, *artuʃ* ‘надштанники’. Шипящий рефлекс пражвенкийского **s* встречается в составе посессивного суффикса 2SG (*akniwaf* ‘твоих старших братьев’) и показателя глагольной формы ближайшего будущего времени 2SG (*išedžijə:f* ‘видеть-IPFV.NFUT.2SG’; *girkudžijaf* ‘ходить-IPFV.NFUT.2SG’) [Горцевская 1936: 22]. Кроме того, исследовательница рассматривает позиции, где *ʃ* вместе с другими согласными образует консонантные сочетания.

Так, В. А. Горцевская заключает, что баргузинский говор эвенкийского языка относится к говорам смешанного типа, в нем обнаруживаются свистящие сибиллянты в анлауте, шипящие сибиллянты в инлауте в составе консонантных кластеров, а также велярные спиранты в интервокальной позиции.

Эти фонетические черты отчасти находят соответствие в баргузинском говоре наших дней. Современное состояние баргузинского эвенкийского можно проследить по словарю, записанному от носительницы говора П. П. Дамбуевой⁴.

⁴ Материалы аудиального словаря доступны в виртуальной лаборатории «ЛингвоДок» (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1574/91767/perspective/1574/91773/view>).

Таблица 8. Рефлекс праэвенкийского *s в баргузинском говоре витимо-олекминского диалекта в диахронии

			П. С. Паллас, 1773	Н. Н. Поппе, 1926	П. П. Дамбуева
кровь	сэ:кэ:	*sēgV-		so:ksə	sókso
спина	сэ:гдэ:ннэ	*sogda-nsa	sokdonno	sogdonno	sogdonno
Бог	сэвэки:	*sebe		səwəki:	
ноздря	сёлун	*saŋa-	felon		saŋa:rin
бровь	саримйкта	*sarimī-		sarmikta	
ухо	се:н	*sian	séen	se:n	se:n
крик, вопль		*sag-	ʃogoún		
песок	сируги	*siru-		sirugi:	
глубокий	су́нта	*suŋta	ʃunta		
дыра	са́жа:р	*saŋa-	ʃagarʹ	saŋa:r	saŋa:r
чаща	сигй	*sigū		siyi:	
старый	сагды	*sag-da-	ʃagdi		
шуба	сун	*sūn		su:n	
лиса	сулакй	*sulakī		sulaki:	
желтый	си́жарин, си́жама	*siŋa-(ri-)		siŋama	
кишка	силукта	*silu-kta	sel'úkta	silukta	silúkta
окно	сигин			siji:n	
пьяный	сокто		soktó		
постель	сэ́ктэву:н	*seg-	sóktoum	səktə	
дым	са́ннан	*saŋnan	saŋnan	saŋna	sáŋna
соболь	сэгэв	*segep	sagán		
налим	сё́жан	*siaŋa-		seŋan	
знать	сá-	*sā-		sa:kəl	sanni
шаман	самāн	*samā-n		sama:n	sama:n
веревка	уси:	*usī-	usi	uhi:	
глаз	э:са	*ńia-sa	es'ja	e:ha	éɣa
жена	аси:	*asī	aʃi	ahi:	
девочка	аса:тка:н	*asī	asátkan		
ноготь	оси:кта	*xosī-kta		ohikto	
звезда	о:сикта	*xōsi-kta	ófikta, utamikta	o:hikta	o:hikta
кровь	сэ:кэ:	*sēgV-	ʃokʃo		sókso
жир	иму:кэ	*ximū-ŋkse		imu:kʃə	
икра	тырэ:кэ, тысэ	*tiru-kse	tyrukʃə	tiru:kʃə	
заяц	туксаки:	*tuksa-	toukʃakí	tukʃaki:	
облако	туксу	*tuge-	túksu	tukʃu	túksu
волк	гускэ		guskó	gusko:, guʃko:	gusko:
назад	амаски:				amaskáki:

Наречие эвенков округа Якутска

Наименее прозрачным среди записанных П. С. Палласом наречий эвенкийского языка оказывается наречие эвенков округа Якутска. Если в случае с прочими наречиями удастся установить примерное место записи и родовую принадлежность информантов, то сделать подобные заключения относительно якутского наречия эвенкийского не представляется возможным. Как следует из путевых дневников П. С. Палласа, ни сам академик, ни члены его экспедиции не исследовали территорию Якутского округа. В словаре П. С. Палласа, записанном от якутских эвенков, в анлауте в основном проявляется шекание, однако есть и примеры секания, тогда как в инлауте проявляются *f* и *h*.

▪ *f* в анлауте:

schágau (Ш), *сэгэв* (лит.) **segep* 'соболь';
schaktáun (Ш), *сэ́ктэву:н* (лит.) 'постель' от **seg-* 'подстилать';

schángnjanj (Ш), *саунян* (лит.) **saŋŋan* ‘дым’;
schawaki (Ш), *сэвэки*: (лит.) **sebe* ‘Бог’;
schéle (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;
schelókta (Ш), *силукта* (лит.) **silu-hta* ‘кишка’;
uu (П), *shi* (Ш), *cu* (лит.) **si* ‘ты’;
schingerikàn (Ш), *сиуэрэ:кэ:н* (лит.) ‘мышь’, ср. эвен. *hiŋŋerké:n*, нег. *сиуэ:јэ*; ульч., орок., нан. *сиуэрэ:*, ороч. *сиуэ*, ма. *сиуэхун*;
schogdóndo (Ш), *сэ:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;
schoktòm (Ш), *соктом* (лит.) ‘опьянеть-NFUT.1SG’, ср. сол. *соктоо-*, нег., ороч., уд., ульч., орок., нан., ма. *сокто-* [ТМС II: 106];
schonga (Ш) ‘жеребенок’, *со:нна:* (лит.) ‘оленок’, ср. с *со:нка:н* (лит.) ‘месяц отела оленей и вскрытия рек, май’;
schongóron (Ш), *союрон* (лит.) **soŋa* ‘плакать-NFUT.3SG’.

▪ **s в анлауте:**

ssigúnj (Ш), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigün* ‘солнце’;
ssèn (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;
ssúgi (Ш), *суги* (лит.) ‘буря’, ср. сол. *со:ви:*, эвен. *hyji*; нег. *соуи*; ороч., ульч., орок. *су:и*; уд. *соги*; нан. *со:и*; ма. *су* [ТМС II: 119];
ssirjù (Ш) ‘жеребец’, *сиру:* (лит.) самец-производитель, ср. нег. *хура* [ТМС II: 96].

Примечательно, что в *ssjúka* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’ праэвенкийское **s* подверглось палатализации, вероятно, под влиянием якутского языка. Палатализация *s*, предшествующего *u*, была отмечена в восточном наречии эвенкийского языка в п. Перевоз Бодайбинского района Иркутской области во время экспедиции под руководством О. А. Казакевич в 2018 г. В речи информанта-билингва (носителя якутского и эвенкийского языков) Нилова Геннадия Алексеевича (1944 г. р.) была отмечена глагольная форма *сюрюкэл, сурукэл* (лит.) **suru-* ‘уйти-IMPER2SG’. Данный глагол фигурирует в якутском наречии эвенкийского языка в записях П. С. Палласа с непалатализованным шипящим сибилантом: *schurugòtt* (Ш), *сурувом* (лит.) ‘уйти-IMPER1PL.INCL’. О губном притяжении в учуро-зейских диалектах восточного наречия под влиянием якутского языка свидетельствует также Г. М. Василевич: *юрюнджюрюн, уру:ндярэн* (лит.) ‘радоваться-NFUT-3SG’ [Василевич 1948: 263].

▪ **f в инлауте в интервокальной позиции:**

aschatkàn (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка, дочь’ от **asi:*;
aschi (Ш), *аси:* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена’ (также указан вариант *ahi*).

▪ **h в инлауте в интервокальной позиции:**

ahétta (Ш), *аси:кта* (лит.) **xasi:-hta* ‘ель’;
éha (Ш), *э:са* (лит.) **nia-sa* ‘глаз’.

▪ **f в инлауте в составе консонантного кластера в корне:**

guschkà (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’.

▪ **-ksV > hV в суффиксе и корне:**

targáha (Ш), *тэргэксэ* (лит.) ‘одежда’;
tíha (Ш), *тырэ:ксэ* (лит.) **tiru-kse* ‘икра’;
túhu (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’;
tuháki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’.

На сегодняшний день говоры эвенкийского языка, распространенные на территории Якутии, относятся к диалектам восточного наречия. По О. А. Константиновой, в говорах этого наречия в анлаутной позиции праэвенкийский **s* проявляется как *s* или *h*, тогда как для интервокальной позиции в инлауте характерен *h* [Константинова 1964: 4].

Однако материалы Г. М. Василевич [Василевич 1948: 263], а также других исследователей не подтверждают наличия анлаутного *h* в восточном наречии эвенкийского языка. Так, тексты, записанные от

носителей токкинского говора олекминского диалекта [Романова, Мыреева 1971], томмотского говора верхнеалданско-зейского диалекта [Романова, Мыреева 1962], майского и тоттинского говоров аянского диалекта и учурского говора учуро-зейского диалекта [Романова, Мыреева 1964]⁵, демонстрируют исключительно *s* в анлауте и *h* в инлауте: *sama:n *samā-n* ‘шаман’, *sa:ra *sā-* ‘знать-PNEG’, *sələmə* ‘сердце’, *sagdi *sag-da-* ‘старый’, *əhi: *esi:* ‘сейчас’, *ahi: *asi:* ‘женщина, жена’.

В диссертации по тугуро-чумиканскому диалекту дальневосточных эвенков Т. З. Пукшанская указывает на соответствие анлаутного *s* в восточном диалекте и в говоре охотских эвенков: *си* ‘ты’, *сулаки:* ‘лиса’, *сен* ‘ухо’; *саран* ~ *сарэн* ‘знать-NFUT-3SG’ [Пукшанская 1956: 83]. Подобная дистрибуция подтверждается результатами экспедиции в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края в 2019 г. под руководством О. А. Казакевич.

Данные секающе-хекающих селемджинского и желтулакского диалектов Амурской области⁶ также не подтверждают наличие рефлекса праэвенкийского *s в виде анлаутного *h* в восточном наречии эвенкийского языка: *се:рун* ‘радуга’, *сури:* ‘сиг’, *сэукирэ* ‘багульник болотный’, *о:хикта* ‘звезда’, *эхи:ткэ:н* ‘сейчас’, *ахи:ра:н* ‘любовница’.

Заключение

Рукопись А. М. Шегрена (список рукописи 1842 г.) представляет собой переработанные и расширенные словарные материалы П. С. Палласа (1773 г. записи, 1787—1789 гг. издания). По всей вероятности, А. М. Шегрен черпал данные из черновики «Сравнительных словарей всех языков и наречий» П. С. Палласа. Список рукописи 1842 г. включает словари наречий мангазейских, енисейских, верхнеангарских, нерчинских, баргузинских, якутских эвенков, двух вариантов эвенского языка, а также маньчжурского языка. Однако говор эвенков рода Чапогир, который идет в словаре П. С. Палласа в отрыве от остальных эвенкийских наречий, не отражен в записях А. М. Шегрена. Стоит отметить, что списки Палласа и Шегрена дают первую наиболее полную картину по диалектам эвенкийского языка всех трех наречных ареалов: северного, южного и восточного. Неохваченными остаются, в частности, говоры групп эвенков, проживающих в Верховьях Лены, по Амуру и побережью Охотского моря.

Языковые данные эвенкийских словарей, записанных по заданию П. С. Палласа В. Ф. Зуевым на Енисее, позволяют выделить изофону шекания для бассейна Енисея по состоянию на 1773 г. Шипящий сибилант последовательно фигурирует во всех позициях: в анлауте, в инлауте в интервокальном положении, в составе консонантного кластера суффикса *-k/V*, а также в ауслауте. Этот ареал включает наречия эвенков Мангазеи, Енисейска и рода Чапогир.

Ранее в 1723 г. Д. Г. Мессершмидт записал говоры эвенков енисейско-туруханской, учамско-вивинской, нидымско-турыжской и илимпейско-кочомской групп. Списки зафиксированной Мессершмидтом лексики, в отличие от словарей П. С. Палласа, иллюстрируют не только шекание, но и секание, а также промежуточное между *s* и *f* шепелявое произношение сибиланта.

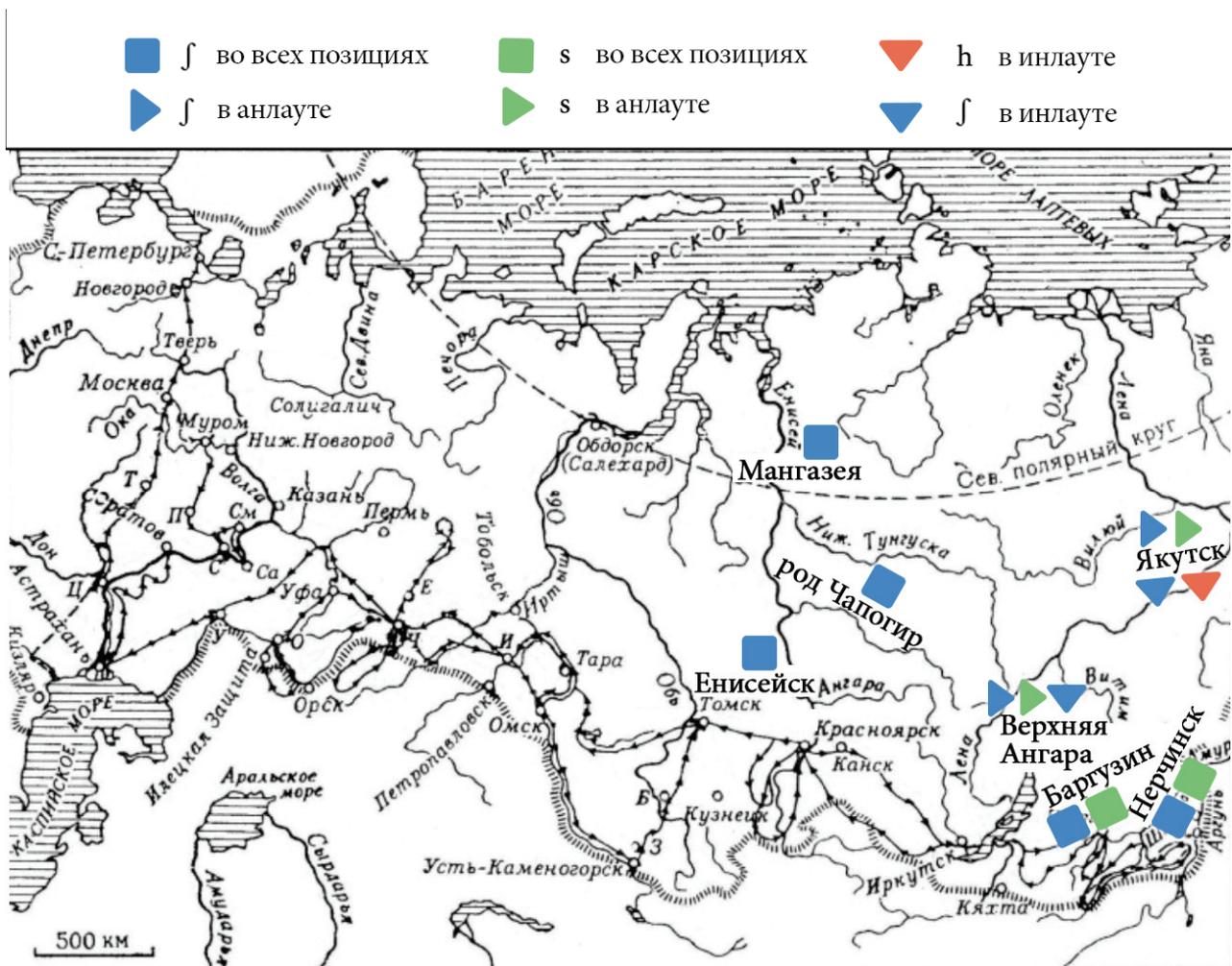
Позднее в экспедиции 1843—1844 гг. А. Ф. Миддендорф работал с эвенками, кочующими в районе озер бассейна р. Норилка. Материалы Миддендорфа, как и списки Мессершмидта, также не демонстрируют такого единообразия в отношении рефлекса праэвенкийского *s, как лексика словарей П. С. Палласа. В записях А. Ф. Миддендорфа превалирует шекание, однако есть и примеры секания.

Картина последовательного шекания в говоре эвенков рода Чапогир, отраженная помощником П. С. Палласа в 1773 г., не совпадает с языковыми данными, записанными в этой местности Д. Г. Мессершмидтом в 1723 г. В отличие от шекающей лексики в словаре П. С. Палласа, в говоре нидымско-турыжской группы в записях Д. Г. Мессершмидта вместе с шеканием возникает чеканье.

На основе данных первых фиксаций говоров эвенкийского языка, распространенных на территории современных сымского диалекта, илимпейского и подкаменно-тунгусского диалектов, можно сделать выводы о характере изменения рефлекса праэвенкийского *s с первой четверти XVIII в. по наши дни. В илимпейском диалекте северного наречия в диахронии прослеживается переход *s > f > h с сохранением сибиланта в виде *s* в ауслауте. Говор эвенков рода Чапогир относится к подкаменно-тунгусскому диалекту южного наречия. На сегодняшний день он демонстрирует смешанные черты хакания и секания в анлауте, представляя собой, таким образом, переходный вариант от зоны северного наречия к южному. Сымский диалект шипящего южного наречия неизменно сохраняет шекание на протяжении рассматриваемого периода.

⁵ Говоры и диалекты приведены в соответствии с номенклатурой, использованной А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой.

⁶ Данные взяты из Речевого корпуса эвенкийского языка (аннотированного): <https://linguacorporus.amursu.ru/>.

Карта 3. Рефлекс *s в наречиях эвенкийского языка по словарям П. С. Палласа 1773 г. записи

Составленные П. С. Палласом словари говоров северобайкальских эвенков Верхней Ангары и забайкальских эвенков Нерчинска и Баргузина восточного наречия эвенкийского языка обнаруживают схожие фонетические и лексические черты. Записи П. С. Палласа указывают на шекающий характер верхнеангарского говора в XVIII в., тогда как полтора века спустя, в 1925 г., в ходе экспедиции Е. И. Титова проявилась тенденция к равной дистрибуции шекания и секания в анлауте, а также последовательному шеканию во всех инлаутных позициях.

Лексика, записанная в экспедиции П. С. Палласа от баргузинских эвенков, свидетельствует о шекающем характере говора в анлауте и смешанном (секание и шекание) в инлауте. По материалам 1926 г., зафиксированным Н. Н. Поппе, в баргузинском говоре обнаруживаются свистящие сибиллянты в анлауте, шипящие сибиллянты в инлауте в составе консонантных кластеров, *h* в интервокальной позиции и шипящие в ауслауте. На сегодняшний день *s* проявляется в начальной позиции, в составе консонантных сочетаний имеет шекающий характер, а в интервокальной позиции произносится как велярный спирант.

По материалам П. С. Палласа, в наречии нерчинских эвенков вне зависимости от последующего гласного рефлекс праэвенкийского **s* может реализоваться в анлауте и инлауте и как *s*, и как \int . В 1848 г. М. А. Кастрен отмечает, что в нерчинском говоре *s* перед *i* приобретает шекающий характер, но сохраняет шекающее качество в остальных позициях. Лингвист отмечает в говоре нерчинских эвенков единичные случаи спирантизации интервокального *s* под влиянием контактирующего с эвенкийским бурятского языка. Однако в нерчинском словаре П. С. Палласа рефлекс **s* в лексике, указанной А. М. Кастреном как пример *s* > *h*, сохраняет шипящий характер. Словарь, записанный в первой четверти XX в. Е. И. Титовым, показывает исключительно шекающий характер говора, характерный для современных диалектов южного наречия эвенкийского языка.

Лексика словаря наречия якутских эвенков демонстрирует в анлауте шекание и отдельные примеры секания, в инлауте проявляется как \int , так и *h*. Примечательно, что в составе консонантного кластера *sk*

сибилянт имеет шипящий характер, а в случае *ks* переходит в *h*. Е. И. Убрятова и Н. Н. Широбокова обращают внимание на роль эвенкийского языка в развитии общетюркского *s в якутском языке. В современном литературном якутском языке в анлауте сохраняется *s*, а в интервокальном положении *s > h* [Широбокова 2001: 75]. Данная дистрибуция в восточном наречии эвенкийского языка, свойственная также якутскому и бурятскому языкам может быть рассмотрена как фонетическая черта циркумбайкальского языкового союза, сформировавшегося под влиянием длительных и одновременных контактов языков тунгусо-маньчжурской, тюркской и монгольской семей [Наделяев 1986: 3].

Сокращения

Языки

бур. — бурятский	п.-мо. — прамонгольский
вост. — восточное наречие эвенкийского языка	сол. — солонский
лит. — литературный вариант эвенкийского языка	уд. — удэгейский
ма. — маньчжурский	ульч. — ульчский
нан. — нанайский	эвен. — эвенский
нег. — негидальский	эвенк. — эвенкийский
орок. — орокский	якут. — якутский
ороч. — ороцкий	

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	NEG — отрицательный глагол
ABL — аблатив	NFUT — не будущее
CVPURP — деепричастие цели	PL — множественное число
DUR — дуратив	PNEG — причастие при отрицании
ELAT — элатив	PROL — пролатив
IMPER — императив	PRS — настоящее время
INCEP — инцептив	PS — посессив
INCL — инклюзив	RFL — рефлексив
INF — инфинитив	SG — единственное число
IPFV — имперфектив	

Литература

Андреев 1937 — Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири / Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. М.—Л., 1937. {*Andreev A. I. Works of G. F. Müller about Siberia / Müller G. F. The History of Siberia. Vol 1. Moscow — Leningrad, 1937.*}

Богораз-Тан 1927 — Богораз-Тан В. Г. Кастрен — человек и ученый // Памяти М. А. Кастрена: к 75-летию дня смерти. Л., 1927. С. 3—35. (Очерки по истории знаний. Вып. II). {*Bogoraz-Tan V. G. Castrén — a man and a scientist // In memory of M. A. Castrén: in commemoration of the 75th anniversary of death. Leningrad, 1927. P. 3—35. (Essays on the History of Knowledge. Issue II).*}

Бранч 2004 — Бранч М. Андерс Йохан Шёгрэн // Ред. Т. Вихавайнен. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. {*Branch M. A. J. Sjögren // Ed. T. Vihavainen. Sata suomalaista pienoiselämäkertaavaenäjäksi. Helsinki, 2004.*}

Булатова 2005 — Булатова Н. Я. Эвенкийский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. 111. Москва, 2005. С. 446—458. {*Bulatoba N. Ya. Evenki Language // Languages of the Russian Federation and neighboring states. Encyclopedia. Vol. 111. Moscow, 2005. P. 446—458.*}

Бурыкин 1985 — Бурыкин А. А. Лингвистические материалы XVIII—XIX веков как источник изучения исторической диалектологии эвенского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тезисы V конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985. С. 32—34. {*Burykin A. A. Linguistic materials of the 18th—19th centuries as a source for studying the historical dialectology of the Even language // Areal studies in linguistics and ethnography: theses of the 5th conference on “Problems of atlas cartography”. Ufa, 1985. P. 32—34.*}

Василевич 1931 — Василевич Г. М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Советский Север. 1931, 10. С. 133—145. {*Vasilevich G. M. On the question of the Tungus migrating to the west of the Yenisei River // Soviet North. 1931, 10. P. 133—145.*}

Василевич 1948 — *Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. {*Vasilevich G. M.* Essays on the dialects of the Evenki (Tungus) language. Leningrad, 1948.}

Василевич 1958 — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. {*Vasilevich G. M.* Evenki-Russian Dictionary. Moscow, 1958.}

Горцевская 1936 — *Горцевская В. А.* Характеристика говора баргузинских эвенков: По материалам Н. Н. Поппе. М.—Л., 1936. {*Gortsevskaya V. A.* Characterization of the dialect of the Barguzin Evenki: Based on the materials of N. N. Poppe. Moscow—Leningrad, 1936.}

Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. Серия: Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LV. М., 1960. {*Dolgikh B. O.* Descent and tribal origin of the Siberian peoples in the 17th century. Series: Proceedings of the Institute of Ethnography. N. N. Miklouho-Maclay. Vol. LV. Moscow, 1960.}

Дыбо 2018 — *Дыбо А. В.* Дискуссионная заметка к статье О. Н. Морозовой, С. В. Андросовой, В. С. Гибалина «Есть ли дифтонги в ороchonском языке?» // Урало-алтайские исследования. 2018, 4(31). С. 257—267. {*Dybo A. V.* Discussion note on the article by O. N. Morozova, S. V. Androsova, V. S. Gibalin “Are there diphthongs in the Orochonian language?” // Ural-Altaic Studies. 2018, 4 (31). P. 257—267.}

Казакевич, Митрофанова, Рудницкая 2009 — *Казакевич О. А., Митрофанова Н. К., Рудницкая Е. Л.* Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов (Публикация 2-я) // Вестник РГГУ. 2009, 6. С. 286—323. {*Kazakevich O. A., Mitrofanova N. K., Rudnickaya E. L.* Life stories of the autochthonous population of Siberia: publication of glossed texts (2nd Publication) // Newsletter of RSUH. 2009, 6. P. 286—323.}

Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.—Л.: Наука, 1964. {*Konstantinova O. A.* Evenki language. Phonetics. Morphology. Moscow—Leningrad: Nauka, 1964.}

Линденау 1984 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1984. {*Lindenau J. J.* Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century). Magadan, 1984.}

Маракуев 1877 — *Маракуев В. Н.* Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877. {*Marakuev V. N.* Peter Simon Pallas, his life, scientific works and travels. Moscow, 1877.}

Миллер 1937 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Том 1. М.—Л., 1937. {*Müller G. F.* The History of Siberia. Vol. 1. Moscow — Leningrad, 1937.}

Миллер 2009 — *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцише. М., 2009. {*Müller G. F.* The description of Siberian peoples / Ed. A. H. Elert, V. Hintsche. Moscow, 2009.}

Мищенкова 2019 — *Мищенкова К. О.* Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка в конце XVII в. и первой половине XVIII в. / «Урало-алтайские исследования». 2019. 3 (34). С. 72—84. {*Mischenkova K. O.* Reflections of the Proto-Evenki *s in the Evenki dialects in the late 17th century and the first half of the 18th century // Ural-Altaic Studies. 2019, 3(34). P. 72—84.}

Наделяев 1986 — *Наделяев В. М.* Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3—4. {*Nadelyaev V. M.* Circumbaikalic sprachbund // Studies on phonetics of Siberian languages and dialects. Novosibirsk, 1986. P. 3—4.}

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всеъх языковъ и нарѣчій. Ч. I. СПб., 1787. {*Pallas P. S.* The comparative dictionaries of all languages and dialects. Part I. Saint Petersburg, 1787.}

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Путешествіе по разнымъ провинціямъ Российскаго Государства. Ч. III. СПб., 1788. {*Pallas P. S.* Journey through various provinces of the Russian Empire. Part III. Saint Petersburg, 1788.}

Пекарский 1958—1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1—3. Изд. 2-е. Л., 1958—1959. {*Pekarskij E. K.* Dictionary of the Yakut language. Vol. 1—3. 2nd edition. Leningrad, 1958—1959.}

Поппе 1927 — *Поппе Н. Н.* Материалы для исследования тунгусского языка: Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927. {*Poppe N. N.* Inputs for the study of the Tungusic language: Idiom of Barguzin Tunguses. Leningrad, 1927.}

Пукшанская 1956 — *Пукшанская Т. З.* Говор эвенков Тугуро-Чумиканского района. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1956. {*Pukshanskaya T. Z.* Idiom of the Evenki of the Tugur-Chumikan district. PhD Thesis. Leningrad, 1956.}

Роббек В. А., Роббек М. Е. 2015 — *Роббек В. А., Роббек М. Е.* Эвенско-русский словарь / Эвэды-нючиды торэ-рук. Новосибирск, 2015. {*Robbek V. A., Robbek M. E.* Even-Russian dictionary. Novosibirsk, 2015.}

Романова, Мыреева 1962 — *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Очерки токинского и томмотского говоров / Под ред. Г. М. Василевич. М.—Л., 1962. {*Romanova A. V., Myreeva A. N.* Essays on Tokkin and Tommot idioms / Ed. G. M. Vasilevich. Moscow — Leningrad, 1962.}

Романова, Мыреева 1964 — *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., 1964. {*Romanova A. V., Myreeva A. N.* Essays on Uchur, Maya and Tottin idioms. Moscow — Leningrad, 1964.}

Романова, Мыреева 1971 — *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Фольклор эвенков Якутии / Под ред. Г. М. Василевич. Л., 1971. {*Romanova A. V., Myreeva A. N.* Folklore of Evenki of Yakutia / Ed. G. M. Vasilevich. Leningrad, 1971.}

Сирина, Фондад 2006 — *Сирина А. А., Фондад Г. А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Ин-т

этнологии и антропологии РАН. М., 2006. {*Sirina A. A., Fondal G. A. Evenks of Northern Baikal and the construction project of the oil pipeline "Easteran Siberia — Pacific Ocean" // Studies on Applied and Urgent Ethnology. RAS, Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow, 2006.*}

Спасский 1822 — *Спасский Г.* Забайкальские тунгусы // Сибирский Вѣстникъ. Вып. 18—20. СПб., 1822. {*Spasski G. Transbaikal Tunguses // Siberian Herald. Iss. 18—20. Saint Petersburg, 1822.*}

Титов 1926 — *Титов Е. И.* Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926. {*Titov E. I. Tungusic-Russian dictionary. Irkutsk, 1926.*}

ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. *В. И. Цинциус. Л.*, 1975. {*Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary / Ed. V. I. Cincius. Leningrad, 1975.*}

Туркин 1994 — *Туркин А.* Российско-Финляндские гуманитарные чтения // *Linguistica Uralica*. 1994. Том 30. № 2. С. 156—157. {*Turkin A. Russian-Finnish humanitarian readings // Linguistica Uralica. 1994. Vol. 30. № 2. P. 156—157*}

Черемисов 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973. {*Cheremisov K. M. Buryat-Russian dictionary. Moscow, 1973.*}

Широбокова 2001 — *Широбокова Н. Н.* Историческое развитие якутского консонантизма / Отв. ред. *Е. И. Урбатыова.* Новосибирск, 2001. {*Shirobokova N. N. Historical development of consonantism in Yakut / Ed. Urbyatova E. I. Novosibirsk, 2001.*}

Шренк 1883 — *Шренк Л.* Обь инородцахъ Амурскаго края. Т. 1. СПб., 1883. {*Schrenck L. On the indigenous dwellers of the Amur Territory. Vol. 1. Saint Petersburg, 1883.*}

Khabtagaeva 2011 — *Khabtagaeva B.* Yakut elements of Mongolic origin in Evenki // *Ural-Altai Studies*. 2011, 1 (4). P. 93—109.

Castrén 1839 — *Castrén M. A.* Dissertatio academica de affinitate declinationum in lingua fennica, esthonica et lapponica, etc. Helsingforsiae, 1839.

Castrén 1856 — *Castrén M. A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Saint Petersburg, 1856.

Messerschmidt 1964 — *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Т. 2: Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 // Verbindung mit Zahlreichen Fachgelehrten Herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin, 1964.

Schott 1836 — *Schott W.* Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836.

Wiedemann 1838 — *Wiedemann F. J.* Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhochasiens: Einladung zur öffentlichen Prüfung im hiesigen Gymnasium am 27sten und 28sten Juni 1838. Reval, 1838.

Witsen 1705 — *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1705 (2de druk).

О семантике ненецкого Итератива

Татевосов Сергей Георгиевич,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва); tatevosov@gmail.com

В статье обсуждается семантика Итератива в ненецком языке (морфема *ngkø*) и обосновывается гипотеза, согласно которой семантическое содержание Итератива сводится к указанию на то, что описываемая ситуация существенным образом похожа на событие из экстенционала исходного предиката, но сама тем не менее не входит в него. Это неформальное описание реализуется посредством указания на близкорасположенные нижестоящие альтернативы [Penka 2006] и требования, чтобы предикат был непредельным. Такая семантика создает несколько возможных эпизодических интерпретаций. Для предельных производных глаголов образуется дескрипция процесса, непосредственно предшествующего кульминации; для непредельных глаголов — процесса, у которого некоторое параметрическое свойство (например, интенсивность или непрерывность) представлено в меньшей степени, чем в стандартном случае. Тот же сценарий может реализовываться через дополнительный этап скрытой плюрализации, создающей непредельную дескрипцию. Для привычных предложений с Итеративом предполагается две возможности. В одном случае привычный оператор имеет узкую сферу действия по отношению к Итеративу, и это приводит к появлению предикации со «сниженной привычностью» ('изредка', 'время от времени', 'периодически'). В другом случае узкую сферу действия имеет Итератив, и тогда предложение обозначает такое же свойство индивидуального уровня, как любой другой привычный. Расположенный ниже итеративный показатель оперирует непосредственно событийной дескрипцией и реализует те же возможности, что и в аналогичных эпизодических конфигурациях.

Ключевые слова: Итератив, событийная семантика, предельность, шкальные альтернативы, глагольная множественность

ON THE MEANING OF THE ITERATIVE IN NENETS

Sergei G. Tatevosov,
Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

This paper explores the meaning and distribution of the Iterative in Tundra Nenets (rendered by the *ngkø* morpheme). The main hypothesis advanced in this study is that, contrary to its name, the Iterative is not a morphosyntactic device whose interpretation involves plurality of events / pluractionality. I argue that the Iterative creates an atelic event description that denotes eventualities substantially similar to those from the original extension of a verbal predicate, which nevertheless do not fall under that extension themselves. Relying on [Penka 2006], I implement this informal idea by suggesting that the Iterative invokes alternatives to a modified event predicate ordered on a Horn scale, that is, on a scale where every element entails all the elements ranked lower. Specifically, the Iterative makes reference to close-by lower-level alternatives. Depending on how a relevant Horn scale is construed, on the telicity of a modified event predicate, and on coercive mechanisms involved, this derives the range of interpretations of the Iterative attested in the data. First, if a scale involves ordering induced by the mereological part-of relation, the Iterative derived from telic predicates describes processes immediately preceding but not reaching the culmination. Second, if the ordering derives from degrees of manifestation of a certain gradable property of events (e.g. intensity or continuity), the Iterative makes references to the degrees that fall below the standard of comparison, either absolute or relative. Third, the same derivation can be supplemented by the additional stage of covert pluralization, which outputs a non-quantized description. Fourth, for habitual sentences with the Iterative, two derivations are available, depending on the relative scope of the Iterative and the habitual. If the habitual operator takes a narrow scope with respect to the Iterative, a sentence is characterized by reduced regularity of occurrence of episodic manifestations of the habitual property. If the habitual takes wide scope, the Iterative operates directly on an eventuality description, producing the same range of readings as in a corresponding episodic configuration, which undergo habitualization at the next stage of derivation.

Keywords: Iterative, event semantics, telicity, scalar alternatives, pluractionality

1. Введение*

Цель этой статьи — охарактеризовать семантику ненецкого Итератива [Salminen 1997, 1998; Nikolaeva 2014: 45; Шлуинский 2004, 2005; Татевосов 2017], известного также как вид множественно-прерывистого действия [Терещенко 1947, 1965b] или раритив [Буркова 2010]. Итератив выражается показателем *-ɲǵǵ* [ngkø], который иллюстрируется в (2). В (1) показан соответствующий непроеизводный глагол:

- (1) *was'ia školan? jadλ:*
wasya škola-n^oh jadø-^{o1}
 Вася школа-DAT гулять-GFS.3SGs
 ‘Вася идет в школу’.
- (2) *was'ia školan? jadλNgλ:*
wasya škola-n^oh jadø-ngkø-^o
 Вася школа-DAT гулять-ITER-GFS.3SGs
 ‘Вася идет в школу с остановками’.

Предложение (1) с непроеизводным глаголом *jadǵ(сь)* [jadø] ‘ходить, гулять’ ничего не сообщает о внутреннем устройстве описываемой ситуации, тогда как предложение с Итеративом (2) указывает, что она распадается на множество атомарных подситуаций, между которыми имеются временные промежутки.

Такие примеры подталкивают нас к анализу Итератива в терминах глагольной множественности. По этому пути идет, в частности, А. Б. Шлуинский [Шлуинский 2005], предложивший наиболее подробное из имеющихся семантическое описание Итератива. А. Б. Шлуинский выделяет четыре основных типа Итератива, (3а), и один производный, (3б):

- (3) Значения/употребления Итератива
- а. Итератив с хабитуальной интерпретацией
 - Итератив с собственно итеративной интерпретацией
 - Итератив с качественной интерпретацией
 - Итератив с генерической интерпретацией с изменением диатезы
 - б. Итератив с модальной интерпретацией

* Статья опирается на данные по малоземельскому говору тундрового диалекта ненецкого языка в варианте п. Нельмин Нос (Ненецкий автономный округ), собранные в ходе экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в 2003—2005 гг. В экспедициях в разные годы участвовали Лев Блюменфельд, Екатерина Волович, Николай Воронцов, Филипп Дудчук, Павел Иосад, Наталья Зевахина, Денис Иванов, Михаил Иванов, Дарья Кавицкая, Екатерина Лютикова, Ирина Николаева, Анна Пазельская, Петр Староверов, Сергей Татевосов, Мария Цюрупа, Андрей Шлуинский, Елена Ханина, Ольга Ханина. Наблюдения и обобщения, изложенные здесь, стали возможны благодаря совместным усилиям всех участников экспедиции. Автор выражает бесконечно глубокую благодарность информантам-переводчикам А. Г. Апицной, Е. Н. Ардеевой, М. И. Канюковой, В. П. Марюевой, К. П. Талеевой, Е. Н. Тайбарей и М. К. Тайбарей, общение с которыми навсегда останется источником надежды и оптимизма. Автор глубоко признателен двум анонимным рецензентам «Урало-алтайских исследований» за внимательное отношение к статье, подробные комментарии и доброжелательные замечания. Отдельная благодарность — П. Д. Староверову за важные рекомендации, относящиеся к фонетической записи примеров.

¹ Здесь и далее мы придерживаемся следующих принципов представления материала. Примеры предложений, такие как (1), состоят из четырех строк: фонетической записи, фонематической записи, которая следует принципам и описательным решениям Т. Салминена [Salminen 1997, 1998], подстрочной поморфемной глоссы, русского перевода. Фонетическая запись опирается на описание фонетики исследуемого говора, предложенное в [Kavitskaya, Staroverov 2010]. Отдельные ненецкие слова и морфемы, упоминаемые в тексте, приводятся в словарной форме по [Терещенко 1965а]; в квадратных скобках дается запись Т. Салминена, например *madǵp(ць)* [madøɣ]. Показатель модального герундия *-сь* [syø] (вар. *-ць*, *-зь*), используемый в словарном представлении ненецких глаголов в [Терещенко 1965а], приводится в скобках, но только в кириллической записи. Фонетически неадаптированные заимствования, как, например, *škola* в (1)—(2) вместо ожидаемого *skola*, приводятся в том виде, в котором были записаны при работе с носителем. Мы придерживаемся конвенции, впервые сформулированной Б. Комри в [Comrie 1976]: названия конкретно-языковых форм, в частности Итератив, пишутся с заглавной буквы, названия универсальных семантических типов граммем — со строчной.

Не имея возможности входить в детали предлагаемого анализа, ограничимся примерами, которые А. Б. Шлуинский приводит на каждый случай из (3a-b) (с поправками на формат, принятый в этой статье). Примеры (4)—(7) реализуют возможности из (3a), (8) — из (3b).

- (4) *ja xusuwej jalia piŋgl:*
ya xusuwey° yalya pyi-ngkø-°
 суп каждый день вариться-ITER-GFS.3SGS
 ‘Суп каждый день варится’.
- (5) *wania? (tieda?) ŋudanda tarka latrangl:*
wanya-h tyedah nguda-h-ta tarka lat°ra-ngkø-°
 Ваня-GEN сейчас рука-GEN-POSS3SG отросток прищемлять-ITER-GFS.3SGS
 ‘У Вани сейчас то и дело прищемляется палец’.
- (6) *wasia pedangl:*
wasya peda-ngkø-°
 Вася уставать-ITER-GFS.3SGS
 ‘Вася периодически устает {например, он слаб здоровьем}’.
- (7) *padar ŋadrtangl:*
padør ngødør°ta-ngkø-°
 бумага рвать-ITER-GFS.3SGS
 ‘Бумага рвется {т. е. имеет свойство рваться}’.
- (8) *ŋamza xan'imiangl:*
ngømsa xønyimy-a-ngkø-°
 мясо мерзнуть-GFS-ITER-GFS.3SGS
 ‘По-видимому, мясо замерзает {судя по его внешнему виду}’. [Шлуинский 2005: 185]

Из четырех типов употреблений в (4)—(7) лишь одно эпизодическое. Это (5), где речь идет о единичной ситуации. (4) и (6)—(7) — разновидности хабитуальных предложений. Эпизодическим является и производное употребление (8).

Соглашаясь с А. Б. Шлуинским по части описательных обобщений, ниже мы предложим несколько иной анализ итеративных глаголов. Он опирается на идею, согласно которой Итератив вводит в рассмотрение нижестоящие близкорасположенные альтернативы для непроизводного глагольного предиката. Это понятие вводится и поясняется в разделе 3. Эмпирической мотивировкой для такого решения выступает класс употреблений Итератива, который трудно или вовсе невозможно анализировать в терминах глагольной множественности (раздел 2). В разделах 4-5 предлагается анализ интерпретаций основных семантических типов Итератива в эпизодическом употреблении. В разделе 6 анализ распространяется на хабитуальные Итеративы.

Мы не обсуждаем актантные свойства Итератива, в частности изменение диатезы в (7), которые подробно охарактеризованы в [Татевосов 2017].

2. Эпизодические употребления

Мы начинаем обсуждение с эпизодических употреблений Итератива. Среди базовых случаев в (3a) оно всего одно — (5). В нашей базе данных², однако, представлено намного больше таких употреблений. Весьма значительная их часть описывается обобщением в (9):

- (9) При эпизодической интерпретации Итератив описывает ситуации, состоящие из атомарных частей, разделенных временными промежутками.

Таковы, в частности, Итеративы, перечисленные в (10a-b); в (10a) они образуются от предельных непроизводных глаголов, а в (10b) — от непредельных:

² База данных по деривационной морфологии ненецкого языка, содержащая информацию о примерно 2600 лексических единицах, — продукт коллективной работы ненецкой лингвистической экспедиции (см. сноску 1). В разные годы над ней работали Екатерина Волович, Николай Воронцов, Филипп Дудчук, Павел Иосад, Наталья Зевахина, Денис Иванов, Михаил Иванов, Екатерина Лютикова, Анна Пазельская, Петр Староверов, Сергей Татевосов, Мария Цюрупа, Андрей Шлуинский, Елена Ханина, Ольга Ханина. Разработку и техническую поддержку базы данных проводил Денис Иванов.

- (10) a. *ладайгэ(сь)* [ladø-ngkø] ‘ударять с перерывами’, *латраңгэ(сь)* [lat°ra-ngkø] ‘сдавливаться / прищемляться и высвободиться’, *пийгэ(сь)* [pui-ngkø] ‘вариться с перерывами, порциями’, *сэйгэ(сь)* [søi-ngkø] ‘время от времени возвращаться’, *тэпнэңгэ(сь)* [tøpø-ngkø] ‘выходить и возвращаться’, *хэмдаңгэ(сь)* [xømta-ngkø] ‘проливаться снова и снова’
 b. *мадэңгэ(сь)* [madøt-ngkø] ‘лаять с перерывами’, *енерэңгэ(сь)* [yenyer-ngkø] ‘постреливать’, *ибейгэ(сь)* [yibyeq-ngkø] ‘думать время от времени’, *инзелейгэ(сь)* [yincyelye-ngkø] ‘прислушиваться время от времени’, *лэхэңгэ(сь)* [løxøpø-ngkø] ‘временами вступать в разговор’, *хойсаңгэ(сь)* [xoy°sa-ngkø] ‘помахивать’, *хонэңгэ(сь)* [xonyo-ngkø] ‘спать с перерывами’, ‘дремать’, ‘быть сонливым’

Указывают ли толкования глаголов из списка в (10) на то, что анализ в терминах глагольной множественности эмпирически адекватен?

Первая проблема, с которой сталкивается этот анализ, возникает в тот момент, когда мы пытаемся сформулировать обобщение, увязывающее семантику исходного и производного предикатов. Рассмотрим, например, *тэпнэ(сь)* [tøpø] ‘выходить’, который в составе клаузы реализуется в возвратном спряжении:

- (11) *was'a xardaxad tarpi?*
wasya xar°dø-xøt° tøp-i-q
 Вася дом-ABL выходить.SFS-3SGF
 ‘Вася вышел из дома’.

Примеры типа (11) указывают, что *тэпнэ(сь)* [tøpø] ‘выходить’ содержит в своем экстенционале кульминирующие события, в которых осуществляется перемещение агенса за пределы ориентира.

Итератив этого глагола описывает множественные ситуации этого же типа.

- (12) *was'a xardaxad tarpaŋga:*
wasya xar°dø-xøt° tøpø-ngkø-°
 Вася дом-ABL выходить-ITER-GFS.3SGS
 ‘Вася выходит из дома (и возвращается обратно)’.

Естественно предположить, что операция, которую претерпевает экстенционал предиката при переходе от (11) к (12), сводится к плюрализации (см. [Link 1983] и последующую литературу; в (13a-b) она вводится оператором «*»):

- (13) a. $NGK\emptyset(tøpø) = *||tøpø||$.
 b. $||NGK\emptyset|| = \lambda P.\lambda e.*P(e)$

Согласно (13a), результат соединения показателя Итератива с основой глагола *тэпнэ(сь)* [tøpø] ‘выходить’ — это предикат, который обозначает **мереологические суммы** атомарных событий из исходного экстенционала. Сам показатель Итератива соответственно обозначает функцию в (13b), которая получает исходный предикат и возвращает предикат над множественными событиями.

Можно ли так же анализировать, например, Итератив глагола *инзеле(сь)* [yincyelye] ‘слушать’?

- (14) *was'a radion? jinz'el'ie.*
wasya radio-n°h yincyelye-°
 Вася радио-DAT слушать-GFS.3SGS
 ‘Вася слушает радио’.
 (15) *was'a radion? jinz'el'ienḡa:*
wasya radio-n°h yincyelye-ngkø-°
 Вася радио-DAT слушать-ITER-GFS.3SGS
 ‘Вася (временами) прислушивается к радио’.

Итератив в (15) описывает темпорально негомогенный процесс, протекающий с временными промежутками. Исходный глагол описывает процесс с теми же свойствами, но без указания на промежутки.

Если семантическое содержание Итератива — исключительно создание множественного предиката, как в (13), получить (15) из (14) делается затруднительным. (14) — кумулятивный предикат ([Grifka 1989, 1992] и последующая литература): если e_1 и e_2 — ситуации слушания радио, то их сумма $e_1 \oplus e_2$ — это тоже ситуация слушания радио. Иными словами, суммы событий слушания радио входят уже в экстенционал исходного предиката. Мы не ожидаем, что плюрализация такого предиката, обладающего свойством кумулятивности, семантически осмысленна: точно так же в именной сфере множественное число в нормальных условиях не образуется от неисчисляемых существительных.

Проблему можно попытаться решить, предположив, что Итератив представляет собой событийный модификатор, который создает неопредельную дескрипцию с атомарными частями:

$$(16) \parallel \text{Iter} \parallel = \lambda P. \lambda e. P(e) \wedge \text{Atom}(P) \wedge \text{Atelic}(P)$$

Согласно (16), Итератив представляет собой кумулятивный (CUM) и неквантованный (\neg QUA) событийный предикат. На это указывает компонент *Atelic*:

$$(17) \text{Atelic}(P) \leftrightarrow \text{CUM}(P) \wedge \neg \text{QUA}(P)$$

Кроме того, Итератив требует, чтобы в экстенционале предиката, к которому он применяется, выделялись атомарные подсобытия:

$$(18) \text{Atom}(P) \leftrightarrow \forall e [P(e) \rightarrow \exists e' [e' \subseteq e \wedge P(e') \wedge \forall e'' [e'' \subset e' \rightarrow \neg P(e'')]]]$$

Согласно (18), атомарность предиката *P* понимается так, что любое событие *e* из его экстенционала имеет наименьшую часть *e'*. Любая часть *e''*, меньшая, чем *e'*, более не входит в экстенционал *P*.

Глагольной группе позволяет удовлетворить это требование любым доступным способом. Такие предикаты как, например, *тӱрнӱ(сь)* [tʊrɲʊ] ‘выходить’ атомарны, но не процессны. Они добиваются желаемого скрытой семантической плюрализацией посредством «коэрсии», $P \rightarrow *P$.

Другие приобретают требуемую семантическую структуру посредством выделения в своем исходном экстенционале темпорально изолированных подсобытий.

$$(19) P \rightarrow \text{TI}(P)$$

$$(20) \text{TI}(P) \leftrightarrow \forall e \forall e' [P(e) \wedge P(e') \rightarrow \exists t [\tau(e) < t < \tau(e') \wedge \neg \exists e'' [P(e'') \wedge t = \tau(e'')]]]$$

Согласно (20), предикат *P* обладает свойством темпоральной изолированности, *TI*(*P*), ровно в том случае, если любые два события *e* и *e'*, удовлетворяющие *P*, разделены временным промежутком *t*, в течение которого не происходит никакого события *e''*, также удовлетворяющего *P*.

Именно это можно предположить у *инзеле(сь)* [inɲeɫe] ‘слушать’ и у многих других глаголов из списка в (10b). Можно также ожидать, что предикаты, не способные к атомизации ни одним из доступных способов, Итератив не образуют.

Эта идея позволяет увязать семантику Итеративов в (10a) и (10b) и, как будет ясно из дальнейшего изложения, не только их. В этом месте, однако, обращает на себя внимание следующая группа Итеративов, которая делает проблематичным и анализ в (16). Эти Итеративы перечислены в (21):

- (21) а. *лохомңгӱ(сь)* [loχom-ŋgkʊ] ‘находиться на пороге закипания’, *ңгӱдӱрңгӱ(сь)* [ŋgʊdʊr-ŋgkʊ] ‘почти порваться’, ‘находиться на пороге разрывания’, *нелеңгӱ(сь)* [nɛɫɛŋ-ŋgkʊ] ‘находиться на пороге свадьбы’, *пӱңгӱ(сь)* [pʊi-ŋgkʊ] ‘почти свариться’, *сараңгӱ(сь)* [sara-ŋgkʊ] ‘почти лопнуть’, *сякӱлңгӱ(сь)* [ɲakʊl-ŋgkʊ] ‘почти укусить’, *тӱңгӱ(сь)* [tʊ-ŋgkʊ] ‘почти зайти’, *хаңгӱ(сь)* [χa-ŋgkʊ] ‘быть при смерти’, *ёхоңгӱ(сь)* [joχo-ŋgkʊ] ‘почти потеряться’
 б. *соңгӱ(сь)* [so-ŋgkʊ] ‘слышаться еле-еле’, *теневаңгӱ(сь)* [tɛnɛwə-ŋgkʊ] ‘припоминать’, *пӱнӱңгӱ(сь)* [pʊiŋ-ŋgkʊ] ‘побаиваться’

Для таких Итеративов провести в жизнь анализ в духе (16) крайне трудно. Интуиция подсказывает, что если ‘кипеть’ чем-то и отличается от ‘почти кипеть’, ‘сидеть’ — от ‘почти сидеть’, а ‘слышаться’ — от ‘еле-еле слышаться’, то явно не тем, что первые описывают процессы, состоящие из атомов, а вторые нет. (Отметим, что к (21b) относятся и некоторые прочтения Итератива *хонёңгӱ(сь)* [χoŋɛ-ŋgkʊ] из (10b) — ‘дремать’, ‘быть сонливым’.)

А. Б. Шлуинский, обсуждая такие употребления Итератива на примерах типа (8) (он повторяется как (22)) и (23), предлагает анализировать их в модальных терминах, имея в виду, что сфера глагольной множественности в его концепции тесно связана с модальной семантической зоной.

- (22) *ɲamza χan'im'ɲaŋl:*
ŋgʊtsa χəpʊiɲu-a-ŋgkʊ-°
 мясо мерзнуть-GFS-ITER-GFS.3SGS

‘По-видимому, мясо замерзает {судя по его внешнему виду}’. [Шлуинский 2005: 185]

- (23) *χal'ia t'itɲaŋl:*
χal'ya t'ɲim-nʊ-ŋgkʊ-°
 рыба гнить-IPFV-ITER-GFS.3SGS

‘Рыба вот-вот загниет’. [Шлуинский 2005: 185]

«Если в ((22)), — пишет А. Б. Шлуинский, — представлен контекст, близкий к эвиденциальному (говорящий делает умозаключение о возможности наступления ситуации в связи с некоторыми косвенными данными), то в ((23)) представлено т. н. “эвентуальное значение”... (сообщается о имеющейся в настоящем тенденции к наступлению ситуации в будущем, которая, таким образом, оценивается как возможная)». Кажется, однако, что это описание не покрывает все случаи, перечисленные в (21). Мы не видим, в частности, интуитивно убедительного способа анализировать интерпретации типа ‘едва слышаться’ в модальных терминах. Кроме того, даже если описывать интерпретацию в (22) как эвиденциальную, а в (23) — как эвентуальную, нужны дополнительные усилия, чтобы объяснить, что объединяет их с глагольной множественностью в естественный семантический класс.

3. Нижестоящие близкорасположенные фокусные альтернативы

В этой связи нам кажется более многообещающей другая идея. Она состоит в том, что употребления типа (21) сообщают нам об Итеративе больше, чем (10). Итератив не связан ни с множественностью, ни с атомарностью. Его роль — указание на то, что происходящее очень похоже на ситуацию из экстенционала непроизводного предиката, но тем не менее ею не является. Сравним (24) и (25):

(24) *ja loxoma.*
ya loxom-a.
 суп закипать-GFS.3SGs
 ‘Суп закипел’.

(25) *ja loxomngl.*
ya loxom-ngkø-°
 суп закипать-ITER-GFS.3SGs
 ‘Суп находится на пороге закипания’.

(24) описывает процесс, достигший кульминации в прошлом: перед нами предельный предикат³. (25) имеет временную референцию к настоящему, что указывает на его неопределенность. Адекватный перевод значения предложений такого типа затруднителен; носители языка часто применяют для этого обороты типа *хочет закипеть, вот-вот закипит, почти кипит* или *на пороге закипания*, использованный в (25).

Ясно, что события, описываемые в (25), не могут входить в экстенционал (24), поскольку последние — по необходимости кульминирующие события. Ясно также, что (25) — это не прогрессив от (24), поскольку для прогрессивов не характерен компонент ‘вот-вот/почти/на пороге’. (25) сообщает, что процесс, о котором идет речь, минимально отличается от кульминирующего события в (24).

По всей видимости, употребления, которые показаны в (21), играют ключевую роль и в представлениях Б. А. Серебренникова о ненецкой аспектуальной деривационной морфологии. В короткой статье о «суффиксах видовой направленности» [Серебренников 1969] он не дает Итеративу подробной семантической характеристики, однако обозначает его как «вид несовершенного действия», который «служит для выражения незначительности действия». В этом описании на первый план выходит не множественность ситуаций, а их неполная реализация, которую мы видим в (21), в особенности в (21b).⁴

Чтобы описать такую семантику, воспользуемся идеей, предложенной в [Penka 2006]. Идея состоит в том, что выражения этого типа делают утверждение о **нижестоящих близкорасположенных фокусных альтернативах**.

Понятие фокусной альтернативы возникло в связи с анализом фокуса, предложенным в [Rooth 1985]. Фокусные альтернативы задействуются, например, при интерпретации слова *только*:

- (26) а. Только [Вася]_F купил портвейн.
 б. Вася купил только [портвейн]_F.
 в. Вася только [купил]_F портвейн.

³ Предельность в ненецком языке сцеплена с видом, а вид с временной референцией. Соответственно, предельность можно определить по временной интерпретации наименее маркированной словоизменительной формы глагола, называемой Аористом, которая представлена во всех примерах в этой статье. Предельные предложения с Аористом перфективны и имеют временную референцию к прошлому; неопределенные — имперфективны и описывают ситуации, разворачивающиеся в момент речи.

⁴ Мы признательны рецензенту «Урало-алтайских исследований», указавшему нам на статью Б. А. Серебренникова.

Фокусная альтернатива в (26) — это пропозиция, вычисляемая заменой фокусируемой составляющей доступным аналогом того же типа. В (26a), например, набор альтернатив включает {Петя купил портвейн, Маша купила портвейн, ...}, в (26b) — {Вася купил портвейн, Вася купил минералку, ...}, а в (26c) — {Вася купил портвейн, Вася выпил портвейн, Вася вылил портвейн, ...}. Предложения с *только* утверждают, что все фокусные альтернативы, кроме той, которая непосредственно входит в сферу его действия, или **фокусируемой альтернативы**, неверны. Фокусные альтернативы проецируются в ходе деривации «снизу» — с уровня фокусируемой составляющей. Именная группа *портвейн* в (26b) дает альтернативы {портвейн, минералка, ...}; на уровне глагольной группы альтернативы выглядят как {купил портвейн, купил минералку, ...}, наконец на уровне предложения альтернативы принимают пропозициональный характер.

Мы предполагаем, следуя соображениям Д. Пенка, что при интерпретации Итератива также задействуются альтернативы, однако не все их множество, а более ограниченное подмножество.

Во-первых, альтернативы должны быть упорядочены на некоторой шкале — такой, что соответствующие им пропозиции связаны отношением асимметричного следования. (В том же смысле, например, в котором истинность пропозиции *Вася прочитал (по меньшей мере) три романа* влечет истинность пропозиции *Вася прочитал (по меньшей мере) два романа*, но не наоборот.)

Во-вторых, мы принимаем к рассмотрению только нижестоящие (т. е. более слабые) альтернативы — такие, которые асимметрично следуют из утверждаемой пропозиции.

В-третьих, альтернативы должны быть близкорасположенными. Близкорасположенность альтернатив на шкале — понятие, которое дает о себе знать при анализе, например, аппроксимативных выражений типа *около*, *примерно* или *почти*. Предложение типа *Давно ли? — Около двух лет* сообщает, что истинна, возможно, не пропозиция ‘Князь женат на Татьяне два года’, а одна из альтернатив, где речь идет об интервале, продолжительность которого близка к двум годам (‘Князь женат на Татьяне год, одиннадцать месяцев и двенадцать дней’ и т. п.). Близкорасположенность — нечеткое и контекстно-зависимое понятие. В *женат около двух лет* альтернативы упорядочены на шкале длительности, и в релевантное множество попадают те из них, где речь идет об интервалах, не отличающихся от двух лет на значительную (опять же контекстно-зависимую) величину. Эту семантику можно сделать полностью эксплицитной, но для наших целей достаточно неформального описания.

В отличие от фокусных выражений типа *только*, с которыми могут ассоциироваться более или менее любые составляющие, Итератив, по-видимому, включает в свою сферу действия только глагольную группу. Соответственно, семантику Итератива не требуется делать транскатегориальной, как у Д. Пенка; можно опираться на предположение, что Итератив всегда работает с событийным предикатом, альтернативы для которого — другие событийные предикаты:

(27) $\parallel \text{NGK}\emptyset \parallel = \lambda P.\lambda e. \neg P(e) \wedge \exists Q [Q \in A_S(P) \wedge Q(e) \wedge \text{Atelic}(Q)]$

где $A_S(P)$ — множество предикатов, близкорасположенных к P на шкале S .

Применяясь к событийному предикату P , Итератив возвращает другой событийный предикат, в который входят события e , не содержащиеся в экстенсionale P , но удовлетворяющие предикату Q , одной из близкорасположенных альтернатив для P .

(27) не уточняет, идет ли речь о нижестоящих или вышестоящих альтернативах. Однако он настаивает на ложности фокусируемой альтернативы, $\neg P(e)$. Из этого вытекает ложность всех вышестоящих альтернатив. Следовательно, в качестве возможного денотата Итератива принимаются, как и оговорено, только нижестоящие альтернативы.

Как и прежде, результирующий предикат должен быть неопредельным, $\text{Atelic}(Q)$.

В следующих разделах мы рассмотрим подробнее предсказания (27) для различных классов обсуждавшихся выше интерпретаций. Как мы вскоре увидим, критически важное значение имеет способ конструирования набора альтернатив.

4. Итеративы типа ‘на пороге’ и ‘еле-еле’

Проще всего семантика объясняет интерпретации итеративов в (21a), которые повторяются в (28):

(28) *лохомңгӓ(сь)* [lohom-ngkø] ‘находиться на пороге закипания’, *ңгӓдӓрңгӓ(сь)* [ngødøg-ngkø] ‘почти порваться’, ‘находиться на пороге разрывания’, *нелеңгӓ(сь)* [nyelye-ngkø] ‘находиться на пороге свадьбы’, *пйңгӓ(сь)* [pyi-ngkø] ‘почти свариться’, *сараңгӓ(сь)* [sara-ngkø] ‘почти лопнуть’, *сякӓлңгӓ(сь)* [syakøl-ngkø], ‘почти укусить’, *тыңгӓ(сь)* [tyu-ngkø] ‘почти зайти’, *хаңгӓ(сь)* [xa-ngkø] ‘быть при смерти’, *ёхоңгӓ(сь)* [yoxo-ngkø] ‘почти потеряться’

Все производные глаголы из этого списка предельны. Их актантно-акциональные характеристики в формате [Татевосов 2016] выписаны в (29)⁵:

(29) <i>лохом(зь)</i> [loχom] ‘закипать’	⟨T, —, —⟩
<i>ңаддър(ць)</i> [ngødɔɾ] ‘рвать’	⟨—, T, —⟩
<i>неле(сь)</i> [nyelye] ‘жениться’	⟨—, T, T⟩
<i>пи(сь)</i> [pyi] ‘вариться’	⟨T, —, —⟩
<i>сара(сь)</i> [sara] ‘лопаться, прорываться’	⟨—, —, T⟩
<i>сякъл(ць)</i> [syakøɭ] ‘кусать’	⟨—, T, T⟩
<i>тю(сь)</i> [tyu] ‘входить’	⟨T, —, —⟩
<i>ха(сь)</i> [χa] ‘умирать’	⟨T, —, —⟩
<i>ёхо(сь)</i> [yoxo] ‘теряться’	⟨T, —, —⟩

Как видно из таблицы, в форме любого спряжения глаголы в этом списке обозначают кульминирующие ситуации. Каким образом для соответствующих предикатов конструируется набор альтернатив?

Согласно (27), в этот набор должны входить предикаты, которые описывают неопредельные процессы, максимально близкие к производному предикату с точки зрения расположения на некоторой шкале. Мы предполагаем, что шкала в этом случае конструируется через упорядочивание событий отношением «часть-целое» в виде инкрементальной цепочки.

Пусть e — это событие из экстенционала предельного предиката. Тогда инкрементальная цепочка на событии e , $C(e)$, — это множество частей e , в которое входят само e , минимальная начальная часть e , а также выполняется следующее условие: для любых e' и e'' из $C(e)$ верно, что либо e' — часть e'' , либо обратное. Инкрементальная цепочка, таким образом, — это полностью упорядоченное множество, образуемое монотонно прирастающими частями события. Она изображена на Схеме 1.

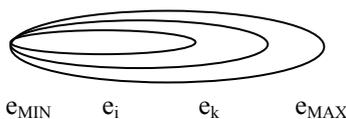

Схема 1. Инкрементальная цепочка

Проекция отношения «часть-целое» на шкалу приводит к асимметричному следованию, как и требуется. Если в текущем мире имеет место событие e_k , $e_k \in C(e)$, то имеют место и все события e_i такие, что $e_i < e_k$. Обратное неверно: наличие в мире частичного события не гарантирует наличия объемлющего события. Напомним, что поскольку исходный предикат пределен, в его экстенционал входят только максимальные события цепочки.

Имея инкрементальные цепочки, мы можем (не входя для простоты во многие важные технические детали) определить отношение близости к исходному предикату P следующим образом. Пусть предикаты Q и Q' обозначают события, которые представляют собой немаксимальные элементы инкрементальных цепочек, заданных на событиях из экстенционала P . Тогда Q расположен ближе к P , чем Q' , ровно в том случае, если для любого максимального Q' -события $e_{q'm}$ найдется Q -событие e_q , такое, что $e_{q'm}$ и e_q лежат на одной инкрементальной цепочке и $e_{q'm} < e_q$ ⁶. Эта ситуация изображена на схеме 2 (предположим для простоты, что исходный предикат содержит ровно два события e_1 и e_2 и, соответственно, две инкрементальные цепочки).

На схеме 2 максимальные события для предиката Q' — это e_{1i} и e_{2i} . Для каждого из них можно указать большее событие той же инкрементальной цепочки из экстенционала Q : это соответственно e_{1k} и e_{2k} .

⁵ В [Татевосов 2016] актантно-акциональный класс глагола задается матрицей, которая имеет вид $\langle \alpha_S, \alpha_{sO}, \alpha_R \rangle$, где α — акциональное значение, а S , sO и R обозначают спряжения (S — нетривиальное субъектное, sO — объектное и тривиальное субъектное и R — возвратное). Параметр α может принимать три значения — «T» ('форма имеет предельное акциональное значение'), «A» ('форма имеет неопредельное значение') и «—» ('форма отсутствует'). Переходные клаузы в объектном спряжении всегда имеют аналог в субъектном спряжении, идентичный с точки зрения актантных и акциональных свойств. Такое субъектное спряжение называется тривиальным, любое другое — нетривиальным.

⁶ Событие e максимально по отношению к предикату P ровно в том случае, когда имеет место $P(e)$ и для любого надсобытия e' , $e < e'$, имеет место $\neg P(e')$.

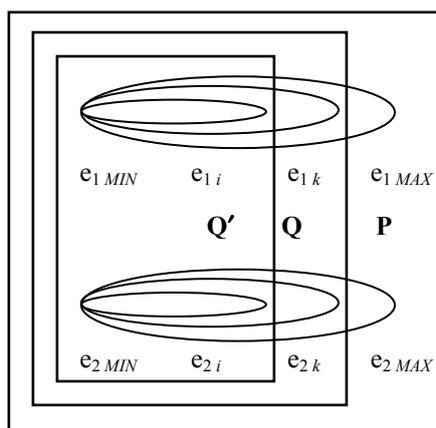

Схема 2. Близкорасположенность предикатов

Схема 2 дает общую идею сравнительной близкорасположенности. Из нее обычным способом — через стандарт сравнения — выводится идея общей (положительной) близкорасположенности. В множество альтернатив будут включены предикаты, близость которых к фокусируемому превышает определенный контекстно-зависимый порог, т. е. самые близкорасположенные предикаты.

Таким образом, после применения итератива к предикатам из (29), например *лохом(зь)* [loxom] ‘закипать’, создается предикат типа Q, изображенный на схеме 2: он обозначает процессы, представляющие собой максимально возможные неконечные части событий закипания. Как кажется, именно такую интерпретацию и имеет (25) и аналогичные предложения.

Конструирование шкалы через отношение части-целого — не единственная возможность. Следующий интересующий нас случай — итеративы в (21b), повторяемые в (30), один из которых иллюстрируется в (31):

(30) *соңғай(сь)* [so-ngkø] ‘слышаться еле-еле’, *теневаңғай(сь)* [tyenyewø-ngkø] ‘припоминать’, *пїнайғай(сь)* [pyıno-ngkø] ‘побаиваться’

(31) *tʰor songa*:
tʰor so-ngkø-°
 крик быть.слышным-ITER-GFS.3SGS
 ‘Доносится слабый крик’.

Все эти итеративы образованы от глаголов с неопредельными актантично-акциональными матрицами:

(32) *со(сь)* [so] ‘быть слышимым’ ⟨A, —, —⟩
тенева(сь) [tyenyewø] ‘знать, помнить’ ⟨—, A, —⟩
пїнай(сь) [pyıno] ‘бояться, пугаться’ ⟨A, —, T⟩

В возвратном спряжении глагол *пїнай(сь)* [pyıno] ‘бояться, пугаться’ имеет предельную интерпретацию, однако возвратное спряжение предельно всегда, так что его для наших целей можно вынести за скобки.

Если внимательно присмотреться к семантике в (27), становится очевидно, что она делает по поводу неопредельных предикатов важное предсказание. Требования Итератива невозможно удовлетворить, построив множество альтернатив на основе отношения части-целого. (27) заявляет, что события из экстенционала результирующего предиката не могут входить в экстенционал исходного («—P(e)»). Но у неопредельных предикатов элементами экстенционала выступают и события, и их собственные части («неквантованность»). Соответственно, шкала такого же типа, как в предыдущем случае, для глаголов в (30) недоступна. Это объясняет, почему (31) не могут иметь интерпретации такого же типа, как предельные глаголы в (28).

Каким образом устроено множество альтернатив в этом случае? Поскольку шкала, отражающая мереологические отношения между событиями, недоступна, на помощь приходит шкала, упорядочивающая события по некоторому другому параметру. Чтобы такое стало возможно, должно быть свойство, которым события могут обладать в большей или меньшей степени. Мы придерживаемся простейшей гипотезы из возможных:

(33) Глагольный предикат свободно ассоциируется с параметрическими свойствами, осмысленно характеризующими события из его экстенционала.

В (31) мы видим, в частности, параметрическое свойство типа ‘интенсивность’. Мы предполагаем, что ассоциация с параметрическим свойством, описанная в (33), представляет собой фонологически невыраженную операцию, превращающую исходный предикат в (34а) в производный предикат в (34b).

(34) а. $\lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e)$
 б. $\lambda e. \exists G [\text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge G(e)=d \wedge d \geq \text{std}(G)(C)]$

В (34а) мы имеем дело с множеством событий типа ‘слышаться’, пациентом которых выступает крик. В (34b) прирастают два дополнительных компонента. Один сообщает, что события из экстенционала предиката характеризуются параметрическим свойством G в степени d , а второй — что величина этой степени оказывается не менее стандарта для G и контекстного класса сравнения C . Степень d представляет собой несвязанную переменную, которая получает значение в результате оценки переменных. Таким образом, (34b) — это дескрипция процессов с нормальной степенью обладания некоторым параметрическим свойством.

(34b) совместимо со многими параметрическими свойствами. В (31) это свойство фиксируется как ‘интенсивность’. (35) представляет собой частный случай предиката в (34b), обозначающий подмножество событий из его экстенционала:

(35) $\lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge \text{intensity}(e)=d \wedge d \geq \text{std}(\text{intensity})(C)$

Свойство интенсивности, очевидно, привязано к шкале, не имеющей максимального и минимального значений. У таких свойств стандарт сравнения контекстно-зависим [Kennedy, McNally 2005]. Это дает степенную шкалу, которая представлена на схеме 3.

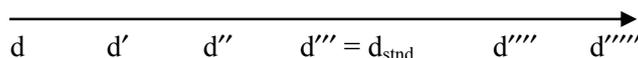

Схема 3. Степенная шкала

Шкала на схеме 3 непосредственно упорядочивает события ‘быть слышимым’: чем больше степень, тем выше положение на шкале.

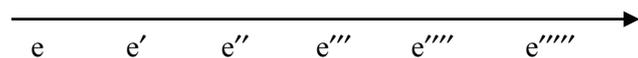

Схема 4. Шкала событий, где e имеет степень интенсивности d , e' — степень интенсивности d' и т. д.

Отсюда один шаг до упорядоченного множества предикатов. Построим его следующим образом: пусть в экстенционал каждого предиката входят события со степенью интенсивности, превышающей определенный порог:

(36) а. $P = \lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge \text{intensity}(e) \geq d$
 б. $P' = \lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge \text{intensity}(e) \geq d'$
 в. $P'' = \lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge \text{intensity}(e) \geq d''$
 г. $P''' = \lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge \text{intensity}(e) \geq d'''$
 д. $P'''' = \lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge \text{intensity}(e) \geq d''''$
 е. $P''''' = \lambda e. \text{so}(e) \wedge \text{theme}(\text{tyor})(e) \wedge \text{intensity}(e) \geq d'''''$

Предикат (36д) имеет экстенционал, идентичный (35): в нем находятся события, степень интенсивности которых не ниже, чем d''' , степени, равной стандарту сравнения. Любая альтернатива выше на шкале связана через асимметричное следование с альтернативной ниже на шкале. Соответственно, P , P' , P'' — это нижестоящие альтернативы, а P'''' и P''''' — вышестоящие. Из нижестоящих альтернатив выбирают близкорасположенные. Это P'' в (36с) (и, возможно, P' в (36б)).

Таким образом, при этом семантическом сценарии в экстенционал Итератива входят события, в которых слышен крик и которые ниже стандартной интенсивности. Таково наше объяснение интерпретации в (31).

Как представляется, обсуждаемый А. Б. Шлуинским случай (8), повторяемый в (37), относится к этому же классу интерпретаций.

- (37) *ɲamza xan'im'iaŋla:*
ngomca xənyimʉ-a-ngkə-°
 мясо мерзнуть-GFS-ITER-GFS.3SGs
 ‘По-видимому, мясо замерзает {судя по его внешнему виду}’. [Шлуинский 2005: 185]

Можно предположить, что в (37) мы имеем дело с близкой, но отличной шкалой — не степени интенсивности осуществления ситуации, а степени интенсивности ее внешних проявлений. (37) сообщает, что замерзание проявляется слабее, чем предполагает стандарт, и это приводит к появлению имплицатуры, что для утверждения имеется меньше наблюдаемых оснований. Именно на такую возможность указывает использование носителями русских модальных выражений для передачи смысла предложения. Возможно, однако, и то, что (37) реализует буквально то же прочтение, что и (31), а указание на внешние проявления эпифеноменально: чем менее интенсивно реализуется ситуация, тем менее существенны ее проявления вовне.

Сюда, по всей видимости, относится один из немногочисленных текстовых примеров Итератива из [Буркова 2010] (приводится в исходной орфографии и с исходными глоссами):

- (38) *Няхар” по ядхартабато’, выдаңгана ни ңа”.*
няхар” по яд-харта-ба-то’ выда-ңга-на ни-Ø ңа-”
 три год идти-CL-COND-3Pl изнеможь-RAR-PRcont NEG-SUBJ/3Sg быть-CONNeg
 ‘(Эти олени сильные.) Даже если три года будут идти, не устанут никогда’.

В (38) не предполагается множественности событий типа ‘изнеможь’; предложение не имеет прочтения ‘неверно, что олени изнемогут много раз’. Речь, очевидно, идет о том, что олени не изнемогут даже в малой степени.

Этот же анализ можно без труда распространить и на класс случаев в (10b), который исходно рассматривался как частный случай глагольной множественности. Соответствующие Итеративы воспроизводятся в (39):

- (39) *мадәрңәй(сь)* [madər-ŋkə] ‘ляять с перерывами’, *енерңәй(сь)* [yenyer-ŋkə] ‘постреливать’, *ибеңәй(сь)* [yibeyeq-ŋkə] ‘думать время от времени’, *инзелеңәй(сь)* [yincyelye-ŋkə] ‘прислушиваться время от времени’, *ләхәһәңәй(сь)* [ləxəpə-ŋkə] ‘временами вступать в разговор’, *хойсаңәй(сь)* [xoy°sa-ŋkə] ‘помахивать’, *хонёңәй(сь)* [xonuo-ŋkə] ‘спать с перерывами’, ‘дремать’, ‘быть сонливым’

Итератив глагола *инзеле(сь)* [yincyelye] ‘слушать’ повторяется в (40):

- (40) *wasja radion? jinzi'eŋla:*
wasya radio-n°h yincyelye-ngkə-°
 Вася радио-DAT слушать-ITER-GFS.3SGs
 ‘Вася (временами) прислушивается к радио’.

Все Итеративы из (39) образованы от неопределенных глаголов, которые показаны в (41). Как и в предыдущем случае, некоторые допускают предельное возвратное спряжение; по-прежнему мы предполагаем, что предельность наводится самим спряжением на лексически неопределенный предикат:

(41) <i>ядә(сь)</i> [yadə] ‘гулять’	⟨A, —, —⟩
<i>мадәр(ць)</i> [madər] ‘ляять’	⟨A, T, T⟩
<i>енер(ць)</i> [yenyer] ‘стрелять, начинать стрелять’	⟨A, —, T⟩
<i>инзеле(сь)</i> [yincyelye] ‘слушать’	⟨A, —, T⟩
<i>ңамдә(сь)</i> [ŋamtyo] ‘сидеть’	⟨A, —, T⟩
<i>хойса(сь)</i> [xoy°sa] ‘махать’	⟨A, —, T⟩
<i>хонё(сь)</i> [xonuo] ‘спать’	⟨A, —, —⟩
<i>йбе(ць)</i> [yibeyeq] ‘быть умным’	⟨A, —, —⟩
<i>евэйн(зь)</i> [yeweyəh] ‘есть суп’	⟨A, —, T⟩
<i>лахана(сь)</i> [ləxəpə] ‘говорить, заговаривать’	⟨A, —, T⟩

Наша гипотеза по поводу глаголов из (39) состоит в том, что этот случай сводится к (34b) с одной поправкой: при построении шкалы используется другое параметрическое свойство, в первом приближении — свойство непрерывности. Глагольная группа в (40) в таком случае обозначает предикат в (42).

- (42) $\lambda e. yincyelye(e) \wedge \text{theme}(\text{radio})(e) \wedge \text{continuity}(e)=d \wedge d \geq \text{stnd}(\text{continuity})(C)$

Непрерывность — параметрическое свойство, имеющее максимальное значение. Для таких свойств в качестве стандарта сравнения всегда выбирается именно этот максимум на шкале, т. е. собственно полная непрерывность [Kennedy, McNally 2005]. Итеративы в (39) сообщают, что степень непрерывности меньше максимальной, т. е. что описываемая ситуация реализуется с остановками. Так создаются интерпретации типа (40).

Возникает более общий вопрос: каковы ограничения на возможные параметрические свойства, задействованные в интерпретации? (33) предполагает, что принципиальных ограничений нет: это может быть любое свойство, совместимое с событиями из экстенционала предиката. Нам представляется, что и в этом отношении анализ делает верные предсказания. В нашем материале представлены примеры, в которых наблюдается ровно такое семантическое варьирование, которое можно ожидать исходя из (33). Две характерные возможности показаны в (43)—(44):

- (43) *was'a školan? jadŋgɔl:*
wasya škola-n^oh jadø-ngkø-^o
 Вася школа-DAT гулять-ITER-GFS.3SGs
 1. 'Вася идет в школу с остановками'.
 2. 'Вася идет в школу нехотя'.
 3. 'Вася идет в школу медленно'.

- (44) *was'a xon'ioŋgɔl:*
wasya xonyo-ngkø-^o
 Вася спать-ITER-GFS.3SGs
 1. 'Вася спит с перерывами'.
 2. 'Вася плохо спит || дремлет'.

В (43), по всей видимости, допускаются три различные шкалы — непрерывности ('с остановками'), волитивности ('нехотя'), скорости ('медленно'), в (44) — по меньшей мере две — непрерывности ('с перерывами') и обобщенного качества ('плохо') или, возможно, интенсивности ('спит еле-еле'). Как кажется, именно такого разнообразия возможностей и следует ожидать, если семантика Итератива не фиксирует дескриптивные характеристики параметрического свойства и оставляет их недоспецифицированными.

Суммируем предшествующие наблюдения. Перемена перспективы, предпринятая в (27), позволяет сформулировать несложные и интуитивно правдоподобные гипотезы об интерпретации Итеративов. Мы обсудили два класса случаев, когда Итератив имеет эпизодическую интерпретацию, в которой он описывает непределительный процесс, не слишком значительно отличающийся от ситуации из экстенционала производного предиката. Один представлен у предельных предикатов, и в этом случае в рассмотрение вводятся собственные неконечные части таких ситуаций. Другой засвидетельствован у непределительных предикатов. Для них Итератив создает дескрипции процессов, отличающихся меньшей степенью реализации некоторого параметрического свойства — интенсивности, непрерывности и т. д.

5. Собственно Итеративы

В (21a) собраны Итеративы от предельных предикатов, в деривации которых задействуется мереологическая шкала, в (21b) и (10b) — Итеративы от непределительных предикатов, определяемые параметрическим свойством. Мы отметили, что непределительность несовместима с мереологической шкалой. Остается четвертая логическая возможность: предельные предикаты с параметрическим свойством. Возможны ли такие?

В нашем материале представлена важная группа Итеративов, для которых, если все сказанное выше верно, естественным образом выстраивается анализ именно в таком духе. Это Итеративы с собственно итеративной эпизодической интерпретацией. Они перечислены в (10a) и повторяются в (45):

- (45) *ладӧӧгӧ(сь)* [ladø-ngkø] 'ударять с перерывами', *латраӧӧгӧ(сь)* [lat^ora-ngkø] 'сдавливаться / прищемляться и высвобождаться', *пӧӧгӧ(сь)* [pyi-ngkø] 'вариться с перерывами, порциями', *сӧӧгӧ(сь)* [søl-ngkø] 'время от времени возвращаться', *тӧӧгӧ(сь)* [tøgrø-ngkø] 'выходить и возвращаться', *хӧмтаӧӧ(сь)* [xømta-ngkø] 'проливаться снова и снова'

Актантно-акциональные матрицы соответствующих производных предикатов показаны в (46):

(46) <i>ладă(сь)</i> [ladø] ‘ударять’	⟨—, T, T⟩
<i>латра(сь)</i> [lat°ra] ‘сдавливать, прищемлять’	⟨—, T, T⟩
<i>пи(сь)</i> [pyi] ‘вариться’	⟨T, —, —⟩
<i>сăльць</i> [søɫ] ‘возвращаться’	⟨—, —, T⟩
<i>тăрпă(сь)</i> [tørpø] ‘выходить’	⟨—, —, T⟩
<i>хăмда(сь)</i> [xømta] ‘проливать’	⟨—, T, T⟩

Именно в эту группу попадает упоминаемый А. Б. Шлуинским глагол [lat°ra-ngkø] ‘сдавливаться / прищемляться и высвободиться’ в (5). Предложение с аналогичной интерпретацией показано в (47):

(47) <i>miercia xardɫ? mɫxaliwna ladɫɟɫɫ.</i>
<i>myercya xar°dø-h mɫxali-møna ladø-ngkø-°</i>
ветер дом-GEN крыша-PROS ударять-ITER-GFS.3SGS
‘Ветер ударяет по крыше дома’.

Примеры такого рода невозможно анализировать так же, как (28). Даже если каким-то образом извлечь неконечную часть процесса из события типа ‘ударить по крыше’, а дополнительно придать ей прерывный характер, это не та интерпретация, которую имеет (47). В (47) речь идет о последовательно-сти кульминирующих событий типа ‘ударить’, разделенных временными промежутками.

Мы предполагаем, что в этом месте реализуется сценарий, уже обсуждавшийся в разделе 2. Предикаты в (46) предельны. Однако, согласно (27), после применения показателя Итератива должна возникнуть неопредельная дескрипция. Гарантированный способ достичь этого — реинтерпретировать исходный предикат как неопредельный посредством скрытой плюрализации («итеративной коэрсии»):

(48) NGKØ P → NGKØ *P

Процесс, описанный в (48), отмечен во множестве хорошо известных языков, начиная с английского. Итеративная коэрсия происходит, в частности, у широкого класса предельных предикатов под воздействием обстоятельств длительности типа *for x hours*. Один пример показан в (49):

(49) a. <i>for 4 hours P → for 4 hours *P</i>
b. <i>She has been playing this sonata for four hours.</i>
‘Она играла эту сонату четыре часа’.

Поскольку интервал в четыре часа намного превышает нормальную длительность любой сонаты, предикат *play this sonata* в (49b) преобразуется так, как показано в (49a). В результате предложение описывает повторяющиеся события проигрывания сонаты, которые в общей сложности длятся четыре часа.

Реальность скрытой плюрализации подкрепляется и ненецкими данными. Она происходит не только под воздействием Итератива, но и в присутствии других деривационных показателей имперфективного ряда. Минимальная пара, состоящая из непроизводного глагола и Дуратива, показана в (50):

(50) a. <i>wasia p'etiam ladɫ.</i>
<i>wasya pyetya-m ladø-°</i>
Вася Петя-ACC ударять-GFS.3SGS
‘Вася ^{OK} ударил *побил Петю’.
b. <i>wasia p'etiam ladɫmbi.</i>
<i>wasya pyetya-m ladø-mpyi</i>
Вася Петя-ACC ударять-DUR.GFS.3SGS
‘Вася *наносит удар Пете ^{OK} бьет Петю’.

Из (50a) видно, что в экстенционал исходного предиката входят только единичные события ‘ударять’, но не их суммы. Дуратив в (50b) показывает, что соответствующая прогрессивная интерпретация ‘наносит удар’ невозможна, в отличие от итеративной ‘бьет’. Предположение о том, что итеративность привносится самим показателем Дуратива, можно отклонить ввиду многочисленных примеров, где Дуратив имеет актуально-длительную / прогрессивную, но не итеративную интерпретацию.

Итеративность — распространенная реинтерпретация имперфективных предикатов, возникающая при невозможности обратиться к промежуточным фазам единичного события. Это происходит, по-видимому, и в (49b), и в (50b), причем в обоих случаях — ввиду несоразмерной длительности фокусного интервала и единичного события. В (49b) фокусный интервал (‘4 часа’) слишком длинен, чтобы помес-

тяться внутрь времени события ‘играть сонату’, а в (50b) время события ‘нанести удар’ слишком кратко, чтобы в него поместился какой бы то ни было фокусный интервал. То же самое, происходит, по нашему предположению, и в (47).

В экстенционал предиката *P входят суммы событий из экстенционала P, что делает его кумулятивным и неквантованным, то есть процессным. В этом качестве он приобретает все возможности, присущие непроектируемым процессным предикатам, в частности способность к построению альтернатив посредством параметрического свойства. Более того, нам не нужны никакие новые параметрические свойства: достаточно уже имеющихся. Для (47) свойства, привязанные к шкалам интенсивности и непрерывности, показаны в (51a-b):

- (51) a. $\lambda e. *lad\emptyset(e) \wedge effector(m\emptyset xali)(e) \wedge goal(myercya)(e) \wedge intensity(e)=d \wedge d \geq stnd(intensity)(C)$
 b. $\lambda e. *lad\emptyset(e) \wedge effector(m\emptyset xali)(e) \wedge goal(myercya)(e) \wedge continuity(e)=d \wedge d \geq stnd(continuity)(C)$

(51a-b) дают возможность построить близкорасположенные нижестоящие альтернативы. Альтернативы обозначают последовательности ударов пониженной интенсивности или происходящие с перерывами. Именно такую интерпретацию и имеют, как кажется, предложения типа (47).

Заметим, что (52), в котором вместо эффектора представлен агенс, воспринимается носителями как неестественное: неравномерный и менее интенсивный характер воздействия, описываемый Итеративом, более соответствует предложению (47).

- (52) [?]*manzrana xarda? m\emptyset xaliwna lad\emptyset Ng\emptyset*:
m\emptyset nc\emptyset rana xar\emptyset d\emptyset-h m\emptyset xali-m\emptyset na lad\emptyset-ngk\emptyset-\emptyset
 рабочий дом-GEN крыша-PROS ударять-ITER-GFS.3SGS
 ‘Рабочий стучит по крыше дома’.

Путь к итеративной реинтерпретации, по всей видимости, открыт для любых глаголов — в той степени, в которой этому не препятствуют текущий контекст и знания о мире. Например, Итератив *n\emptyset i\emptyset \check{z}\check{a}(c\check{y})* [*ryi-ngk\emptyset*] имеет две интерпретации — и ту, где близкорасположенные альтернативы отражают близость к кульминации, как в (53.1), и ту, где альтернативы строятся вокруг параметрического свойства множественного предиката $(\lambda e. ryi(e) \wedge theme(ya)(e))$, как в (53.2):

- (53) *ya ryi-ngk\emptyset-\emptyset*.
cyp вариться-ITER-GFS.3SGs
 1. ‘Суп находится на конечной стадии варения’.
 2. ‘Суп варится порциями {т. е. сначала сварена одна, затем другая и т. д.}’

Для некоторых других предельных предикатов итеративное прочтение доступно, однако указание на близость к кульминации нет:

- (54) **лад\emptyset \check{z}\check{a}(c\check{y})* [*lad\emptyset-ngk\emptyset*] ‘почти ударить’
**латра\emptyset \check{z}\check{a}(c\check{y})* [*lat\emptyset ra-ngk\emptyset*] ‘почти прищемиться’
**с\emptyset л\emptyset \check{z}\check{a}(c\check{y})* [*s\emptyset l\emptyset-ngk\emptyset*] ‘почти вернуться’
**т\emptyset р\emptyset п\emptyset \check{z}\check{a}(c\check{y})* [*t\emptyset rp\emptyset-ngk\emptyset*] ‘почти выйти’
**х\emptyset м\emptyset да\emptyset \check{z}\check{a}(c\check{y})* [*x\emptyset m\emptyset ta-ngk\emptyset*] ‘почти пролиться’

Предельные предикаты, таким образом, распадаются на две группы. Часть из них, представленная в (21a) из раздела 4, имеет в Итеративе прочтение ‘находиться в процессе, который почти достиг кульминации’. Другая часть, как показывает (54), этого не допускает. Насколько существенные семантические ограничения отражаются в этом контрасте, — вопрос неочевидный.

Нам кажется правдоподобным следующий сценарий. Условие появления интерпретации ‘процесс почти достиг кульминации’ — возможность построить для событий из экстенционала исходного предельного предиката инкрементальную цепочку, т. е. множество прирастающих частей события. Именно появление инкрементальной цепочки дает возможность говорить о большей или меньшей близости к кульминации, а это позволяет создать необходимый набор близкорасположенных альтернатив. В отсутствие инкрементальной цепочки альтернативы этого типа становятся недоступными.

Если это верно, то ограничения в (54) могут быть связаны с невозможностью построить инкрементальные цепочки для соответствующего предиката. Вот по крайней мере одна из причин такой невозможности:

- (55) У событий из экстенционала исходного предиката не выделяются собственные части

Предикаты, для которых выполняется (55), хорошо известны: это так называемые пунктивные предикаты, которые обозначают события, лишённые внутренней структуры. В (54) к ним относятся по меньшей мере *ладă(сь)* [ladø] ‘ударять’ и *латра(сь)* [lat°ra] ‘сдавливать, прищемлять’. В их пунктивности можно убедиться с помощью имперфективного деривата, не допускающего актуально-длительную интерпретацию при описании единичной ситуации, — как в (50b).

Что касается непунктивных предикатов из (54) (*сăлңă(сь)* [søl-ngkø] ‘время от времени возвращаться’, *тăрпăңă(сь)* [tørpø-ngkø]⁷ ‘выходить и снова входить’ и т. п.), то для них невозможность создать инкрементальную цепочку должна иметь другую причину.

Возможно, имеется некоторый стабильный компонент их лексической семантики, затрудняющий идентификацию различающихся стадий события. ‘Выходить’, как и ‘возвращаться’ не являются глаголами с накоплением эффекта, в отличие, скажем, от ‘вариться’. Накопление эффекта — естественное основание для выделения стадий события, и в его отсутствие построение инкрементальных цепочек может быть затруднено.

Возможно и то, что запреты типа (54), представленные в наших данных, отражают контекстно-зависимые параметры интерпретации, знания о мире или аккомодацию текущих пресуппозиций, которую осуществляют носители языка, реагируя на стимульный материал. Это предположение не кажется полностью неправдоподобным, если учесть, что в списке глаголов в (21a), допускающих интерпретацию через близость к кульминации, есть, например, *түңă(сь)* [tyu-ngkø] ‘почти зайти’, при том, что *тăрпăңă(сь)* [tørpø-ngkø] ‘почти выйти’ в (54) невозможен. С интуитивной точки зрения, *тү(сь)* [tyu] ‘заходить’ и *тăрпă(сь)* [tørpø] ‘выходить’ — близкие по структуре значения глаголы, и нулевое ожидание состоит в том, что контраст в интерпретации образованных от них Итеративов вряд ли имеет систематический характер.

Каково бы ни было окончательное решение этой проблемы, мы предполагаем, что оно не должно подорвать эмпирическую реальность обрисованного в этом разделе семантического сценария, который опирается на (48).

В следующем разделе мы обсудим Итеративы, имеющие хабитуальную интерпретацию.

6. Хабитуальные итеративы

Итеративов с хабитуальной интерпретацией в наших данных представлено значительное количество — несколько примеров показано в (56):

(56) <i>латра(сь)</i> [lat°ra] ‘сдавливать, прищемлять’	[lat°ra-ngkø] ‘регулярно застревать’
<i>лахана(сь)</i> [løxøpø] ‘говорить, заговаривать’	[løxøpø-ngkø] ‘разговаривать время от времени’
<i>мăй(сь)</i> [møyø] ‘радоваться’	[møyø-ngkø] ‘радоваться периодически’
<i>ңăдара(сь)</i> [ngødarø] ‘рваться’	[ngødarø-ngkø] ‘рваться регулярно’
<i>ңохолă(сь)</i> [ngøxølø] ‘плыть’	[ngøxølø-ngkø] ‘плавать иногда’
<i>панă(сь)</i> [panø] ‘наполняться’	[panø-ngkø] ‘наполняться время от времени’
<i>пэда(сь)</i> [peda] ‘уставать’	[peda-ngkø] ‘уставать периодически’
<i>тăрпă(сь)</i> [tørpø] ‘выходить’	[tørpø-ngkø] ‘выходить изредка’
<i>ти(сь)</i> [tyí] ‘лететь, взлетать’	[tyí-ngkø] ‘взлетать регулярно’
<i>хăвă(сь)</i> [xøwø] ‘падать’	[xøwø-ngkø] ‘падать периодически’
<i>хона(сь)</i> [xona] ‘ложиться спать’	[xona-ngkø] ‘ложиться спать регулярно’
<i>пае(сь)</i> [paue] ‘быть опухшим’, ‘покрываться болячками’	[paue-ngkø] ‘покрываться болячками регулярно’
<i>сăлць</i> [søl] ‘возвращаться’	[søl-ngkø] ‘возвращаться время от времени’
<i>тăна(сь)</i> [tøna] ‘подниматься, взбираться’	[tøna-ngkø] ‘подниматься периодически’
<i>тү(сь)</i> [tyu] ‘входить, заходить’	[tyu-ngkø] ‘заходить изредка’
<i>ладă(сь)</i> [ladø] ‘ударять’	[ladø-ngkø] ‘поколачивать’, ‘бить время от времени’
<i>мо(сь)</i> [mo] ‘бросать’	[mo-ngkø] ‘регулярно бросать’
<i>сюра(сь)</i> [syúra] ‘прятать’	[syúra-ngkø] ‘прятать регулярно’
<i>тола(сь)</i> [tola] ‘читать’	[tola-ngkø] ‘почитывать’, ‘читать периодически’
<i>мăлă(сь)</i> [mølyø] ‘ломать’	[mølyø-ngkø] ‘ломаться периодически’
<i>нăмдă(сь)</i> [nømtø] ‘слышать’	[nømtø-ngkø] ‘слышаться периодически’

⁷ На непунктивность указывает актуально-длительная интерпретация соответствующих имперфективных дериватов. В порядке сокращения мы опускаем эти примеры.

Материал хабитуальных предложений на первый взгляд кажется гомогенным, однако при более внимательном осмотре массива данных обнаруживается интересная тенденция. В некоторых случаях единичные реализации хабитуального свойства происходят «редко», «время от времени», «периодически» и т. п. Именно такие суждения носителей, по-видимому, подтолкнули Н. М. Терещенко к описанию Итератива в терминах «повторного действия, происходящего с перерывами» [Терещенко 1965b: 903], а С. И. Буркову и ее коллег склонили к тому, чтобы присвоить Итеративу семантический ярлык «раритив».

В другой части примеров такого семантического эффекта не наблюдается: описываемая ситуация происходит регулярно, а один из актантов характеризуется через систематическое участие в ней. Именно такие толкования дает Итеративным глаголам Т. Салминен [Salminen 1998: 543]. Примерно так же описывает их И. А. Николаева [Nikolaeva 2014: 45]⁸. Три из четырех случаев в (3а), выделенных А. Б. Шлуинским, — Итератив с хабитуальной, с качественной, а также с генерической интерпретацией с изменением диатезы — подпадают под эту же категорию.

Эта семантическая двойственность, на наш взгляд, заслуживает более серьезного отношения, чем прежде. Мы предполагаем, что здесь задействованы две различные деривации, которые показаны в (57а-б)⁹:

- (57) а. NGKØ > HAB > VP
 б. HAB > NGKØ > VP

Согласно (57а-б), Итератив может получать сферу действия как над хабитуальным оператором, так и под ним. Именно так создаются два типа хабитуальных интерпретаций, о которых говорится в литературе.

При широкой сфере действия Итератива возникает (58):

- (58) Ситуация близка к описанию ‘Систематически имеет место событие из экстенционала глагольной группы’

Близость, как мы помним, следует понимать как близкорасположенность снизу. Это означает, что Итератив вводит в рассмотрение ситуации, несколько менее систематические, чем если бы речь шла об обычном хабитуалисе. Именно таков, согласно нашему предположению, источник прочтения типа ‘время от времени’, ‘периодически’, ‘изредка’.

В этом месте, естественно, возникает вопрос, возможно ли в принципе, чтобы значения, выражаемые деривационными показателями, имели сферу действия более широкую, чем хабитуалис, аспектуальный оператор *par excellence*.

Думается, на эмпирическом уровне на этот вопрос можно дать утвердительный ответ, хотя мы и не готовы предложить полностью композиционную деривацию для такого рода случаев. В русском языке, например, значение по крайней мере некоторых деривационных морфем применяется к дескрипции хабитуальных ситуаций. Вот два характерных примера, где такое происходит с инхоативной морфемой:

- (59) а. Мэнсон слегка постарел, **зауставал**, по сцене больше уже не прыгает, стоит практически на одном месте, изредка переодевается [uralrock.ru].
 б. Не в тренере дело, а в командном духе, и Ди Матео видимо его оседлал. Даже испанец **зазабивал!** [fodbold.ru]

Как в (59а), так и в (59б) речь идет не о вхождении в эпизодический процесс ‘уствовать’ или ‘забивать’, а о том, что участник ситуации приобретает новое свойство индивидуального уровня. У Мэнсона возникает свойство ‘уствовать (во время концертов)’, а испанец начинает хорошо играть и систематически забивать мяч в ворота.

Во втором случае в (57б) мы предполагаем узкую сферу действия Итератива и широкую хабитуалиса. Это тот тип интерпретации, когда единичные реализации хабитуального свойства индивидуального уровня осуществляются не с пониженной, а с обычной регулярностью:

⁸ Итеративы у И. А. Николаевой, кроме того, могут обозначать «повторяющиеся прерванные события», что, как нетрудно заметить, почти дословно повторяет характеристику Н. М. Терещенко. Более эксплицитных пояснений, однако, в тексте грамматики не дается.

⁹ Доступность хабитуальной интерпретации в Аористе — общее свойство любых непредельных предикатов, как непроектируемых, так и образованных показателями «непредельных дериваций» (Дуратива, Фреквентатива, Имперфектива и Итератива). Хабитуальная семантика, которая в (57а-б) обозначена как «НАВ», в этом случае не требует никакого дополнительного выражения. (В качестве аналогии, хотя и не идеально точной, можно думать о хабитуальной интерпретации глаголов несовершенного вида в русском языке, также не имеющей отдельной фонологической реализации.) НАВ следует отличать от деривационного показателя [sy°ti], который во многих работах по ненецкому языку называется Хабитуалисом. Мы признательны рецензенту «Урало-алтайских исследований», рекомендовавшему сделать это уточнение.

(60) Систематически имеет место ситуация, которая близка к описанию события из экстенционала глагольной группы

Хабитуальные примеры А. Б. Шлуинского повторяются в (61)—(63):

(61) *ja xusuwej jalia piŋga:*
ya xusuwey° yalya pyi-ngkø-°
 суп каждый день вариться-ITER-GFS.3SGS
 ‘Суп каждый день варится’.

(62) *was'ia pedanŋa:*
wasya peda-ngkø-°
 Вася уставать-ITER-GFS.3SGS
 ‘Вася периодически устает {например, он слаб здоровьем}’.

(63) *padɬr ɲadɬrtanŋa:*
padør ngødør°ta-ngkø-°
 бумага рвать-ITER-GFS.3SGS
 ‘Бумага рвется {т. е. имеет свойство рваться}’.

Все три исходных предиката предельны. Итератив, присоединяясь к таким предикатам, как мы видели, создает дескрипцию процессов, которые приближаются к кульминации, но не достигают ее — ‘вот-вот сварится’, ‘почти устал’, ‘находится на пороге разрывания’. После того как поверх такой дескрипции располагается хабитуалис, возникает интерпретация ‘далеко зашедший процесс варения / приобретения усталости / разрывания имеет место систематически’. Ровно такую интерпретацию и имеют предложения А. Б. Шлуинского.

Не будем технически прорабатывать этот компонент анализа; думается, неформальных рассуждений для наших целей достаточно. Отметим содержательно важное соображение: (57b) предсказывает, что каждая индивидуальная реализация хабитуального свойства не достигает кульминации. Не имея возможности проверить это предсказание в момент написания этих заметок, мы хотели бы отметить, что оно полностью совместимо со свойствами хабитуальных предложений в языках типа ненецкого или русского. Покажем явление на русском примере:

(64) Когда приходит мать, Надя стирает белье.
 1. Регулярно [приход матери < стирка белья]
 2. Регулярно [приход матери ⊂ стирка белья]

(64) при хабитуальной интерпретации неоднозначно. При первом прочтении описываемая регулярность складывается из повторений кульминирующей ситуации стирки белья, которая происходит после прихода матери. При втором речь идет о повторении стадии стирки, которая предшествует кульминации и которая имеет место в момент прихода матери. Таким образом, в общем случае хабитуалис этого типа допускает, но не требует кульминации единичной ситуации. Именно поэтому хабитуальный оператор полностью совместим с комбинацией «глагольная группа + NGKØ», в экстенционале которой представлены некульминирующие события.

Наш сюжет исчерпан. Мы готовы сформулировать основные обобщения.

7. Заключение

Основная гипотеза, которая обсуждается в этой статье, состоит в том, что, вопреки своему названию, ненецкий Итератив не связан с выражениями значений из семантической зоны глагольной множественности. Семантическое содержание Итератива сводится к указанию на то, что описываемая ситуация существенным образом похожа на событие из экстенционала исходного предиката, но сама, тем не менее, не входит в него. Мы предложили реализовать это неформальное описание посредством указания на близкорасположенные нижестоящие альтернативы и требования, чтобы предикат был непредельным.

Это дает несколько возможных эпизодических интерпретаций. Во-первых, для предельных непроизводных глаголов получается дескрипция процесса, непосредственно предшествующего кульминации. Во-вторых, для непредельных глаголов создается множество процессов, у которых некоторое параметрическое свойство (например, интенсивность или непрерывность) представлено в меньшей степени, чем в стандартном случае. В-третьих, тот же сценарий может реализовываться через дополнительный этап скрытой плюрализации, создающей непредельную дескрипцию. Это собственно итеративная интерпретация.

Для хабитуальных предложений с Итеративом мы предположили две возможности. В одном случае хабитуальный оператор имеет узкую сферу действия по отношению к показателю *-ngǎ-* [ngkǝ], и это приводит к появлению предикации со «сниженной хабитуальностью» ('изредка', 'время от времени', 'периодически'). В другом случае узкую сферу действия имеет Итератив, и тогда предложение обозначает такое же свойство индивидуального уровня, как любой другой хабитуалис. Расположенный ниже итеративный показатель оперирует непосредственно событийной дескрипцией и, соответственно, реализует все те же возможности, что и в аналогичных эпизодических конфигурациях.

Сокращения

- 3SG — глагольный показатель третьего лица единственного числа
 ABL — аблатив
 ACC — аккумулятив
 DAT — датив
 DUR — Дуратив
 CL — клитика (в примере из [Буркова 2010])
 COND — условная форма глагола (в примере из [Буркова 2010])
 CONNEG — коннегатив (в примере из [Буркова 2010])
 GEN — генитив
 GFS — общая финитная основа
 HAB — хабитуальный оператор
 IPFV — имперфектив
 ITER — Итератив
 POSS3SG — посессивный показатель третьего лица единственного числа
 PRcont — континуативное причастие (в примере из [Буркова 2010])
 PROS — просекутив
 RAR — раритив (в примере из [Буркова 2010])
 r — возвратное спряжение
 s — субъектное спряжение
 SFS — специальная финитная основа
 SUBJ — субъектное спряжение (в примере из [Буркова 2010])
 VP — глагольная группа

Литература

- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка // Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург, 2010. С. 180—349. {Burkova S. I. A grammatical sketch of Tundra Nenets // A Dictionary of Nenets dialects / Ed. by N. B. Koshkareva. Ekaterinburg, 2010. P. 180—349.}
- Серебренников 1969 — Серебренников Б. А. На ненецкие и марийские темы. К проблеме происхождения суффиксов видовой направленности в ненецком языке // Советское финно-угроведение. 1969. Вып. V. № 1. С. 71—76. {Serebrennikov B. A. Topics in Nenets and Mari. On the origin of aspectual suffixes in Nenets // Soviet Finno-Ugric studies. 1969. Iss. 5. № 1. P. 71—76.}
- Татовосов 2016 — Татовосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола: Актантно-акциональные классы и типы спряжения // Вопросы языкознания. 2016, 3. С. 81—114. {Tatevosov S. G. Structure and interpretation of Tundra Nenets verb. Eventuality types and conjugational subparagidms // Voprosy Jazykoznanija. 2016, 3. P. 81—114.}
- Татовосов 2017 — Татовосов С. Г. Структура события и ненецкий глагол: заметки о актантно-акциональных свойствах Итератива // Linguistica Uralica. 2017. Том 53. № 3. С. 197—225. {Tatevosov S. G. Event structure and Tundra Nenets verb. Notes on argument structure and actionality of the Iterative // Linguistica Uralica. 2017. Vol. 53. № 3. P. 197—225.}
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947. {Tereshhenko N. M. A grammatical sketch of the Nenets (Yurak Samoyedic) language // Leningrad, 1947.}
- Терещенко 1965a — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereshhenko N. M. Nenets-Russian dictionary. Moscow, 1965.}

Терещенко 1965b — *Терещенко Н. М.* Краткий грамматический очерк ненецкого языка // *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 859—942. {*Tereshhenko N. M.* A short grammatical sketch of Nenets // *Tereshhenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. Moscow, 1965. P. 859—942.}

Шлуинский 2004 — *Шлуинский А. Б.* Аспектуальные деривации в малоземельском говоре тундрового диалекта ненецкого языка. Технический отчет 2003-06.22. МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2004. {*Shluinskij A. B.* Aspectual derivation in the Malozemelsky variety of Tundra Nenets. Technical report 2003-06.22. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2004.}

Шлуинский 2005 — *Шлуинский А. Б.* Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. {*Shluinskij A. B.* A typology of verbal plurality: quantity-based aspectual meanings. PhD Thesis. Moscow, 2005.}

Comrie 1976 — *Comrie B.* Aspect. Cambridge, 1976.

Kavitskaya, Staroverov 2010 — *Kavitskaya D., Staroverov P.* When an interaction is both opaque and transparent: the paradox of fed counterfeeding // *Phonology*. 2010, 27. P. 1—34.

Kennedy, McNally 2005 — *Kennedy Ch., McNally L.* Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates // *Language*. 2005, 81. P. 345—381.

Krifka 1989 — *Krifka M.* Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics // Eds. *R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas.* Semantics and Contextual Expression. Dordrecht, 1989. P. 75—115.

Krifka 1992 — *Krifka M.* Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // Eds. *Ivan Sag, Anna Szabolsci.* Lexical Matters. Stanford, 1992. P. 29—53.

Link 1983 — *Link G.* The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms // Eds. *R. Bäuerle, C. Schwarze, A. von Stechow.* Meaning, Use, and Interpretation of Language. Berlin, 1983. P. 302—323.

Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I. A.* A grammar of Tundra Nenets. Berlin, 2014.

Penka 2006 — *Penka D.* Almost there: The Meaning of *almost* // Eds. *C. Ebert, C. Endriss.* Proceedings of Sinn und Bedeutung 10. Berlin, 2006. P. 275—286.

Rooth 1985 — *Rooth M.* Association with focus. Doctoral Dissertation. Amherst, 1985.

Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets inflection. Helsinki, 1997.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A morphological dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

Полисемия в списках самодийской базисной лексики и языковые контакты

Федотова Идалия Вячеславовна,
НИУ «Высшая школа экономики», Институт языкознания РАН,
Институт системного программирования имени В.П. Иванникова РАН (Москва);
idal.fedotova@gmail.com

В статье проанализированы случаи семантических переходов и праязыковой полисемии в самодийской базисной лексике, которые имеют аналоги в тюркских и тунгусских языках. С помощью платформы ЛингвоДок построены карты, позволяющие выявить ареалы схожей полисемии и аналогичных семантических переходов в трех языковых семьях. Результаты исследования представляют собой 15 семантических переходов в виде полисемии, семантической эволюции или рефлексной полисемии: ‘солнце, день’; ‘земля (место), почва’; ‘земля’ > ‘пепел’; ‘земля’ > ‘песок’; ‘земля’ > ‘глина’; ‘песок, галька’; ‘кожа, шкура’; ‘кожа, шкура’ > ‘кора’; ‘волосы, шерсть, перо’; ‘перо, крыло’; ‘человек, мужчина’; ‘мясо, тело’; ‘шея, горло’; ‘хороший’ > ‘красивый’; ‘мягкий’ > ‘теплый’. Выявлены 7 самодийско-тюркско-тунгусских параллелей, 5 самодийско-тюркских и 3 самодийско-тунгусских параллели. На картах форма и размер ареала свидетельствуют о том, что одни случаи полисемии ограничены определенной областью, а другие широко распространены и занимают территорию всей Западной Сибири, вообще всей Сибири или всей Евразии. В корнях с праязыковой полисемией, не привязанной к конкретному ареалу, обнаружены семантические переходы, закрепленные на определенной территории. Показаны случаи возможного влияния экстралингвистических факторов на аналогичные семантические изменения в неродственных языках (‘кора’ в самодийских, тюркских и тунгусских языках), а также случаи влияния семантики тюркских языков на исконную лексику в контактных самодийских языках (‘пепел’, ‘глина’).

Ключевые слова: базисная лексика, самодийские языки, тюркские языки, тунгусские языки, полисемия, синкретизм, широкое значение, семантический переход, этимология, семантическая реконструкция, ареальная лингвистика, языковые контакты

POLYSEMY IN THE SAMOYED CORE LEXICON LISTS AND LANGUAGE CONTACTS

Idaliya V. Fedotova,
National Research University “Higher School of Economics”, Institute of Linguistics, RAS,
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow);
idal.fedotova@gmail.com

This paper investigates cases of semantic shifts and proto-language polysemy in the Samoyed core lexicon. This research focuses on the shifts which have analogies in Turkic and Tungusic languages, identified with the help of semantic reconstruction. Special maps were created at LingvoDoc linguistic platform in order to demonstrate areas of similar polysemy and semantic shifts, possibly contact-induced. Using materials from archival and expeditionary dictionaries, the paper proposes a detailed account of the available lexicon of the Samoyed languages within the scope of core lexicon. Our results show 15 semantic shifts in the form of polysemy, semantic evolution and cognates: ‘sun, day’; ‘earth (place), soil’; ‘earth’ > ‘ashes’; ‘earth’ > ‘sand’; ‘earth’ > ‘clay’; ‘sand, pebbles’; ‘human skin, animal skin’; ‘skin’ > ‘bark’; ‘hair, fleece, feather’; ‘feather, wing’; ‘person, man’; ‘meat, body’; ‘neck, throat’; ‘good’ > ‘beautiful’; ‘soft’ > ‘warm’. The maps created at LingvoDoc provide evidence of intense language contacts in the past and present, or display an absence of such evidence. Judging by the shape and the size of the areas on the maps it can be seen that some cases of polysemy are local, while others are widespread on the territory of Western Siberia, whole Siberia or whole Eurasia. The highlight is that 7 Samoyed-Turkic-Tungusic parallels, 5 Samoyed-Turkic parallels and 3 Samoyed-Tungusic parallels have been found within the 100-item Swadesh wordlists of these languages. Also, some cases were identified in which extralinguistic factors might have influenced similar changes in genealogically non-related languages (‘bark’ in Samoyed, Turkic and Tungusic) and suggested a Turkic influence on the Samoyed inherited lexicon (‘ashes’, ‘clay’).

Keywords: core lexicon lists, the Samoyed languages, the Turkic languages, the Tungusic languages, polysemy, syncretism, semantic generality, semantic shift, etymology, semantic reconstruction, areal linguistics, language contacts

Как происходят семантические изменения от праязыка к языкам-потомкам? Насколько вероятно влияние языковых контактов на изменение значений в исконной лексике? Какие семантические переходы¹ являются ареально обусловленными, а какие встречаются на всей территории распространения языковой семьи? Может ли полисемия² в контактных языках быть катализатором семантических изменений в исконной лексике?

Изучение семантических переходов и их типологии является одной из самых актуальных областей современной лингвистики. Подробная история изучения семантических переходов в синхронии и диахронии изложена в [Зализняк 2001], а переосмысление и радикальные перемены, произошедшие в этой области за последние двадцать лет, в [Зализняк 2018].

Очень активно исследуется межъязыковая полисемия (cross-linguistic polysemy) как основание для проверки достоверности семантических переходов в диахронии, часто с применением количественных методов анализа (статьи в сборнике [Vanhove 2008], а также [Dellert 2014; Münch, Dellert 2015]). Существуют и пополняются обширные базы данных, в которых можно найти полисемию и семантические переходы, — «Каталог семантических переходов» под руководством Анны А. Зализняк, CLICS — каталог межъязыковых колексификаций, под этим термином понимается совмещение двух значений в одном звуковом комплексе, независимо от происхождения слова (полисемия или омонимия). Однако колексификация или полисемия может быть и исследовательской трактовкой того, что на самом деле является синкретизмом или широким значением [Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018: 52]. В статье [Rzymiski et al. 2020] подробно описана работа каталога CLICS от стадии сбора материала до возможностей последующего компьютерного анализа данных. Как показывают итоговые графики, значения, которые могут передаваться одной и той же лексемой, группируются вокруг «центра притяжения» на основе семантической близости и образуют отдельные «семантические сообщества» (“semantic communities”). Из 20 самых распространенных колексификаций по данным CLICS в настоящей статье рассматриваются ‘кожа’, ‘кора’ (49 языковых семей, 209 языков) и ‘земля’, ‘почва’ (43 семьи, 133 языка).

Полисемия и семантические переходы занимают важное место в сравнительно-историческом языкознании. В монографии по праязыковой семантической реконструкции [Дыбо 1996] изложены методы и технические приемы, позволяющие точно восстановить изменение значений в пределах лексических микросистем. Есть указания и на контактную природу семантических изменений: «В результате тесного контакта языков с разными номинационными решетками (скорее всего, при наличии хотя бы функционально ограниченного двуязычия) высокочастотные контексты калькируются; соответственно, заимствуется система лексических противопоставлений» [Дыбо 1996: 32]. «Сам процесс перехода на противопоставление ‘рука’ ~ ‘кисть’ в уральских языках, видимо, вызван контактными причинами: такая оппозиция характерна для всего севера Сибири» [Дыбо 1996: 108—109]. «Ареальное рассмотрение лексических подсистем в алтайских языках, сопряженное с рассмотрением соответствующих подсистем в контактировавших с алтайскими языках, дает возможность определить для части смысловых переходов контактное происхождение (что в ряде случаев позволяет установить направление этих переходов) и, кроме того, установить критерии возможности устойчивого (неоказионального) заимствования для тех или иных единиц лексической системы» [Дыбо 1996: 17]. Опыт применения этой методики семантической реконструкции был осмыслен в более поздней статье того же автора [Дыбо 2011]: изложены теоретические основания семантической реконструкции, продемонстрированы результаты в различных группах лексики — части тела, подарки в тюркских языках, названия жилища, антропоморфная и зооморфная метафора (ландшафт, артефакты, социальная организация). Для уральских языков в группе соматических терминов предпринято исследование полисемии и семантических переходов с проекцией на праязыковой уровень в статье [Дубровская 2011].

Праиндоевропейская система цветообозначений исследована в монографии [Норманская 2005]: описаны системные семантические изменения от праязыкового состояния к древним языкам и далее к их потомкам. В монографии [Норманская, Дыбо 2010] изложен алгоритм семантической реконструкции для лексики природного окружения в уральских языках. Выявлены принципы разграничения архаической многозначности и инновационной многозначности в метеорологической лексике: архаической по-

¹ «Под “семантическим переходом” понимается факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции» [Зализняк 2009: 107].

² Под полисемией, следуя за Ю. Д. Апресяном, мы понимаем лексическую многозначность. «Слово А называется многозначным, если для любых двух его значений a_i и a_j найдутся такие значения $a_1, a_2, \dots, a_k, a_l$, что a_i сходно с a_1, a_1 — с a_2 , и т. д., a_k — с a_l и a_l — с a_j . Как видим, определение не требует, чтобы общая часть была у всех значений многозначного слова; достаточно, чтобы каждое из значений было связано хотя бы с одним другим значением» [Апресян 1995: 187].

лисемия признается лишь в том случае, если она представлена у рефлексов одного и того же пратюркского слова в языках географически отдаленных и неблизкородственных. Инновационной признается многозначность у этимологически неродственных слов, или в языках, располагающихся в связном ареале, или в языках, относящихся к одной дочерней тюркской языковой семье. Монографии предшествовали статьи на эту тему: [Дыбо, Норманская 2010; Норманская 2006, 2008a] об этимологиях названий снега, [Норманская 2008b] о пратюркской системе названий климатических явлений, [Норманская 2008c] о реконструкции названий растений в уральских языках и локализации прародин уральских языков, [Норманская 2008d] об условиях появления многозначности в тюркских и уральских языках, [Норманская 2010] о названиях оленя в хантыйских диалектах и типах оленеводства (доказано, что в западных говорах используется исконная обско-угорская лексика и представлен тундровый тип оленеводства, а в восточных говорах много заимствований из ненецкого и таежный тип оленеводства). Влиянию экстралингвистических факторов на семантические изменения в системе глаголов плавания в самодийских языках посвящена работа [Норманская, Красикова 2009]. Далее в этой области исследований опубликованы статьи [Норманская 2015] об условиях семантических переходов в названиях рыб и птиц в уральских языках, [Дыбо, Норманская 2014] об исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках. Праязыковая реконструкция систем ландшафтной лексики в индоевропейской и алтайской языковых семьях проведена в работе [Дубо 2013].

Важным инструментом для анализа семантических изменений в диахронии является список базисной лексики, или «список Сводеша», впервые предложенный в работах [Swadesh 1952, 1955] для установления родства языков. Этот список включает 100 английских слов, как характеризует его А. В. Дыбо, «с предположительно простыми значениями, предположительно относящимися к докультурному словарному составу. Исходя из презумпции, что лексика чаще всего заимствуется вместе с реалиями (предметами и понятиями, которые соответствующие слова обозначают), ученые полагают, что слова-переводы списка Сводеша в различных языках мира существенно реже являются заимствованиями, чем другая лексика» [Дыбо 2013: 5]. Анализ такого списка в разных языках позволяет иметь дело со словами, у которых, во-первых, надежно реконструируются праформы и, во-вторых, нет привязки к определенной группе лексики; таким образом, исследование дает возможность выявить процессы, общие для разных лексических групп. Семантическая трактовка слов из списка Сводеша подробно изложена в статье [Kassian et al. 2010].

22 слова из списка Сводеша использованы для праязыковой реконструкции и выявления семантических переходов в разных языковых семьях в работе [Croft et al. 2009]. Наиболее полное этимологическое исследование базисного лексикона на примере одной языковой семьи является монография А. В. Дыбо «Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков» [Дыбо 2013]. В этой монографии показан потенциал изучения стословных списков, в том числе для выяснения того, как лексемы и их значения группируются в различных ареалах; также рассматривается семантическое окружение лексем из списка, что позволяет увидеть системные изменения в семантике. Стословные списки некоторых самодийских языков рассматриваются в работе [Коряков 2018]: на основании лексикостатистических данных делается вывод о том, являются ли ненецкие, энецкие и селькупские идиомы разными языками или диалектами одного языка.

Исследование языковых ареалов в синхронии и диахронии, языковых контактов и экстралингвистических факторов, являющихся вероятными причинами определенных общих черт всех языков, входящих в ареал, имеет долгую историю и в основном посвящено лексическим заимствованиям и изменениям в грамматике (начиная с [Weinreich 1953]). Упомянем лишь некоторые работы, в которых отмечена контактная природа семантических изменений или общие черты семантики слов из разных языков, но в одном ареале. В работе [Witkowski, Brown 1985] показана связь отсутствия полисемии в названии верхних конечностей в языках, расположенных выше определенной географической широты, и ношения одежды с длинными рукавами (более вероятна номинация частей руки разными словами). В статье [Дубо 1995] о названиях указательного пальца в Евразии показано, как мотивационные модели распределены по ареалам. Как следует из работы [Dubrovskaya 2014] на материале селькупского языка, семантическая структура существительных, наличие или отсутствие полисемии может быть связано с влиянием языковых контактов. В монографии [Мызников 2004] исследователь указывает на «взаимодействие и взаимовлияние в области семантики» между прибалтийско-финскими языками и русскими диалектами смежных ареалов, что проявляется в калькировании. Однако автор утверждает, что «разработка моделей репрезентации семантически сходных, но принадлежащих различным языковым средам единиц может быть оправдана только в отношении тщательно изученного ареала» [Мызников 2004: 36]. Типология ареалов, основанная на картах Общеславянского лингвистического атласа, разработана в труде [Вендина 2014]: показана эволюция ареалов от праязыкового состояния к современному, делаются важные выводы о разграничении праславянских диалектов и о преобладании конвергентных процессов в лексике.

На синхронном уровне в статье [Gast, Korjetskaja-Tamm 2018] проведено исследование колексификации на обширном языковом материале с помощью двух баз данных. Выявлены ареалы, где локализованы случаи колексификации (всего 23, особенно подробно рассмотрены и показаны на картах ареалы совмещения значений ‘перо’/‘волосы’, ‘огонь’/‘дерево’, ‘огонь’/‘дрова’, ‘гора’/‘камень’, ‘ухо’/‘лист’ и ‘кора’/‘кожа’), и проведена проверка генетической однородности языков в этих ареалах. Оказывается, что контактные языки, не родственные друг другу, могут образовывать ареалы распространения определенных значений. В этой работе продемонстрирована возможность изучения ареальной семантики и контактной полисемии с помощью баз данных. Ареальной полисемии ‘земля’/‘год’ в североамериканских языках посвящена статья [Zhivlov 2019], где для определенных языков установлено контактное происхождение этой полисемии.

Контакты самодийских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков описаны, в частности, в монографиях [Дыбо 2007; Аникин, Хелимский 2007] и статье [Терентьев 1999].

Источники и методы исследования

Задача исследования состояла в том, чтобы на материале списков базисной лексики в самодийских языках выявить именно те случаи полисемии на уровне прасамодийского языка, которые имеют аналоги в контактных тюркских и тунгусских языках, а также выявить случаи параллельного развития значения от праязыка к языкам-потомкам.

Поиск полисемии и семантических переходов в самодийских списках Сводеша в первую очередь осуществлялся по этимологическому словарю [Janhunen 1977], после этого лексемы специально проверялись по словарям отдельных самодийских языков: нганасанский по [Костеркина и др. 2001; Хелимский Нганасанский словарь], тундровый ненецкий по [Терещенко 1965], лесной ненецкий по [Бармич, Вэлло 2002], энецкий (тундровый диалект) по [Хелимский Энецкий словарь], энецкий (лесной диалект) по [Сорокина, Болина 2009], селькупский по [Быконя и др. 2005; Хелимский 2007], камасинский по [Kamassisches Wörterbuch], маторский по [Helimski 1997]. Также материалы дополнялись из экспедиционных и архивных словарей, опубликованных на портале <http://lingvodoc.ispras.ru/>. Реконструкция праязыкового значения в [Janhunen 1977] принималась, только если значение представлено в двух самодийских группах: северносамодийских — ненецкий, энецкий, нганасанский — и, с другой стороны, селькупском, камасинском и маторско-тайгийско-карагасском (классификация по [Хелимский 1982: 39]).

Тюркские этимологии взяты из «Этимологического словаря базисной лексики тюркских языков» А. В. Дыбо [Дыбо 2013]. В этом словаре произведена исчерпывающая проверка материала литературных тюркских языков и опубликованных к тому времени диалектных словарей, поэтому он был выбран для первого этапа нашей сравнительной работы. В последние годы активно ведется полевая работа по уточнению состава списка Сводеша и семантики входящих в него слов в тюркских диалектах, многие материалы и словари еще ждут публикации, поэтому поиск полисемии и семантических переходов в списках базисной лексики всех тюркских диалектов — это дело будущего, и вполне ожидаемо, что облик карт с ареалами контактных изменений значения будет другим. На данном этапе, для предварительных замечаний, мы опирались на вышеупомянутый словарь, а в случаях, когда нужно было уточнить наличие полисемии, материал дополнялся данными из [ЭСТЯ] и опубликованных на портале <http://lingvodoc.ispras.ru/> диалектных словарей.

В определенных случаях для подтверждения существования полисемии были опрошены информанты — носители соответствующих языков: ненецкого и селькупского (самодийские языки), алтайского, челканского, шорского, тувинского, башкирского, татарского, казахского, турецкого и якутского (тюркские языки). В уточнении нуждались слова со значениями ‘земля’ (‘почва’, ‘место’, ‘территория’), ‘пепел’ (может ли называться тем же словом, что ‘земля’), ‘глина’ (как материал и как вид почвы), ‘мех’ (как волосяной покров и как шкура с мехом), ‘кора’; кроме того, проверялось наличие лексем с полисемией ‘песок’ и ‘галька’, ‘перо’ и ‘крыло’, ‘волосы’ и ‘шерсть’, ‘кожа’ и ‘шкура’ (есть ли отдельное обозначение для ‘выделанной шкуры’), ‘хороший’ и ‘красивый’, ‘мужчина’ и ‘человек’, ‘мясо’ и ‘тело’, ‘шея’ и ‘горло’, ‘теплый’ и ‘мягкий’, ‘солнце’ и ‘день’.

Опрос проводился следующим образом. Для всех этих значений были составлены списки диагностических контекстов на русском языке (использовались списки из статьи [Kassian et al. 2010]; если интересующие нас значения не были упомянуты в этой статье, мы составляли для них собственные списки), и информанты предлагали перевод интересующих нас слов или предложений целиком. В большинстве случаев полученные данные совпали с данными словарей. Если же они дополнили опубликованные материалы или изменили облик карт, то в статье приводятся диагностические контексты и переводы, присланные информантами, с указанием на язык и источник (‘земля (место), почва’ — башк., ‘пепел’, ‘галька’ — челкан., ‘кора’ — сельк., шор., ‘глина’ — нен., шор., ‘кожа, шкура’ — шор., ‘мех’ — челкан., казах.).

Источником по тунгусо-маньчжурским языкам послужил «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [ТМС]. Лексическое значение проецировалось на праязыковой уровень, в случае если оно сохранилось минимум в двух из трех ветвей: севернотунгусские, южнотунгусские языки и маньчжурский. Облик реконструированной формы приводится по [EDAL].

Построение карт с ареалами распространения полисемии и семантических переходов проводилось в Виртуальной лаборатории «ЛингвоДок» с помощью функций «Выбрать языки» и «Построение ареалов». Следует отметить, что функция построения ареалов основана на математической модели и не всегда идеально соответствует задачам лингвогеографии, поэтому те случаи, когда по техническим причинам нарисованная область ареалов не точно отражает распространение языков и диалектов, специально оговариваются в описании карт. Квадратам на карте соответствуют подтвержденные места, в которых зафиксирован тот или иной язык: это либо конкретные географические координаты, к которым на платформе «ЛингвоДок» привязаны экспедиционные или архивные словари, либо, если в базе «ЛингвоДок» нет соответствующего словаря, населенный пункт (столицы государств, областные центры или конкретные деревни и поселки, указанные в изданных словарях по рассматриваемым языкам). Таким образом, ареал распространения полисемии или семантических переходов в строгом смысле следует понимать как пространство между квадратами — населенными пунктами. При определенном масштабе ареал вокруг квадратов программа рисует слишком большим, и, если это важно, в таких случаях дается приближенный вариант рассматриваемой области.

Необходимо прокомментировать понятие семантического перехода, являющееся центральным для статьи, ввиду того что этот термин возник в области исторической семантики, но в современной семантической типологии понимается расширительно.

«Под семантическим переходом понимается наличие некоей концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах одного слова в широком смысле» [Зализняк 2013: 33]. «Семантический переход — это, по существу, расширение понятия полисемии — за счет расширения понятия “одного и того же слова”, а именно, включения сюда диахронической семантической эволюции, диалектного варьирования и морфологической деривации» [там же: 35].

Реализации семантических переходов, в терминологии А. А. Зализняк, могут быть следующими: 1) синхронная полисемия; 2) диахроническая семантическая эволюция некоторого слова от языка-предка к языку-потомку или в пределах одного языка; 3) морфологическая деривация: значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А, или наоборот; 4) когнаты: значения А и В принадлежат двум (близко)родственным языкам и восходят к одному слову их общего языка-предка; 5) заимствование: значение В принадлежит заимствованному слову, А является значением того же слова в языке-источнике [Зализняк 2013: 33—34]. Только пятый тип не рассматривается в данной статье, а вместо термина «когнаты» используется «рефлексная полисемия»³.

Результаты

Полученные данные представлены в виде таблицы и семнадцати карт. С одной стороны, оказалось, что выявленные случаи полисемии и семантических переходов сгруппированы вокруг определенных тематических групп:

Небесные светила	солнце, день
Ландшафт	земля, почва
	земля, почва > глина
	земля, почва > песок
	песок > галька
	земля, почва > пепел
Животный и растительный мир	кожа, шкура
	кожа, шкура > кора
	волосы, перо
	перо, крыло

³ «При сравнительно-историческом семантическом анализе можно рассматривать варьирование значений рефлексов слова праязыка как род многозначности, скажем, многозначность внутри языковой семьи» [Дыбо 2011: 364]. Термин «рефлексная многозначность», кажется, впервые введен в работе [Дыбо 2005], широко используется в «Тезаурусе» [Норманская, Дыбо 2010]. Для единообразия в терминологии, учитывая, что лексическую многозначность называют полисемией, мы будем использовать именно вариант «рефлексная полисемия».

Человек	человек > мужчина
Части тела	мясо, тело шея, горло
Качества	хороший, красивый; мягкий > теплый

С другой стороны, каждый семантический переход может быть засвидетельствован в форме полисемии или семантической эволюции (развитие значения) в разных языковых семьях, как видно в следующем списке:

- ПС и ПТ полисемия: солнце, день; земля, почва;
- ПТ полисемия — развитие значения в самодийских: солнце — день; земля — глина;
- развитие значения в тюркских — ПС полисемия: мягкий — теплый, земля — почва;
- развитие значения в тюркских и самодийских языках: земля — глина, земля — песок; сор, грязь — пепел;
- ПТМ и ПС полисемия: перо, крыло; шея, горло; мягкий, теплый; кожа, шкура;
- ПТМ полисемия — развитие значения в самодийских: человек — мужчина;
- развитие значения в тунгусских — ПС полисемия: кожа — шкура — кора, волосы — перо, хороший — красивый;
- развитие значения в тунгусских и самодийских языках: песок — галька.

На всех картах красным цветом обозначен самодийский ареал, синим — тюркский, желтым — тунгусский.

Небесные светила

солнце, день: праязыковая полисемия в самодийских и тюркских языках

В самодийских языках выявляются два корня с синхронной полисемией ‘солнце, день’. Исторически в одном корне, **jälä*, представлены рефлекссы праязыковой полисемии или синкретизма ‘солнце, свет, день’, во втором, **käjä*, восстанавливается развитие значения **‘солнце’ > ‘день’*.

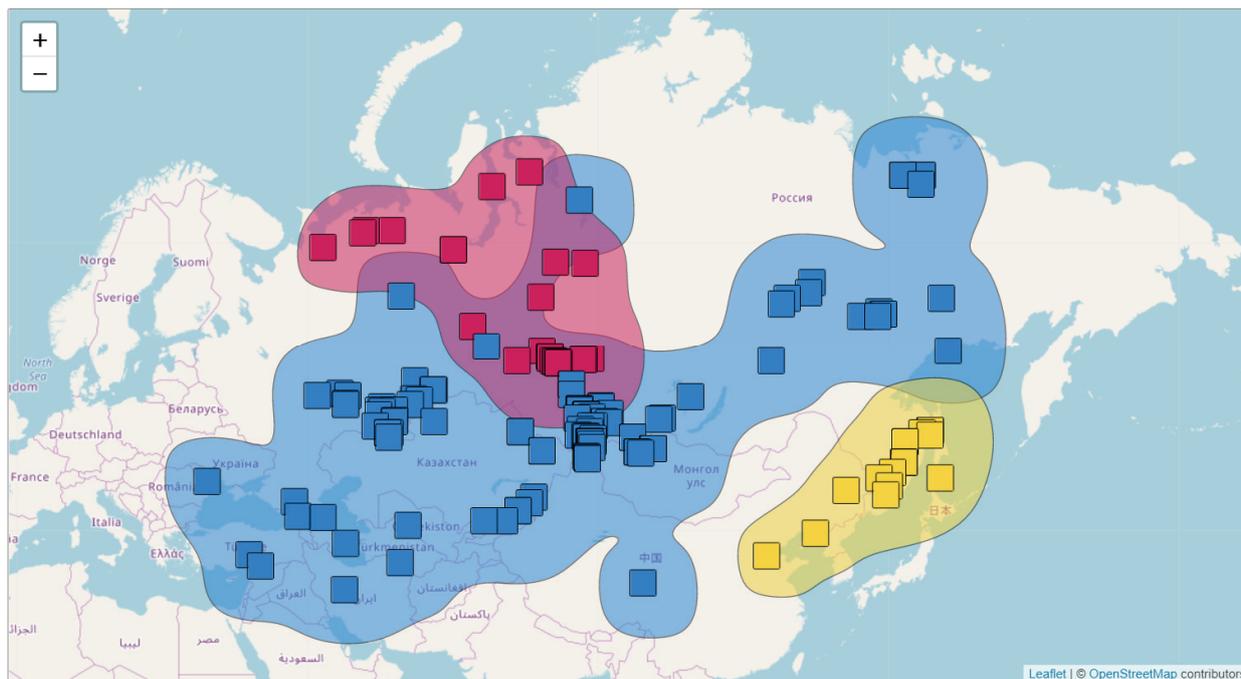
1) ПС **jälä* ‘свет, день, солнце’ (нен., сельк.) [Janhunen 1977: 40].

В словарях ненецкого и селькупского языков зафиксированы рефлекссы этой праформы с полисемией на синхронном уровне: **нен. Т.** *яля* ‘день, солнце, свет’ [Терещенко 1965: 838], **нен. Л.** *дяля* ‘день; свет, освещение; солнце’ [Бармич, Вэлло 2002: 35], **сельк.** таз. *cēli* ‘день; свет; солнце’ [Хелимский 2007: 24], об. Ш, кет., вас., тым. *тел, тēл*, кет. *телат, тēлат*, об. С, Ш, тым. *телд*, об. С *телде, тэлде*, об. С, кет. *телыт* ‘день; солнце’, об. Ш, кет. *телт, тēлт* ‘день, солнце, погода’ [Быконя и др. 2005: 235], об., вас. *чел*, ел. *чели*, тур. *чēлы* ‘день; солнце’, об. Ч, тым. *челд*, об. Ч *чēлдэ*, об. Ч, вас. *челт*, вас. *челыды, чельт* ‘день; свет; солнце’ [там же: 279], об. Ч *челы* ‘день; солнце; небо’ [там же: 280], нар. *тē'eld* ‘день, солнце, свет’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], верхнетолькин. *fēli* ‘солнце; день’ [Сл. верхнетолькин. диал. сельк. яз.].

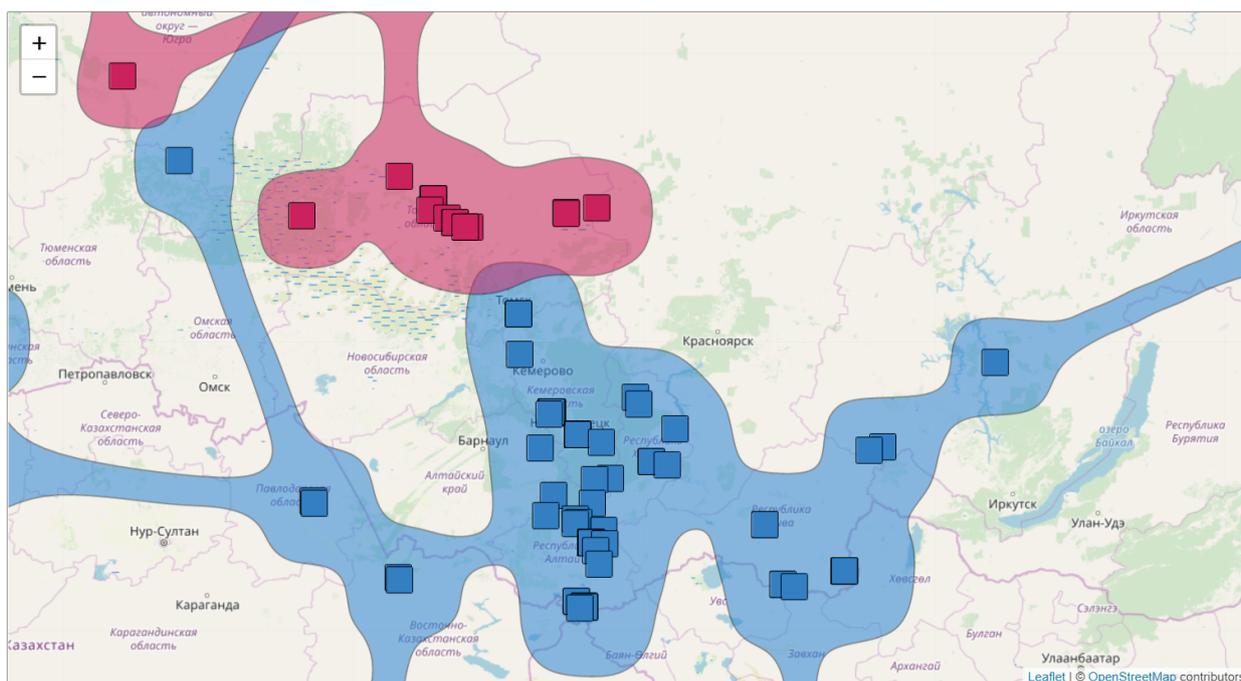
В статье [Диденко, Дубровская 2012] на основе словарных, архивных и полевых данных показано, что семантическая структура упомянутого селькупского слова представляет собой развитие «от самого широкого и общего представления — “когда на небе солнце = свет = день” — к расчленению и оппозиции выделенных частных значений» [Диденко, Дубровская 2012: 90]. Иными словами, перед нами синкретизм значений или широкое значение, в словарях отраженное как полисемия. Исходя из нен. Т. *яля*, нен. Л. *дяля* ‘день, солнце, свет’, можно утверждать, что синкретизм присутствует и в ненецком. В нганасанском языке у продолжения **jälä* зафиксирована другая полисемия, значение ‘солнце’ утрачено (реликтом этого значения может быть ‘круглая подвеска’), но присутствует ‘погода’: нган. *дялы* ‘день; погода; круглая подвеска, украшение’ [Костеркина и др. 2001: 54]. В энецком языке рефлекссы этой праформы имеют значение ‘день’, ‘свет’, ‘заря’, но не ‘солнце’: эн. тундр. *dere* ‘день’ [Хелимский Энецкий словарь], эн. лесн. *деру* ‘день; свет, освещение; рассвет, заря’ [Сорокина, Болина 2009: 97]. Таким образом, данные современных словарей подтверждают прасамодийскую реконструкцию значения, предложенную Ю. Янхуненом, ‘солнце’, ‘день’ и ‘свет’, так как все они встречаются в обеих ветвях самодийских языков, хотя и в разных сочетаниях.

Пратюркская полисемия устанавливается на основании синхронной полисемии ‘солнце, день, солнцепек’ в следующих языках: ПТ **gün(-el)* ‘солнце, день, солнцепек’ > як., долган. *kün*, тув., тоф. *xün*, хакас., шор. *kün*, нуйг. *kün*, халадж. *kin, kün*, тур., гаг. *gün, güneş*, аз. *gün, günäş*, туркм. *gün*, сал. *gü:n*, кузык. *gün, güneş*, кбалк. *kün*, тат. *kön, kün*, башк. *kön, könäs*, ног., казах., ккалп., кирг., алт. *kün* [Дыбо 2013: 488—489; ЭСТЯ 1980: 100—104].

Желтым цветом на карте обозначена синхронная полисемия, явившаяся результатом семантического перехода ‘день’ — ‘солнце’ в близкородственных тунгусо-маньчжурских языках: **чж.** *yīh-nēng-kih* ‘солнце, день’ [TMC 1: 319] < ПТМ **ine-ŋī* ‘день’ [EDAL: 586], **ма.** *шун* ‘солнце; день’ [TMC 2: 78] < ПТМ **sigūn* ‘солнце’ [EDAL: 1274]. В ульчском и нанайском языках у рефлексов этой праформы зафиксированы словосочетания со значением ‘полдень’: **ульч.** *сиу(н-) тоқоні*, **нан.** *сиӯ тоқоні* [TMC 2: 78] (*тоқоні* в обоих языках — ‘середина’ с показателем принадлежности 3 л.). К данному сопоставлению эти случаи тоже можно привлечь, так как семантика ‘полдень’ должна была возникнуть в результате образования словосочетания ‘день’ + ‘середина’, что свидетельствует о существовании значения ‘день’ у рефлексов **sigūn* в ульчском и нанайском языках, по крайней мере на этапе возникновения этих словосочетаний.

‘солнце, день’

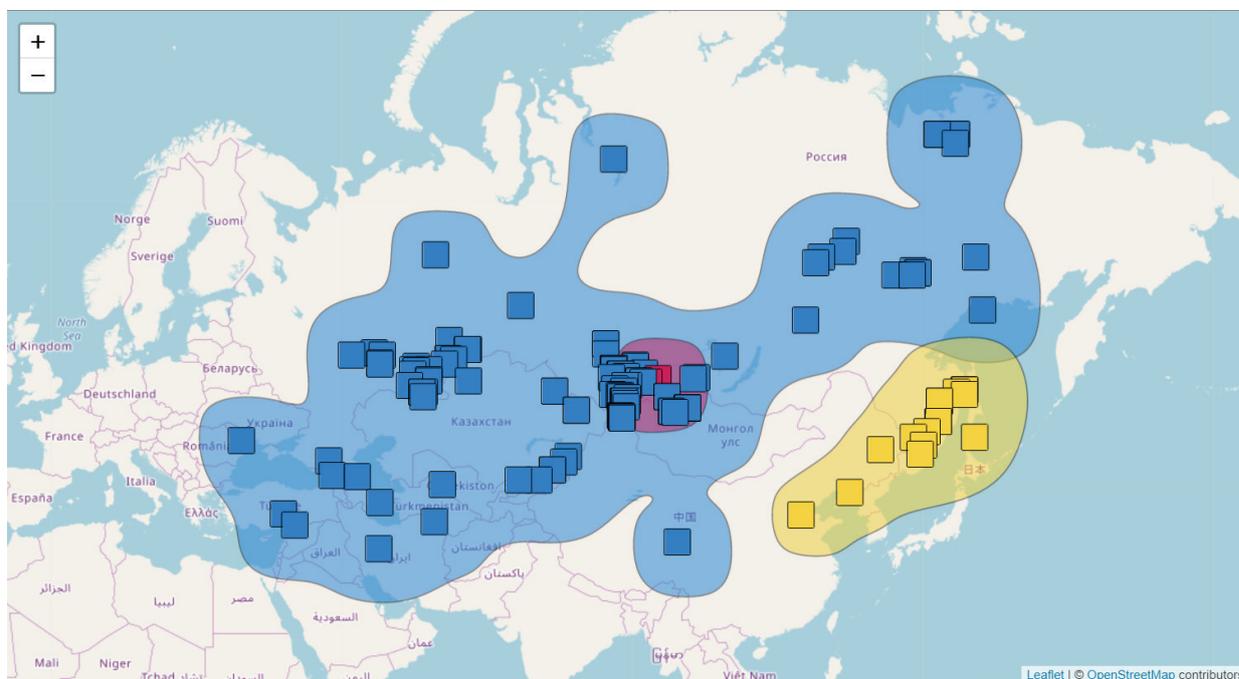
Маньчжурская полисемия ‘солнце, день’ обособленно располагается в Северо-Восточном Китае и на Дальнем Востоке. Область тюркской полисемии ‘солнце, день’ простирается от Румынии на западе до Якутии на Северо-Востоке и охватывает большую часть территории распространения тюркских языков. Самодийский ареал (красный цвет) показывает синхронную полисемию ‘солнце, день’, поэтому нганасанский и энецкий языки на ней не отображены. Этот ареал включает в себя тундровый и лесной ненецкие и селькупский языки и охватывает Ненецкий АО в Архангельской области, Ямало-Ненецкий АО, Томскую область и запад Красноярского края до р. Енисей.

Ареалы самодийской и тюркской полисемии пересекаются в зоне контактов носителей рассматриваемых языков — на севере Западной Сибири в Ямало-Ненецком АО (тундровый ненецкий и долганский). Ареалы примыкают, но не пересекаются в пределах Томской области и республики Хакасия, отделенные друг от друга Кемеровской областью, что видно при увеличенном масштабе карты (достоверный ареал обозначен населенными пунктами-квадратами, а не автоматически произведенной заливкой вокруг них).

Рассмотрим второй самодийский корень с полисемией ‘солнце, день’, явившейся результатом развития праязыкового значения ‘солнце’.

2. ПС **kajǎ* ‘солнце’ (эн., нен., камас., матор., тайг.) [Janhunen 1977: 58] > тайг. *хая*, матор. *chaja* ‘солнце, день’ [Helimski 1997: 260—261]. Маторский и тайгский — это самодийские языки Саянского нагорья, вымершие или вытесненные тюркскими языками еще в XIX в. и известные по архивным записям. Отмеченная область их распространения — это село Моторское в Каратузском районе Красноярского края для маторского языка [Helimski 1997: 16] и территория в Шушенском районе Красноярского края для тайгского [Клапрот тайг.].

Как видно на карте, компактный ареал маторского и тайгского языков поглощен обширным тюркским ареалом. Кроме того, он соседствует с описанным выше ареалом прасамодийской полисемии ‘солнце, день’ в селькупских говорах. Можно предположить изменение значения **kajǎ* ‘солнце’ под влиянием полисемии ‘солнце, день’ в контактных языках.

Семантический переход ‘солнце’ > ‘день’

Ландшафт: земля

В статье [Dubo 2013] рассмотрена ландшафтная лексика в праиндоевропейском и праалтайском лексиконах. Выделяются три основные семы, которые могут совмещаться в одном слове или быть противопоставленными: ‘земля как место’, ‘земля как почва’, ‘плохая земля’.

В праиндоевропейском прослеживается полисемия ‘земля как место’ — ‘земля как почва’ и реконструируется, предположительно, одна лексема, относящаяся к значению ‘плохая земля’ (**māk*(‘) ‘песчаная почва, болотистая местность’). В праалтайском другое распределение значений: с одной стороны, ‘земля как место’ и, с другой стороны, ‘земля как почва’ — ‘плохая земля’ [Dubo 2013: 72—73].

В пратюркском противопоставлены два значения — локализационное (‘земля-территория’) и вещественное ‘земля-почва’ [Дыбо 2013: 226—227]. «Очевидно, два выделенных нами выше предположительно “Сводешевских” значения выражались в пратюркском отдельными словами, это ПТ **jēr* ‘земля, поверхность земли, место’ <...> и ПТ **topra-k* ‘земля, почва’ <...>. Их внешние параллели дают сходный разброс значений» [там же: 233].

В прасамодийском языке восстанавливаются три корня с семантическим компонентом ‘земля’. Рассмотрим более детально их семантику.

1. Ландшафтные характеристики **māǰā* ‘земля, местность’: **нган.** *тои, тәи* ‘земля’, **сельк.** *тасі* ‘лес, тундра’, **камас.** *мија, тәје* ‘гора’, койб. *мија, мыя* ‘гора’, **матор.** *биā, бия* ‘гора’, аб. *биā* ‘гора’, тайг. *бие* ‘гора’, карагас. *биā, бие* ‘гора’ [Janhunen 1977: 85]. В нганасанском эта лексема является основным обозначением земли как места: **нган.** *моу* ‘земля; страна, край’ [Костеркина и др. 2001: 98], *мәу* ‘земля; трава, травяной покров; страна, местность’ [Хелимский Нганасанский словарь], а рефлекс ПС **jāā* претерпел семантическое изменение (см. ниже). Преобладает значение ‘гора’ — в камасинском и языках Саянского нагорья, ‘лес, тундра’ отмечено в селькупском. Отсутствуют вещественные значения ‘почва’, ‘глина’, ‘песок’. Возможно, прасамодийское значение здесь именно ‘местность’.

2. **tāpā* ‘грязь, земля, почва различных типов’ (широкое значение?): **эн.** *тобо* ‘глина’, *тобō* ‘песок’, юрак. *тава* ‘глина’, **нен. Т.** *таб, таḅ* ‘песок’, ‘черный мелкозернистый грунт’, **нен. Л.** *таp* ‘ил, сор, грязь’, *таp jēā* ‘голая земля’, **матор.** *тā* ‘пепел’, карагас. *таһа* ‘грязь’ [Janhunen 1977: 148], **нен.** *табь* ‘песок’, *сāедь табь* ‘глина (мелкий песок)’ [Дунин-Горкавич], *тань* ‘глина’ [Клапрот нен. пустозер.], *табе* ‘глина’ [Клапрот нен. обдор.], *таиа* ‘глина’ [Клапрот нен. юрак.], **нен. Л.** *тан* ‘слякоть’ [Бармич, Вэлло 2002: 125], **эн.** тундр. *тободо d’aa* ‘глинистая земля’ [Хелимский Энецкий словарь]. В этой лексеме совмещаются значения ‘земля как почва’ и ‘плохая земля’.

3. Рефлексы **jāā* ‘земля, место’ [Janhunen 1977: 36—37] в большинстве самодийских языков являются основным обозначением земли. Однако, вероятно, вещественное значение ‘почва, виды почвы’ тоже было заложено в праязыковой семантике, и можно предположить в этом случае праязыковой синкретизм ‘земля-место’ ~ ‘земля-почва’: **нган.** *јуа* ‘песок, пепел’, *d’ō* ‘порох, песок’, [Janhunen 1977: 36], *дюо* ‘песок, порох’ [Костеркина и др. 2001: 50], *дүү* ‘песок, порох’ [Хелимский Нганасанский словарь], *d’iio* ‘песок’ [Словарь вадеевского диалекта], *d’iio* ‘песок, порох’ [Словарь усть-авамского диалекта 2014], *d’iio* ‘песок’ [Словарь усть-авамского диалекта 1970-е], *dжуа* ‘песок’ [Клапрот тавг.], **эн.** *дья* ‘земля; песок, глина’ [Janhunen 1977: 36], лесн. *дя* ‘Земля (планета); сторона, страна; земля (почва); место, местность’ [Сорокина, Болина 2009: 126], *ја* ‘глина’ [Клапрот эн. турухан.], тундр. *даа* ‘земля’ [Хелимский Энецкий словарь], *джа* ‘песок’ [Клапрот эн. мангаз.], **нен. Т.** *я* ‘земля, суша, материк; земля, почва; место, местность, территория; страна’ [Терещенко 1965: 819—820], **нен. Л.** *дя* ‘земля (планета); берег (со стороны воды); почва, земля (рыхлое вещество); место, местность, территория; страна, государство; вселенная, космос’ [Бармич, Вэлло 2002: 33], **сельк.** таз. *си* ‘глина; почва’ [Хелимский 2007: 41], об. С, Ш *тj* ‘земля, глина’ [Быконя и др. 2001: 244], об. С, Ш, кет., вас. *тю* ‘земля, грязь, глина’ [там же: 252], об. Ч *чу, чют*, тым. *чү*, об. Ш, Ч, кет., вас., тым. *чю* ‘земля, глина, страна’ [там же: 287—291], нар. *тә’и* ‘земля, глина’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], кет. *фу* ‘песок на реке’ [Арбалдаев], **камас.** *фу, дү* ‘земля, страна, почва, вид почвы, глина, глинистый грунт’, *сāǰār дү* ‘чернозем’ [Kamassisches Wörterbuch: 16].

Наряду с ‘земля, место’ во всех языках присутствует значение ‘почва’ или ‘конкретные виды почвы’ — ‘глина’, ‘песок’. В нганасанском сохранились только рефлексы ‘песок’, ‘порох’, в то время как значение ‘земля; страна, край’ закрепилось за лексемой *моу* [Костеркина и др. 2001: 98] < **māǰā*.

Уточнения к семантической реконструкции трех прасамодийских лексем представлены в виде таблицы.

Мы рассмотрим ареалы распространения полисемии ‘земля-место’ ~ ‘земля-почва’ в самодийских и тюркских языках, а также семантические переходы, ‘земля, почва’ > ‘глина’, ‘земля, почва’ > ‘песок’ и ‘земля, грязь’ > ‘пепел’. В этих соотношениях участвуют прасамодийские корни **jāā* и **tāpā*.

	Нган.	Эн. Т	Эн. Л	Нен. Т	Нен. Л	Сельк.	Камас., койб.	Матор., тайг., карагас.
* <i>tāĵā</i>	земля, место; трава, травяной покров	—	—	—	—	лес, тундра	гора	гора
* <i>t'āpā</i>	—	глина, песок	—	песок, глина	ил, грязь, слякоть, голая (о земле)	—	—	пепел, грязь
* <i>jāĵā</i>	песок, пепел, порошок	земля; песок, глина	земля, местность; песок, глина	земля, местность; суша; почва	земля, местность; берег; почва	земля, глина, грязь, страна	местность, земля, состав почвы, глина, глинистый грунт	—

Земля (место), почва:

прасамодийский синкретизм и синхронная полисемия в тюркских⁴

В самодийских языках праязыковой синкретизм (земля как ‘место’ и как ‘почва’) сохраняют следующие рефлексy ПС **jāĵā* ‘земля, место, почва’: эн. *ďä* ‘земля; песок, глина’ [Janhunen 1977: 36], лесн. *ďä* ‘земля (планета); сторона, страна; земля (почва); место, местность’ [Сорокина, Болина 2009: 126], нен. Т. *я* ‘земля, суша, материк; земля, почва; место, местность, территория; страна’ [Терещенко 1965: 819—820], нен. Л. *ďä* ‘земля (планета); берег (со стороны воды); почва, земля (рыхлое вещество); место, местность, территория; страна, государство; вселенная, космос’ [Бармич, Вэлло 2002: 33], камас. *ġu, ġū* ‘местность, земля, состав почвы, глина, глинистый грунт’, *sāġār ġu* ‘чернозем’ [Kamassisches Wörterbuch: 16] (красный цвет на карте).

Пратюркская лексема **jēr* ‘земля, поверхность земли, место’, выступающая основным локализационным обозначением земли, демонстрирует также значение ‘почва’ в следующих современных языках: чуваш. *šär*, як. *sir*, хакас. *šir*, нуйг. *jär*, кбалк. *žer*, кирг. *žer*, теленг. *šer'*, тубалар. *d'er*, челкан. *šer*, куманд. *šer* [Дыбо 2013: 227—229], башк. *ep* (от информанта).⁵

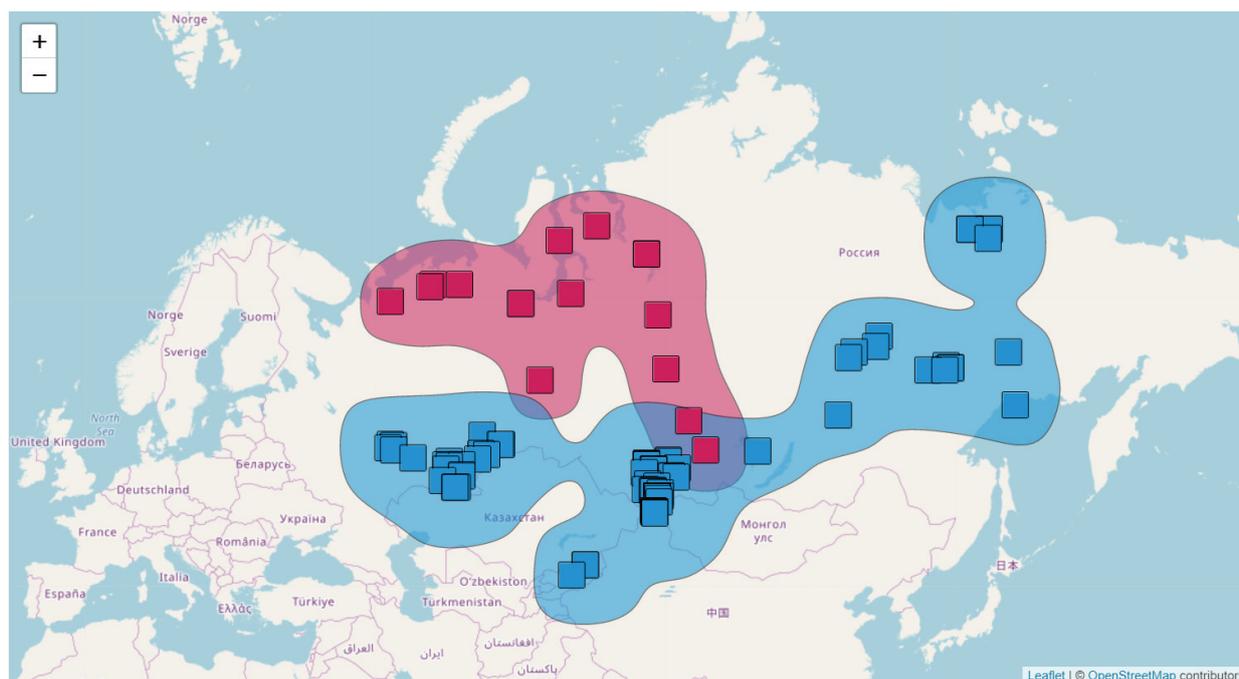
Необходима дальнейшая проверка употреблений рефлекса ПТ **jēr* во всех тюркских языках, чтобы выяснить возможность возведения семы ‘почва’ на пратюркский уровень, особенно учитывая присутствие этого синкретизма в двух самых отдаленных ветвях — чувашском и якутском языках. Пока мы придерживаемся реконструкции значения, принятой в работе [Дыбо 2013]: ПТ **jēr* ‘земля, поверхность земли, место’.

Значение ‘плохая земля’, реконструируемое в ПТ **bōr* ‘мел, плохая земля, глина’ преобразовалось в якутском *bior* ‘земля, почва, пыль’ [Дыбо 2013: 231], что скорее говорит о подзначениях ‘земля как почва’, а не о рассматриваемой полисемии. В полученных от информанта контекстах *bior* используется только в «вещественном» значении: *Он рыл яму и выбрасывал наружу землю — Кини дьаама хаһара уонна буорун таһыгар тамныыра.* (В значении ‘место’ и ‘территория’ используются другие слова: *Поставь ящик на землю — Дьааһыгы сиргэ уур; Я люблю свою родную землю — Мин төрөөбүт дөйдүбүн таптыбын.*)

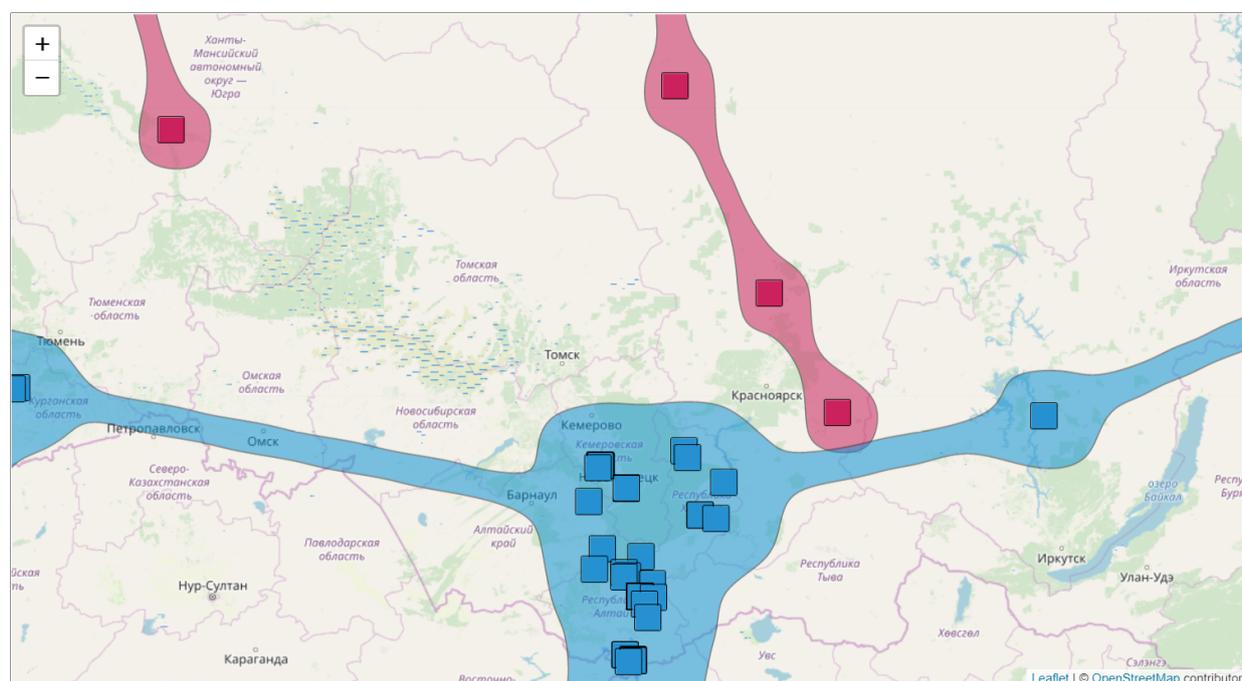
Ареал самодийской полисемии охватывает север Европы и Западной Сибири, тянется в Красноярский край по течению Енисея. Белое пятно просматривается на месте селькупских диалектов, где наблюдается переход ‘земля’ > ‘глина’ (см. соответствующую карту). Ареал тюркской полисемии занимает обширную территорию от севера Восточной Сибири в Якутии до Поволжья и примыкает к самодийскому на юге Красноярского края и Кемеровской области.

⁴ Синкретизм понимается в смысле «неразличение» [Зализняк 2004: 30]: «в таких случаях слово имеет одно значение, но просто это значение — более высокого уровня, на котором признак, различающий значения более низкого уровня, не релевантен».

⁵ Башк. *ep* может употребляться во всех трех диагностических контекстах: ‘почва’ *Он рыл яму и выбрасывал наружу землю — Ул сокор каззы, тупракты (ерзе) тышка ташланы* (рефлекс **jēr*, похоже, является в этом контексте дополнительным вариантом); ‘место’ *Поставь ящик на землю — Йәшиникте ергә куй*; ‘территория’ *Я люблю свою родную землю — Мин тыуган еремде яратамды.*

‘земля-место’, ‘земля-почва’

На карту не нанесены, но заслуживают отдельного упоминания случаи появления значения ‘территория’ у рефлексов ПТ **topra-k* ‘земля (почва)’. С одной стороны, это тексты официального стиля, возможно переводные: **кирг.** *Кыргызстан Республикасы топурагында* «на территории Кыргызской республики» [Дыбо 2013: 229—230], **тат.** *Татарстан тупрагында* — на территории Татарстана [Письм. корпус тат. яз.]. С другой стороны, рефлекс **topra-k* встречается в значении ‘родная земля’: название башкирской песни «Туган тупрак тарта» («Притягивает родная земля») [Башкирский поэтический корпус], тур. (от информанта): *Я люблю свою родную землю — Toprağımı seviyorum.*

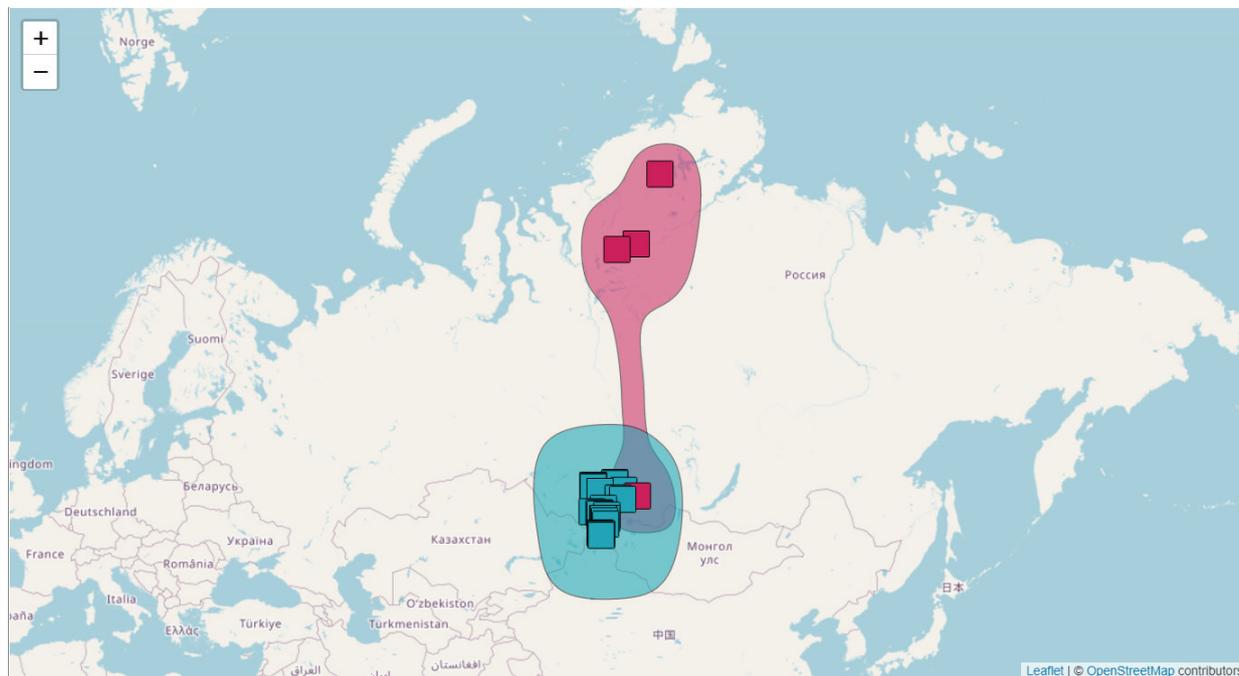
Земля, почва > пепел:**развитие значения в самодийских языках, похожая полисемия в тюркских**

Основная лексема со значением ‘зола, пепел’ в самодийских языках — ПС **kimä* ‘Asche’ [Janhunen 1977: 70]. На периферии самодийского ареала наблюдается семантический переход ‘земля’ > ‘пепел’, ‘порох’ в двух праязыковых лексемах: ПС **t'äpə* ‘грязь, почва различных типов’ [Janhunen 1977: 148] > **матор.** *mā* ‘пепел’ [Helimski 1997: 348] и ПС **jaä* ‘земля, место’ > **нган.** *jua* ‘песок, пепел’, *dō* ‘порох, песок’ [Janhunen 1977: 36], *djuo* ‘песок, порох’ [Костеркина и др. 2001: 50], *düä* ‘песок, порох’ [Хелимский Нганасанский словарь].

Необходимо отдельно прокомментировать привлечение маторского слова: в словаре оно объединяется в одну словарную статью *taha* ‘Schmutz, Asche’ с карагас. *taha* ‘грязь’ [Helimski 1997: 348]. Не имея возражений против объединения этих слов и значений в рамках единого маторо-тайгийско-карагасского языка, мы все-таки отметим на карте только маторскую лексему с интересующим нас значением, подобно тому как из всех диалектов селькупского языка в данной статье на карту наносятся только те, в которых есть фиксация рассматриваемой полисемии или семантического перехода. Такой подход позволяет исключить экстраполяцию со стороны автора, но, безусловно, не отражает во всей полноте реальное функционирование и распространение слов.

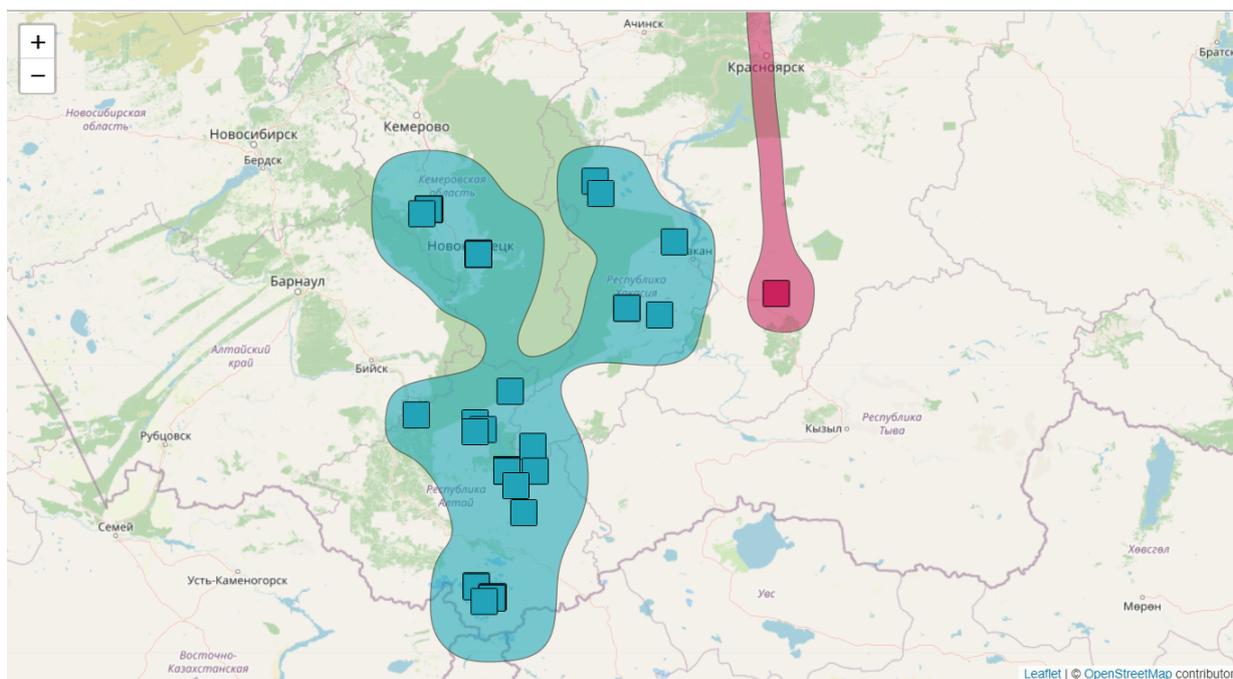
В тюркских языках не обнаруживается идентичный переход ‘земля’ > ‘пепел’, но есть похожая полисемия ‘пыль, грязь, пепел’. У пратюркского **Kök* фиксируются следующие значения в языках-потомках ‘пыль’ (др.-уйг., крх.-уйг., казах.), ‘грязь’ (як., тув., ног., кирг.), ‘пепел’ (хакас., пилтир., алт., телеут., тубалар.) [Дыбо 2013: 77], теленг. *qoχ* ‘пепел’ [Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, П. П. Андадикова)], *кок* ‘пепел’ [Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Б. Г. Дадьянова)], челкан. *кок* ‘пепел’ (от информанта)⁶.

На карту нанесены только языки, в которых этот корень имеет значение ‘пепел’.

Нганасанский с одной стороны и маторский язык с другой стороны (красный цвет на карте) образуют два не связанных друг с другом ареала: один на севере Сибири, в низовьях Енисея, и полуострове Таймыр, другой в Южной Сибири — Каратузский район на юге Красноярского края. Тюркский ареал, наоборот, компактно расположен в Южной Сибири, в республике Хакасия и Алтайском крае. Маторский и тюркский ареалы примыкают друг к другу, но не пересекаются; для маторского ожидалось бы пересечение с тувинским ареалом, но тув. *хоq* имеет значение ‘сор, мусор’ [Дыбо 2013: 77].

⁶ На месте костра остался пепел — Оттынг орында кокла арткан.

‘земля’ > ‘пепел’

Примечание: Нельзя исключить также, что к ПС корню **jað* относятся нен. Л. дя II ‘мука́’, нен. Т. я II ‘мука́’ [Терещенко 1965: 820]. Семантическая параллель ‘пыль’ > ‘мука’ наблюдается в диалектах русского языка: рус. *пыл* — брян. ‘пыль’, смол. ‘мука’, ‘пепел’, калуж. *пылка* ‘мука, размолотые хлебные зерна’ [СРНГ 33: 189—190]. Вероятно, ненецкие лексемы являются семантическими кальками с русских диалектных слов, так как хлеб и мука стали известны ненцам с приходом русских [Народы Сибири: 622], но возможно и независимое развитие. В энецком языке значение ‘мука’ возникает в результате сложения слов, являющихся рефлексам ПС **jað* и ПС **âmsa* ‘еда, мясо’ [Janhunen 1977: 15]: эн. тундр. *âuda* ‘мука’ [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *дяса* ‘мука’ [Сорокина, Болина 2009: 138].

Семантическим основанием для перехода ‘земля’ > ‘пепел’ является сухое состояние земли (пыль), соответствующее наименование переносится и на другие сыпучие вещества. Возможно также, что перед нами проявление широкого значения ‘сыпучее вещество’, производного от ‘земля’, и в таком случае в этом семантическом переходе в один ряд можно поставить ‘пепел’, ‘порох’, ‘мука’, ‘песок’. Однако, как видно из следующей карты, значение ‘песок’ занимает намного большую территорию, и этот контраст показывает, что развитие значения ‘земля’ > ‘пепел’, ‘порох’ занимает узкие ареалы, поэтому представляется целесообразным нанести эти переходы на отдельные карты.

Земля, почва > песок:

синхронная полисемия в долганском языке, семантический переход в самодийских

«Наши изыскания по объемам рефлексной многозначности в ландшафтной лексике показывают, что в принципе могут различаться “песок” как тип плохой, неплодородной почвы (рефлексная многозначность — “болото”, “солончак”, “глина” и под.) и “песок” как тип почвы на берегу водоема (рефлексная многозначность: “галька”, “мель” и под.)» [Дыбо 2013: 449]. Сейчас мы остановимся на упомянутом значении ‘песок как вид неплодородной почвы’: хотя для языков Северной Сибири может быть неактуальной оппозиция ‘плодородная’ vs. ‘неплодородная почва’, в данном случае важно, что имеется в виду некая разновидность грунта, а не ландшафтные характеристики.

В долганском языке наблюдается синхронная полисемия, связанная с изменением праязыкового значения ‘плохая земля’: ПТ **bōr* ‘мел, плохая земля, глина’ > долган. *buor* ‘земля, глина, песок’ [Дыбо 2013: 231].

Аналогичный случай, похоже, представлен в энецком и ненецком языках: ПС **t̪əp̪* ‘грязь, земля, почва различных типов’ > эн. *tob̪* ‘песок’, нен. Т. *таб̪*, *та̪* ‘песок’ [Janhunen 1977: 148], /təb̪/ [təb̪], [təp̪], [təp̪ʰ] ‘песок; песчаный’ [Словарь гыданского диалекта тундрового ненецкого языка], эн. лесн. *tob̪(u)* ‘песок’ [Словарь лесного диалекта энецкого языка], *тоб̪* ‘песок; песчаный’ [Сорокина, Болина 2009: 440], тундр. *tobo* ‘песок, почва, глина’ [Хелимский Энецкий словарь].

В нганасанском, энецком и кетском диалекте селькупского языка переход ‘земля’ > ‘песок’ отмечен у другого корня: ПС **jãð* ‘земля, место’ > **нган.** *jua* ‘песок, пепел’, *dõ* ‘порох, песок’, [Janhunen 1977: 36], *duo* ‘песок, порох’ [Костеркина и др. 2001: 50], *düä* ‘песок, порох’ [Хелимский Нганасанский словарь], *d'üo* ‘песок’ [Словарь вадеевского диалекта], *d'üo* ‘песок, порох’ [Словарь усть-авамского диалекта 2014], *d'üo* ‘песок’ [Словарь усть-авамского диалекта 1970-е], *djuä* ‘песок’ [Клапрот тавг.], **эн.** *дья* ‘земля; песок, глина’ [Janhunen 1977: 36], **эн. тундр.** *dja* ‘песок’ [Клапрот эн. мангаз.], **сельк.** кет. *ʃu* ‘песок на реке’ [Арбалдаев].

В самодийских языках есть и другое слово для обозначения песка — **jãðrã* ‘песок, песчаный берег’ [Janhunen 1977: 37] (это слово объединяет значения ‘песок как тип плохой почвы’ и ‘тип берега’). На прасамодийском уровне оно является суффиксальным производным от корня **jãð* ‘земля, место’, таким образом, с помощью морфологической деривации значение ‘песок’ образовано от ‘земля’. В словаре Ю. Янхунена к **jãðrã* возводятся следующие лексемы: **нган.** *jouru* ‘ochre’, **эн.** *jãra* ‘песок, пепел’, **нен.** **Т.** *яра* ‘песчаный’, *jãrrp* ‘высокое песчаное место’, **нен.** **Л.** *d'ëäl'л'p* ‘песок’, **сельк.** *čurj*, тым. *t'ür* (значение в словаре не указано), **камас.** *d'urp* ‘мелкие камешки на берегу озера, реки’, **матор.** *джяра* ‘коса на реке’.

Интересующее нас значение ‘песок’ зафиксировано в энецком, ненецком и селькупском языках, в то время как в камасинском и маторском просматривается значение ‘песчаный берег’, которое будет рассмотрено в следующей карте. К указанным рефлексам праформы **jãðrã* можно добавить данные из других словарей: **эн. тундр.** *d'aara* ‘песок’ [Хелимский Энецкий словарь], **эн. лесн.** *jãiri* ‘песок’ [Клапрот эн. турухан.], *дярэй* прил. ‘сухой, песчаный’ [Сорокина, Болина 2009: 137], **сельк.** кет. *ʃuri* ‘песок на реке’ [Будянская, Казакевич], **сельк.** карасинск. *tschür* [Клапрот сельк. карасин.], **камас.** *pfurjã* ‘песок’ [Клапрот камас.], **тайг.** *húra* ‘песок’ [Клапрот тайг.].

‘земля’ > ‘песок’

Переход ‘земля’ > ‘песок’ обнаруживается на всей территории распространения самодийских языков, от арктической Европы и Таймыра на севере до Саянского нагорья на юге. Долганский язык отображается в одной точке на карте в г. Дудинка на Енисее, где проживают и энцы. В долганском языке, возможно, такое изменение значения произошло под влиянием контактных самодийских или обусловлено экстралингвистическими географическими факторами.

Обозначенный на карте ареал охватывает очень большую разнородную территорию с разными видами почв: тундровые глеевые, напоминающие песок, на Таймыре и в арктической зоне Ямало-Ненецкого автономного округа, южнее подзолистые почвы, состоящие в основном из песка, и частично горная территория. Возраст почв в этом регионе до 9000 лет, а значит, изменений почв не происходило за все время пребывания на этой территории носителей рассматриваемых языков и реконструируемых праязыков. Центральная часть ареала располагается на территории подзолистых почв, в связи с чем изменение значения ‘земля’ > ‘песок’ представляется логичным.

Земля, почва > глина: полисемия в долганском, сохранение значения ‘глина’ в тувинском и хакасском; развитие значения в киргизском, крымско-татарском и самодийских языках

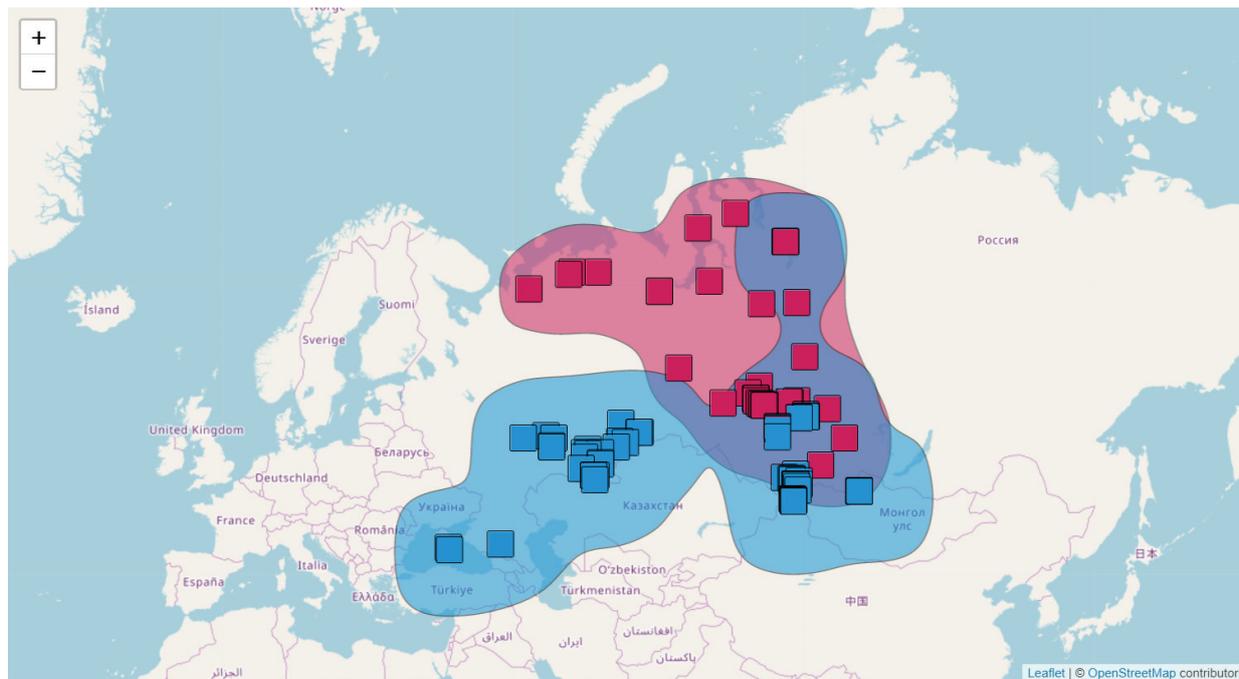
В самодийских языках семантический переход ‘земля’ > ‘глина’ наблюдается в двух корнях.

1. ПС **jāđ* ‘земля, место, почва’ [Janhunen 1977: 36—37] > ‘глина’: эн. тундр. *dja* ‘глина’ [Клапрот эн. мангаз.], лесн. *ja* ‘глина’ [Клапрот эн. турухан.], **камас.** *đi, ði* ‘страна, земля, почва, вид почвы, глина, глинистый грунт’ [Kamassisches Wörterbuch: 16], **тайг.** *джа* ‘земля, глина’ [Janhunen 1977: 37], *dcsha* ‘глина’ [Клапрот тайг.], **сельк.** таз. *си* ‘почва, глина’ [Хелимский 2007: 41], об. С, Ш *тү* ‘земля, глина’ [Быконя и др. 2001: 244], об. С, Ш, кет., вас. *тю* ‘земля, грязь, глина’ [Быконя и др. 2001: 252], об. Ч *чу, чют*, тым. *чү*, об. Ш, Ч, кет., вас., тым. *чю* ‘земля, глина, страна’ [Быконя и др. 2001: 287—291], томск. *tjuu* ‘земля, глина’ [Клапрот сельк. томск.], нар. *те’у* ‘земля, глина’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], об. *т’у*; *т’у:ла* ‘глина’, *’све:й т’у*: ‘глина, которой можно печки мазать (черная, илистая глина)’ — «эта земля, когда высохнет, становится твердая, крепкая, ссохшаяся» [Сл. тогур. гов. сельк. яз.].

2. ПС **t’ärä* ‘грязь, земля, почва различных типов’ (широкое значение?) > ‘глина’: эн. *tóbo* ‘глина’, юрацк. *táva* ‘глина’ [Janhunen 1977: 148], эн. тундр. *tobo* ‘песок, почва, глина’ [Хелимский Энецкий словарь], нен. *sáedđ tabđ* ‘глина (мелкий песок)’ при *tabđ* ‘песок’ [Дунин-Горкавич], *тань* ‘глина’ [Клапрот нен. пустозер.], *tábe* ‘глина’ [Клапрот нен. обдор.], *таиа* ‘глина’ [Клапрот нен. юрак.], ямал. *тáб* ‘глина’ (от информанта)⁷.

Привлекает внимание лексическое заимствование из тюркских языков в камасинском: *balgäsč* ‘глина’ [Клапрот камас.], *bałğāš, ßałğāš* ‘грязь, ил, нечистоты’ [Kamassisches Wörterbuch: 7]. Эта лексема восходит к ПТ **bał-čik, -gač* ‘грязь, глина’: теленг., челкан. *bałyaš*, тубалар. *balgač* ‘земля, почва’, чуваш. *pilžyk*, як. *biłik* ‘ил, полужидкая грязь’, тув. *bałyaš, małyaš*, тоф. *bálxaš*, хакас. *palyas, palčax* ‘жидкая грязь’, чулым. *pełyeč* ‘засохшая грязь’, крх.-уйг. *balčiq, bal(i)q*, чагат. *balčiq, palčiq*, узб. *belčiq*, нуйг. *bal-čiq*, халадж. *palčiq* (< аз.), тур. *balčik*, аз. *palčig*, туркм. *palčiq*, сал. *palčix*, кар. *balčiq*, кумык. *balčiq*, тат. *balčiq*, башк. *balsiq*, ног. *balšiq, balgaš*, алт. *balqaš* [Дыбо 2013: 231—232].

На синхронном уровне **bał-čik, -gač* имеет полисемию ‘земля, глина’ в ногайском, татарском, башкирском, алтайском, теленгитском, челканском и тубаларском [ЭСТЯ 2003: 109—110], а также чулымском, ср. *palváč* ‘земля, глина’ [Среднечулымский язык]. Значение ‘земля’ зафиксировано в башк. *балсык* [Говор д. Итеево (Носитель — Василя Нурихановна Габделхакова, 1930 г.р. Илишевский район, Башкортостан)], сиб.-тат. *балчык* ‘земля (soil)’ [Эуштинский диалект сибирско-татарского языка], шор. *палгаж* (от информанта)⁸.

‘земля’ — ‘глина’

⁷ Эта посуда из глины — Тюку тáбхáд сертавы хыдя.

⁸ Он рыл яму и выбрасывал наружу землю — Ол ораны казып, палгажын ташынга таштаган.

Из рефлексов **bał-čik, -gač* на карту нанесены только те, где есть сема ‘земля’ в составе полисемии или как единственное. В связи с этим представляет интерес появление значения ‘глина’ в других тюркских корнях с первичным значением ‘земля/почва’ (обратное направление развития значения): кирг. *topurak/monurak* ‘глина, земля; почва’, тув. кунгуртуг. *to(v)uraq^h* ‘глина’ [Кунгуртуг — *quasisymphonia*] < ПТ **topra-k* ‘земля, почва’ [Дыбо 2013: 230—231], в крым.-тат. *monpaxъ* ‘глина’ [Крымско-татарско-русский словарь 1902], в долганском языке наблюдается сохранение праязыковой полисемии: долган. *buor* ‘земля, глина, песок’ < ПТ **bōr* ‘мел, плохая земля, глина’ (также ‘глина’ в тув. *por*, хакас. *por*). В этом втором случае на карту нанесены те слова, в которых присутствует значение ‘глина’ в составе полисемии или отдельно.

Ареал самодийских языков, где наблюдается семантический переход ‘земля’ > ‘глина’ (красный цвет) охватывает север Европы, Западную и Южную Сибирь. Тюркские языки с совмещением значений ‘земля, глина’ или семантическим переходом ‘земля’ — ‘глина’ (синий цвет) группируются в два основных ареала — Европейская часть России (татарский и башкирский языки) и юг Западной Сибири — Томская, Кемеровская область, Красноярск, Хакасия, Алтайский край.

Наблюдается два пересечения самодийского и тюркского ареалов: 1) в Томской области на границе с Кемеровской областью (селькупский и сибирско-татарский язык), с Красноярским краем (селькупский и чулымский), 2) ненецкий и долганский язык на Енисее (Таймырский долгано-ненецкий район).

Самодийский ареал практически совпадает в границах с рассмотренным выше ареалом семантического перехода ‘земля’ > ‘песок’, за исключением нганасанского языка на полуострове Таймыр. Два тюркских ареала в Южной Сибири и Европейской части России располагаются на территории серых лесных почв и черноземов, их возраст от 9000 до 12000 лет, поэтому в обозримой истории значительных изменений в составе почв на этих территориях не предполагается. Именно для тюркских языков, вероятно, семантический переход и полисемия ‘земля’ > ‘глина’ обусловлен экстралингвистическими факторами, реальным качеством почвы (чернозем образуется на суглинках), а для самодийских можно предположить изменение значения, обусловленное контактами с тюрками, или синкретизм ‘земля, глина, песок’. Стоит отметить, что рефлексы ПС **jāđ* ‘земля, место, почва’, развившие значение ‘глина’, встречаются в селькупском, камасинском и тайгйском языках, плотно контактировавших с тюркскими языками, а из северных самодийских только в энецком; второй же прасамодийский корень **t'ārā* ‘грязь, земля, почва различных типов’ представляет синкретизм значений, и его рефлекссы со значением ‘глина’ в ненецком и энецком, возможно, являются актуализацией более широкого значения.

Песок > галька: семантический переход в камасинском языке, рефлексная полисемия в тюркских языках, праязыковая полисемия в севернотунгусских

Реконструкция значения прасамодийской лексемы **jāđrā* ‘песок, песчаный берег’ [Janhunen 1977: 37] проводится на основании семантики рефлекссов в нганасанском, энецком, ненецком и селькупском языках. Только в исчезнувшем в XX в. камасинском языке у рефлекса *d'urp* этой праформы засвидетельствовано значение ‘мелкие камешки на берегу озера, реки’ [Kamassisches Wörterbuch: 16], то есть можно говорить о семантическом переходе ‘песок’ > ‘галька’. Подобные переходы или полисемия наблюдаются в тюркских и севернотунгусских языках.

Эти слова входят в семантическое поле ландшафта, относятся к лексике, описывающей берега и русла рек. Как выяснилось в ходе исследования, в этой области значений направление семантического перехода может быть в обе стороны: ‘песок’ > ‘галька’ и ‘галька’ > ‘песок’.

В тюркских языках можно предположить направление перехода ‘галька’ > ‘песок’.

В пратюркском языке реконструируется лексема, обозначающая преимущественно каменистое русло реки: ПТ **saj-ir̄* ‘каменистая пустыня, каменистое русло реки’, ‘мелкое место, мелкий’. Значение ‘галька’ имеют рефлекссы этой лексемы хакас. *saj* ‘галька, мель’, шор. *saj* ‘галька’, алт. *saj* ‘галька, мель’, а значение ‘песок’ — рефлекссы чулым. *saj* и теленг. *saj* [Дыбо 2013: 450]. К этой же праформе, вероятно, восходит тув. нарын. *saj* ‘песок, галька’ [Сл. нарын. диал. тув. яз.], тув. эрзин., кунгуртуг. *saj* ‘галька’ [Шеймович и др.; Пчелинцев, Дыбо], челкан. (от информанта) *caj* ‘галька’⁹.

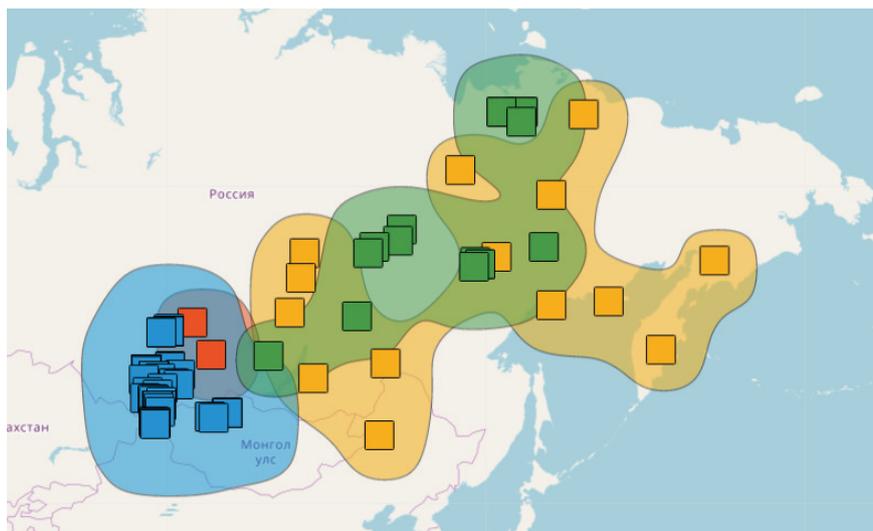
Этот же праалтайский корень представлен в ПТунг **saj* ‘песок’, но у его рефлекссов нет перехода значения в ‘галька’ [EDAL: 1200—1201].

В тунгусских языках в рассматриваемой области значений выявляется праязыковая и синхронная полисемия или синкретизм. У ПТМ **(x)inā* реконструируется праязыковая семантика ‘песок или галька на берегу реки, песчаный берег, коса’ [Дыбо 2013: 74]. Значение ‘песок’ отмечено в эвенкийском, эвенском

⁹ На этом берегу песок, а на том берегу галька (камешки) — По *јаратта кувак, а ол јаратта сай ла тажыцактыр*.

и маньчжурском, а значение ‘галька’ локализовано только в севернотунгусских языках: эвенкийском, солонском, негидальском и ороческом [ТМС 1: 320—321]: **эвенк.** Брг *иңāран* ‘галька, камень (мелкий)’, *иңарагда* ~ *иңаригда* Е, Нак, Тнг ‘песок (крупный)’, ‘галька (на берегу)’, **сол.** *иңā* ‘камень (мелкий)’, **эвен.** *иңа* Ол, Алл, Б, М, Ох, П, Ск, Т ‘песок (крупный)’, ‘галька’, **нег.** *иңā* ‘галька (на берегу реки)’, **ороч.** *иңо* ‘галька’. На карту нанесены только эвенкийский и эвенский, где присутствует полисемия ‘песок, галька’.

Отдельно нанесена на карту синхронная полисемия в контактных тюркских языках (зеленый цвет на карте): **як.** *сaj* ‘отмель, крупный песок, галька’ «должно быть заимствованием, возможно, из какого-то южносибирско-тюркского языка» [Дыбо 2013: 449]. О развитии значения в этом случае говорить трудно, но для общей картины важно присутствие данной полисемии на территории Сибири.

‘песок’ — ‘галька’

Самодийский ареал (красный цвет) представлен исчезнувшим камасинским языком и локализуется в Красноярском крае. Здесь произошел исторический семантический переход ‘песок’ > ‘галька’. Тюркские языки, где представлена рефлексная полисемия ‘песок, галька’ (синий цвет), компактно расположены в Южной Сибири: юго-запад Томской области, юго-восток Красноярского края, Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тыва. В севернотунгусских языках праязыковая полисемия ‘песок, галька’ зафиксирована в эвенкийском и эвенском языках и охватывает два ареала: на юге Восточной Сибири, с одной стороны (Эвенкийский Автономный округ, Иркутская область, Бурятия, Амурская область и север Китая), и, с другой стороны, на Севере Восточной Сибири и Дальнем Востоке (Якутия, Магаданская область, Хабаровский край, Камчатский край). Зеленым цветом отмечена синхронная полисемия неясного происхождения в якутском языке, соединяющая тунгусские ареалы.

Ввиду отсутствия перехода ‘песок’ — ‘галька’ в других самодийских языках помимо камасинского можно предположить, что она появилась под влиянием полисемии и аналогичных переходов в контактных языках.

Животный и растительный мир

‘кожа’, ‘шкура’: праязыковая полисемия (возможно, синкретизм) в тунгусских и тюркских языках; праязыковая полисемия в селькупском и камасинском, утрата компонента полисемии в энецком

Для прасамодийского языка реконструируется лексема **korā* ‘кожа, кора’ [Janhunen 1977: 73]. В силу того, что в данном словаре не указаны значения приведенных лексем, а эти материалы архивные и труднодоступные, неизвестно, на каком основании реконструирована именно такая полисемия. Если руководствоваться современными словарями самодийских языков (материал см. ниже), то на праязыковом уровне надежно реконструируются значения ‘кожа’ (нган., сельк., камас.), ‘шкура’ (нган., эн., нен., сельк., камас.) и ‘кора’ (эн. лесн., сельк.), также последнее значение в тундровом ненецком языке и лесном диалекте энецкого языка передается через сочетания *ня’ хоба* [Терещенко 1965: 766], *ня коба* [Сорокина, Болина 2009: 177] (метафорическое ‘шкура дерева’?). Возможно, у этой праформы следует реконструировать широкое значение ‘оболочка чего-л.’, как в селькупских диалектах.

Рассмотрим подробнее значения всех известных лексем, возводимых к этой праформе. Начнем с селькупского, так как в этом языке представлен самый широкий набор значений: сельк. таз. *qorj* ‘шкура, кожа; кожура, корка; оболочка’ [Хелимский 2007: 274], об., кет. *qoby*, об., вас. *qobe*, ‘кожа, шкура, кора’ [Быконя и др. 2005: 85], об., тым. *qon*, кет. *qonnэ*, тур. *qony*, ел. *qonyг*, кет., вас., ел. *qonэ* ‘кожа’, ‘шкура’, ‘кора’, ‘корка’, ‘коробка’ [Быконя и др. 2005: 91], об. *kob*, *kobi*, *kobe* ‘кожа’, ‘мех’, ‘пушнина’, ‘кора дерева’, причем ‘кожа’ и в значении ‘кожа человека’, и в значении ‘выделанная шкура животного’: «кожа его лица», «два дня мнут кожу»; *kobe megu* «кожу выделать» [Быконя и др. 2005: 44]; нар. *kэb* ‘кожа, шкура’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], нча. *kопь* ‘шкура / кожа / кожа животного / шелуха зерна’ [Григоровский 2007: 124]. Это существительное, по мнению исследователей селькупского языка, «обозначает оболочку, обтягивающую, покрывающую что-либо снаружи» [Дубровская 2010: 86].

В энецком языке похожий разброс значений: эн. лесн. *koba* ‘шкура’, ‘мех’, ‘кожа’, ‘кора’, ‘кожура чего-л.’, ‘корка’, ‘верхний слой чего-л.’, *ня koba* ‘кора дерева’ [Сорокина, Болина 2009: 177], эн. тундр. *koba* ‘шкура, кожица’: *d’aa koba* ‘дерн’ *aja kuba* (= *aja sera*) ‘кожа’, *kobaa* ‘кожица рыбы, рыба кожица, кожа’ (хотя не совсем понятно, почему именно рыба кожа, т. к. на это слово приведены контексты *идан’i kobaa* ‘кожа на руке’, *ajuna? kobaa?* ‘наша кожа’, *ajad kubaa* ‘кожа на теле’, а значение ‘рыба кожа’ появляется в сочетании *kare kubaa*) [Хелимский Энецкий словарь], также значение ‘кожа’ передается через словосочетания эн. тундр. *aja(?) kobaa* ‘кожа (кожный покров)’ [Хелимский Энецкий словарь], эн. лесн. *ая kобай* ‘кожа’ [Сорокина, Болина 2009: 48] при *ая* ‘тело’ [Сорокина, Болина 2009: 48].

В ненецком языке есть рефлекс **kopa* с номинально широким спектром значений, но значение ‘кожа’ не встречается, а значение ‘кора’ и другие метафорические переносы все-таки передаются через сочетания слов: нен. *хобя* ‘шкура, шкурка (животного)’, ‘поверхность’: *ня’ хоба* ‘кора дерева’, *я’ хоба* ‘земная кора’, *нянь’ хоба* ‘корка хлеба’, б.-з. миф. *нув’ хоба* ‘нижний небесный покров (через отверстия в котором, по представлениям ненцев, просвечивает в виде звезд верхний золотой свод)’ [Терещенко 1965: 766] (подробнее в разделе ‘кора’).

В нганасанском языке зафиксированы значения ‘шкура’, ‘мех’ (производное от предыдущего?), ‘кожа’: нган. *куху* [кубу”, куба”]; -жy] ‘шкура; мех’, *кухуо* [-”]; -жy] ‘мездра’, ‘кожа (человека)’ [Костеркина и др. 2001: 76], *куху* ‘шкура (кожа с мехом)’, *кухуэ* ‘кожа’ [Хелимский Нганасанский словарь]. В камассинском засвидетельствована полисемия ‘кожа, шкура’: камас. *kuba* [Kamassisches Wörterbuch: 33].

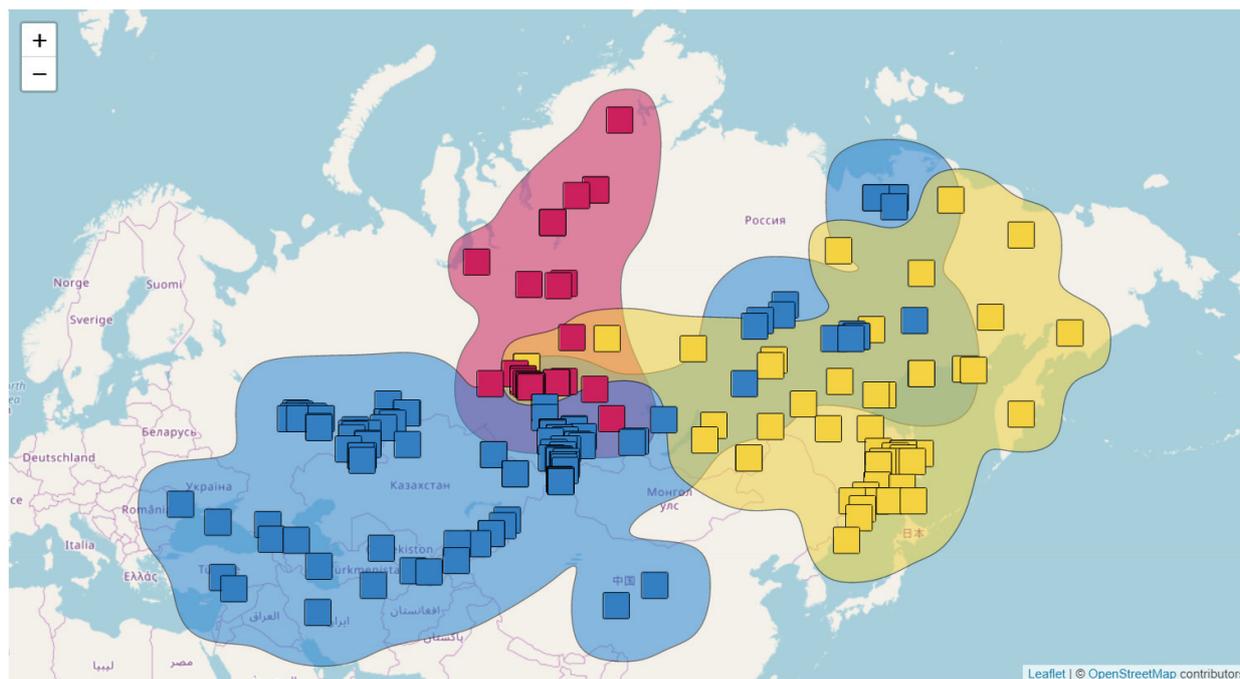
В тюркских и тунгусских языках тоже отмечена полисемия или синкретизм ‘кожа’, ‘шкура’ на праязыковом и синхронном уровне: ПТ **teri* / **deri* ‘кожа, шкура’ тур., гаг. *deri*, аз. *däri*, туркм. *deri*, сал. *t’irэ*, *t’ir’*, кар., кбалк., кум. *teri*, тат. *tirэ*, тат. диал. *täri*, башк. *tirэ*, ног., ккалп., казах. *terі*, кирг. *teri*, алт. *tere*, алт. диал. (кум., тубалар.) *tere*, узб., уйг. *teri*, сюг. *tere*, *ter*, хакас. *te:r*, тоф. *tere*, як. *tiri*., *tirie*, чув. *tir* [ЭСТЯ 1980: 207—208; Дыбо 2013: 470—471; СИГТЯ 2001: 383], а также шор. *тепе* (от информанта)¹⁰.

ПТунг **nansa* [EDAL: 962—963] ‘кожа’, ‘шкура’ (реконструкция праязыкового значения на основании эвенк., сол., эвен., нег., ороч., уд., ульч., орок., нан.) [ТМС 1: 583—584]: **эвенк.** *нанна* П-Т, Брг, Е, З, Н, Сх, Тк, Урм, Чмк, *нанда* Н, М, Нрч, С, С-Б, Тт, Учр, Члм, *нандра* С, *нанн’а*, *нанра* Чмк, *нарна* А, З, М, Олкм, Тнг, Тт, Чмк, *н’анн’а* Кч ‘шкура, кожа (животного)’, **сол.** *нанда* (*нанна* ‘шкура, кожа’ (восточное и южное наречие, северное представлено только ербогаченским диалектом), **эвен.** *нанрб* Ол, П (*нандб* Алл, М, Т, *нандо* Ск, *нанна* Ох, *наннб* Б, *н’ен’чи* Арм, *нанд’а* К-О) ‘шкура’, ‘мех, шкурка’, ‘кожа’, **нег.** *нана* ‘шкура’, ‘кожа (человека, животного)’, **ороч.** *наса* (*наһа*, *ниһа*) ‘шкура (вообще)’, ‘шкура лося (выделанная, без шерсти)’, ‘кожа’, **уд.** *не^hэ*, *не^hа* ‘шкура, кожа’, **ульч.** *нанта* ‘шкура, кожа’, **орок.** *ната* ~ *натта* ‘шкура’, ‘шкурка’, ‘кожа’, **нан.** *нанта* (диал. *нана*, *наса*) ‘шкура, кожа’ [ТМС 1: 583—584].

Таким образом, на следующую карту накладываются языки, в которых возможно совмещение или неразличение значений ‘кожа (человека)’, ‘выделанная шкура (животного)’, ‘шкура (животного)’. В силу многозначности русского слова *кожа*, используемого в словарных дефинициях, без контекстов или уточняющих слов бывает невозможно различить первые два значения, но тем не менее мы приводим здесь все слова, для которых даны толкования ‘кожа, шкура’.

Самодийский ареал (красный цвет) простирается с севера на юг от полуострова Таймыр до Красноярска и Томской области. Тюркский ареал (синий цвет) тянется от Передней Азии на юго-западе до севера Якутии и покрывает всю территорию распространения тюркских языков. Тунгусский ареал (желтый цвет) также занимает всю площадь распространения тунгусских языков, от Камчатки на Дальнем Востоке до Томской области в Западной Сибири. Самодийский и тунгусский ареалы пересекаются на территории Красноярского края и Томской области. Таким образом, полисемия или синкретизм ‘кожа, шкура’ выглядит как общевразийская полисемия, не привязанная к какому-то конкретному ареалу.

¹⁰ ‘кожа’: У меня порез на коже — Мен теремни кезибискем, ‘шкура’: У медведя (овцы) теплая шкура — Апишыктың терези чылыг, ‘выделанная шкура’: Там сушатся шкуры — Анда эстеткен терелер (пышқактар) қурча.

‘кожа, шкура’

Кожа, шкура > кора: развитие значения в самодийских и эвенкийском или актуализация широкого значения

В статье [Gast, Kortjevskaja-Tamm 2018] описаны два макрокластера с коллексификацией ‘кожа, кора’: 1) в Южной Америке (14 языков из 11 семей) и 2) в Меланезии (7 языков из 2 семей). Оказалось, что Сибирь тоже образует ареал подобной полисемии.

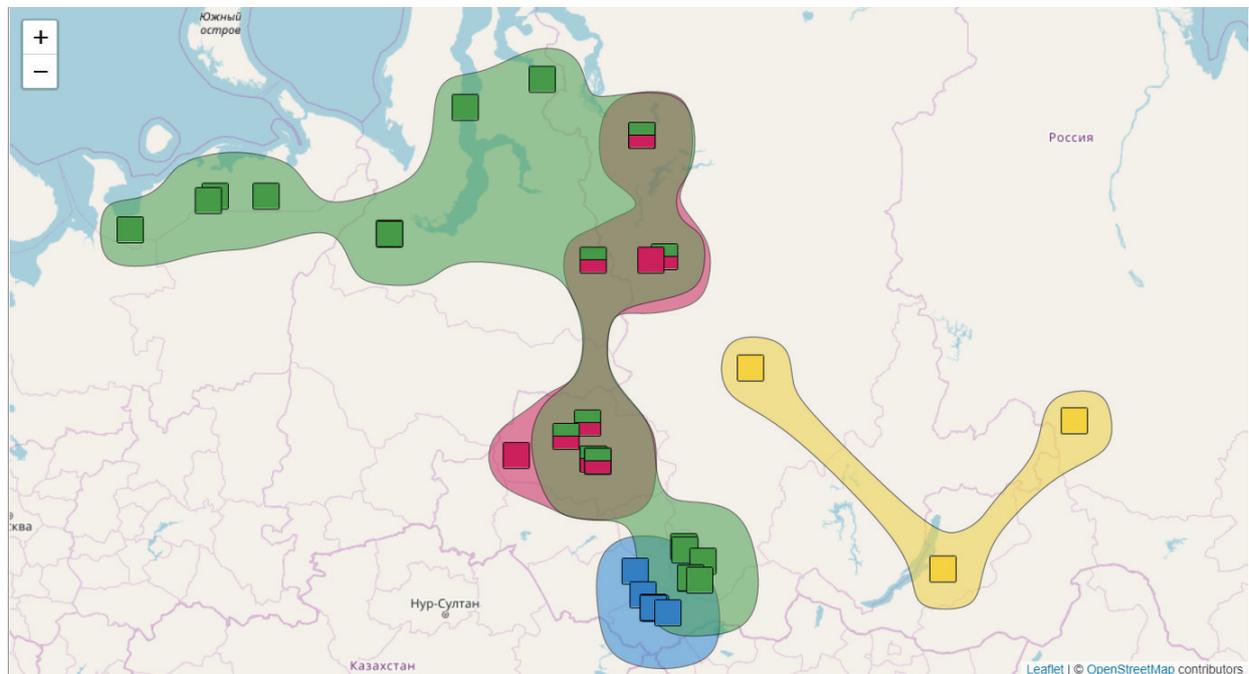
А. В. Дыбо отмечает следующую особенность обозначения коры в тюркских языках этого региона: «В языках южной Сибири мы столкнулись (...) с таким явлением: употребительными (в силу хозяйственной важности) являются лишь названия коры конкретных деревьев: березовой (бересты) и лиственничной; как общее название для коры функционирует то же слово, что называет кожу человека и животного (**ayac tere-si*), причем информанты склоняются к тому, что такое выражение скорее употребительно как научный (ботанический) термин, а не как бытовое название. Кроме того, встречается существенное противопоставление “кора на дереве” vs. “кора как технологический материал” = “кора, содранная с дерева” (“корье”), аналогично противопоставлению “дерево” vs. “древесина» [Дыбо 2013: 90].

Таким образом, в тюркских языках отмечен семантический переход или актуализация широкого значения от ПТ **teri* ‘кожа, шкура’ к ‘кора’ в куманд., тубалар. *tere*, хакас. *agac tireze*, буквально ‘шкура дерева’ (употребление с уточняющим словом) [Дыбо 2013: 98, 470—471], челкан. *tere* (от информанта)¹¹.

В самодийских языках отдельное слово существует для обозначения бересты (ПС **taj* [Janhunen 1977: 145—146] < ПУ **tojV* ‘береста’ [UEW: 528]), обычное же обозначение коры передается рефлексам ПС **käsä* ‘кора (древесная)’ [Janhunen 1977: 65]. Но появляется это значение и в словах, восходящих к ПС **korä* ‘кожа, шкура’: сельк. об., кет., вас. *коб, коби, кобэ, қобы* ‘кожа, шкура, кора’, об., тым. *қоп*, кет. *қоппэ*, тур. *қоны*, ел. *қоныг*, кет., вас., ел. *қопэ* [Быконя и др. 2005: 85, 91], об. *коб, коби, кобе* ‘кожа’, ‘мех’, ‘пушнина’, ‘кора дерева’ [Быконя и др. 2005: 44], таз. *қоны* ‘шкура животного, кожа (человека), кора, кожура’ [Казакевич, Будянская 2010: 58]. Также значение ‘кора’ передается сочетаниями рефлекса **korä* и слова, обозначающего дерево или вид дерева, как в тюркских языках: сельк. таз. *pöt qorj* ‘кора дерева’, *peṭ qorj* ‘кора тальника’, *qā qorj* ‘береста’ [Хелимский 2007: 274], об., тым. *подқоп, подқоп* ‘кора (дерева)’ [Быконя и др. 2005: 190], нен. Т. *ня’ хоба* [Терещенко 1965: 766], эн. лесн. *ня коба* [Сорокина, Болина 2009: 177]. В лесном диалекте энецкого языка зафиксировано значение ‘кора’ и у самого слова *коба* вне сочетаний, в ямальском диалекте ненецкого языка тоже возможно употребление *хоба* ‘кора’ в контексте *У этого дерева твердая / темная кора* (от информанта).

¹¹ *У этого дерева твердая / темная кора* — По агаштын терези кадуг / терези карамдык.

В тунгусских языках рассматриваемый семантический переход не получил широкого распространения и отмечен только в трех диалектах эвенкийского языка: ПТМ **xerekte* ‘кожа’, (эвен., нег., ороч., ульч., орок., нан.) > эвенк. (П-Т, Брг, Тк) *эрэктэ* ‘кора (древесная)’ [ТМС 2: 467]. Есть отдельное обозначение бересты: ПТМ **kibē* ‘birch bark’ [EDAL: 676; ТМС 1: 420].

кожа, шкура > кора

Самодийский ареал совмещения значений ‘кожа’ и ‘кора’ (красный цвет) имеет два центра: в Томской области на юге и по течению Енисея на севере. Тюркский ареал (синий цвет) компактно расположен на Алтае. Сосредоточены с этими ареалами языки (зеленый цвет), в которых значение ‘кора древесная’ передается через сочетание ‘шкура/кожа дерева’ (хакасский в Республике Хакасия, тазовский, тымский и обские говоры селькупского языка, лесной диалект энецкого языка и тундровый ненецкий язык в Ямало-Ненецком Автономном округе). Несмотря на то что добавление уточняющего слова в тюркских языках может быть факультативным (похоже, как и в селькупском), представляется целесообразным отдельно обозначить область, где разные языки, родственные и неродственные, используют аналогичное словосочетание для передачи значения ‘кора’. Как видно по размерам зеленого ареала, передача этого значения через словосочетание встречается на большей территории, чем появление этого значения у ‘кожа’. Тунгусский ареал (желтый цвет) образован тремя разрозненными точками в Красноярском крае, Бурятии и на юге Якутии и выглядит изолированно по сравнению с тюркско-самодийским ареалом, но, с другой стороны, это три эвенкийских диалекта южного наречия, достаточно близких территориально к центру распространения рассматриваемого семантического перехода по сравнению с другими тунгусо-маньчжурскими языками и диалектами.

Волосы, шерсть, перо: праязыковая полисемия или синкретизм в самодийских и тунгусских языках, семантический переход в тюркских

В статье [Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018] описаны четыре ареала колексификации ‘волосы, перо’: 1) в Мезоамерике, 2) в Южной Америке, 3) в Центральной Африке, 4) в Юго-Восточной Азии и Папуа-Новой Гвинее [там же: 58]. Еще одним большим ареалом совмещения этих значений является вся Сибирь. Как оказалось, в самодийских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках существуют разные корни для обозначения покровного пера птицы (ПС **tār*, ПТ **tük*, ПТМ **xin-ŋa*) и махового пера (ПС **tuāj*, рефлекс ПТ **Kājnat*, ПТМ **dekete*-). В первом случае значение ‘перо’ может являться реализацией широкого значения ‘волосистой покров животного или птицы’ и совмещаться с ‘волосы, шерсть’, а во втором — объединяться с ‘крыло’. Этим двум группам лексем посвящены отдельные карты.

Руководствуясь архивными данными, Ю. Янхунен реконструировал для прасамодийского уровня лексему **tār* с основным значением ‘волосы (на теле)’, также ‘перо’ по данным нганасанского, ненецкого

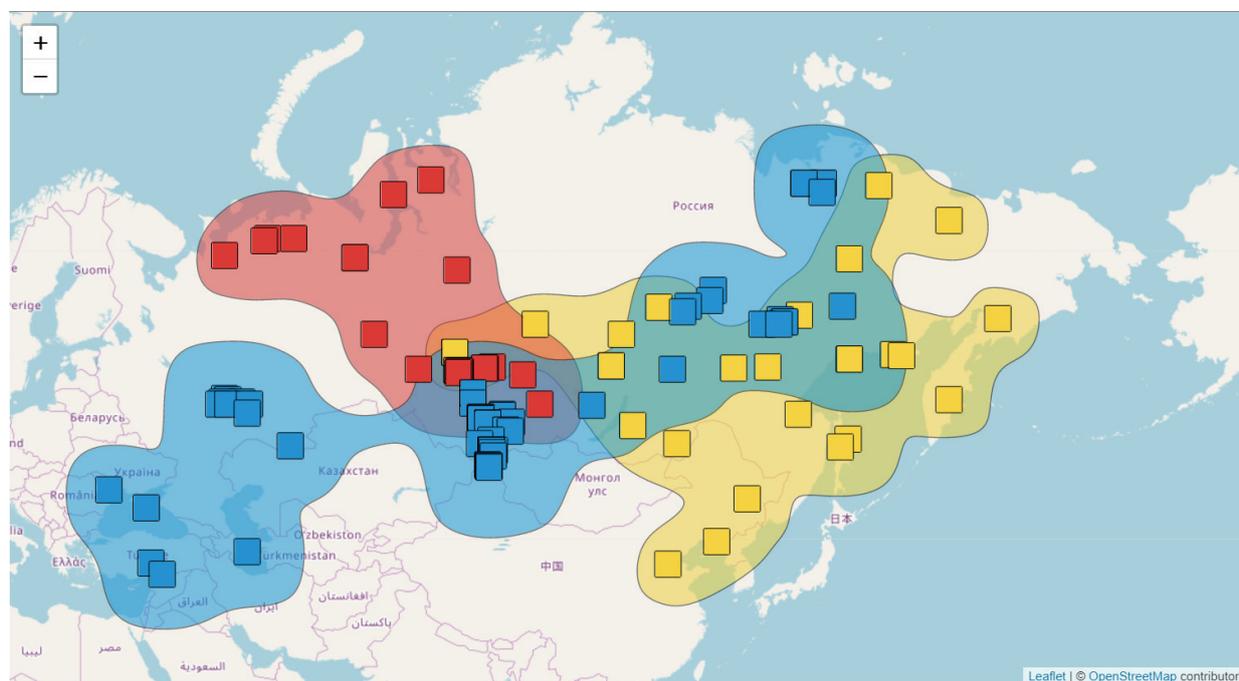
го, селькупского и камасинского языков [Janhunen 1977: 149]: **нган.** *tar'*, *tar*, **нен.** **Т.** *map''*, **нен.** **Л** *tar'*, **сельк.** *tar*. В современных словарях полисемия 'волосы / шерсть, перо' обнаружена в ненецком, селькупском и камасинском языках. Рассмотрим все рефлексy **târ*, где встречается значение 'перо'.

нен. Т. *măp''* 'шерсть, мелкое перо птицы' [Терещенко 1965: 638], **нен. Л.** *mał* 'шерсть; мелкое перо птицы; мех; ворс' [Бармич, Вэлло 2002: 121], **камас.** *t'âr*, [*ǰâr*], *t'p'r*, *t'v'r* 'волосы (редко у людей); перо; ворс' [Kamassisches Wörterbuch: 71], **сельк.** таз. *tar* (*tari-*) 'шерсть, мех; волосы (не на голове у человека); оперение, пух' [Хелимский 2007: 351], об., кет., вас. **таp** ~ **таpe** 'шерсть; мех; перо', кет. *таppэла* мн. ч. 'перья' [Быконя и др. 2005: 231], нча. *таpь* 'шерсть/волос/перо' [Григоровский 2007: 210].

Для корня *таp* значение 'перо', как отмечает Ю. Коряков, «видимо, вторично, но в некоторых диалектах этот корень стал основным для этого значения, т. к. первый корень (имеется в виду корень *ту*, см. следующую карту. — *И. Ф.*) стал значить только 'крыло'» [Коряков 2018: 193].

В тюркских языках восстанавливается семантический переход 'волос' > 'перо': ПТ **tük* 'волос на теле' (> 'шерсть', 'перо' и пр.): чуваш. *täk* 'перья; волосы на теле человека', як. *tū* 'пух, перья у птиц; шерсть, мех у животных; волосы, пушок у человека; ворс у растений', хакас. *tük* 'волосы, шерсть, перья', тур. *tüj* 'волос, шерсть, пух, перья', гаг. *tij* 'перо, пух, шерсть, волосок', аз. *tüg* 'волос, шерсть, перо, пух', кар. *tik* 'перо', кбалк. *tük* 'волосы, шерсть, перья', тат. *tök* 'шерсть, волосы на теле, мелкие перья', алт. *tük* 'волосы на теле, шерсть, мелкие перья', диал. челкан. *tük* 'перья, пух; волосы на теле, шерсть'. «Первоначальное значение, видимо, — 'волосы на теле', в т. ч. подшерсток у животных (в отличие от **juŋ* 'шерсть (например, состриженная для прядения) и пух у птиц'» [Дыбо 2013: 298].

В тунгусо-маньчжурских языках широко распространена полисемия 'волос, перо', восходящая к праязыковой полисемии или синкретизму: ПТМ **xin-ŋa-* 'волос, пух, шерсть (животного)' (эвенк., эвен., нег., ульч., орок., нан., ороч., уд., сол.), 'перо, пух (птицы)' (эвенк., эвен., орок., ма.): **эвенк.** *инңактā* П-Т, Алд, Е, И, Н, Ткм, Учр, Чмк (*инңа* Алд, Вл, С, Сх, *инңакта* Брг, *иңактā* К), **эвен.** *инңѳт* [**инңакта*] Ол, Алл, Б, М, П, Т (*ѳнат* К-О, *инңат* Арм, Ох, *инңот* ~ *иңңот* Ск), **орок.** *синақта*, **ма.** *иңғаха* 'пух (птичий)', 'подпух (у шерсти животного)', *иңғала* 'пух, мелкие перья', 'название птички' [ТМС 1: 317].

'волосы', 'шерсть', 'перо'

Самодийский ареал (красный цвет) занимает почти всю территорию распространения самодийских языков, хотя в него включены не все языки и диалекты: на севере от Архангельской области (ненецкий язык) до полуострова Таймыр (нганасанский), на юге до Томской области (селькупский язык) и Красноярского края (исчезнувший камасинский язык). Тюркский ареал (синий цвет) предстает в виде полоски, тянущейся от севера Восточной Сибири (якутский язык) к Южной Сибири (тофаларский, челканский, кумандинский), также отмечены небольшие компактные ареалы в Поволжье (чувашский язык) и При-

черноморье (караимский, гагаузский языки). Тунгусский ареал (желтый цвет) занимает особенно большую площадь на северо-востоке Китая, Дальнем Востоке и востоке Сибири, накладывается на якутский ареал в Якутии и на самодийский ареал в Томской области, на территории распространения селькупского языка. На юге самодийский ареал граничит с тюркскими саянскими языками в Красноярском крае. Таким образом, выявляются два центра пересечения ареалов — Юг Сибири (Томская область, Красноярский край — самодийские, тюркские и тунгусские языки) и Восточная Сибирь (якутский и эвенкийский языки).

Перо, крыло: праязыковая полисемия или синкретизм в тунгусских языках, а также в маторском и селькупском

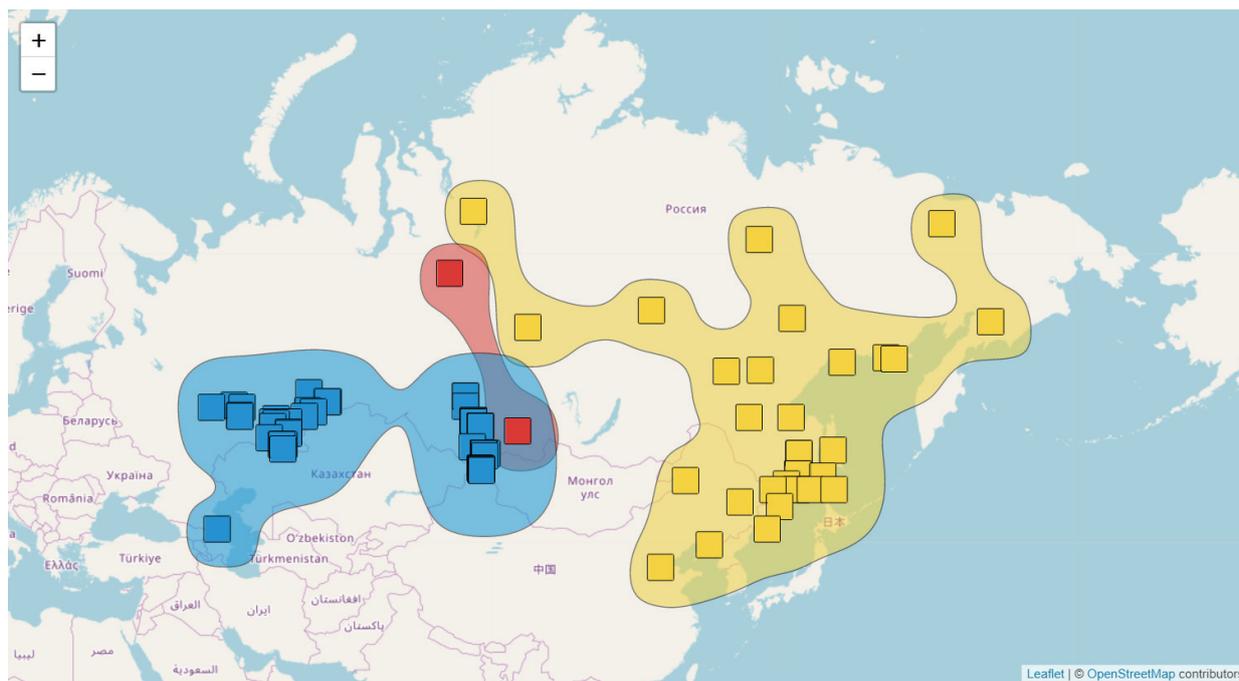
Разграничение этих значений может представлять трудность, если имеется в виду маховое перо у птицы. Так как в материалах, привлеченных к исследованию, не было возможности проверить эти значения по контекстам, в данной карте мы будем полагаться на словарные дефиниции, которые, безусловно, требуют дальнейшей проверки.

В самодийских языках Ю. Янхуненом реконструируется праязыковая полисемия: ПС **tuŋj* ‘перо, крыло’ [Janhunen 1977: 166], но не указаны значения каждого приведенного слова. В современных словарях у рефлексов этой праформы полисемия обнаружена только в маторском и селькупском, поэтому неизвестно, можно ли возвести эту полисемию на прасамодийский уровень: **матор.** *ту* ‘перо’, *туда* ‘крыло’ [Helimski 1997: 367], **сельк.** таз. *tū* ‘перо, крыло (оперение крыла), плавник, веник из птичьего крыла’ [Хелимский 2007: 390]. В нганасанском языке зафиксированы значения ‘крыло’, ‘вешек’, ‘оперение стрелы’, однако последнее, строго говоря, не тождественно значению ‘перо птицы’, поэтому на карте нганасанский язык не обозначен: *чуо* ‘крыло’ [Костеркина и др. 2001: 217], *чүэ* ‘крыло’, ‘вешек’, ‘оперение стрелы’ [Хелимский Нганасанский словарь]. В ненецком и энецком языках — только ‘крыло’: **нен.** *Т. то* [Терещенко 1965: 664], **нен.** *Л. то* [Бармич, Вэлло 2002: 127], **эн.** тундр. *tua* [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *то* [Сорокина, Болина 2009: 438]. В других диалектах селькупского наблюдается полисемия ‘крыло, плавник, ветка (хвойного дерева)’, но нет значения ‘перо’ — **сельк.** об., кет., тур. *ту* [Быконя и др. 2005: 242].

В тюркских языках семантический переход ‘крыло’ > ‘перо’ обнаружен в словах, восходящих к ПТ **Kājnat* ‘крыло’. Полисемия засвидетельствована в кумык. *qanat* ‘перо’, ‘крыло’ [Дыбо 2013: 260; ЭСТЯ 1997: 252—253], алт. *qanat* ‘крыло, перо’ [Словарь усть-канского говора; Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. П. Минчинова)], башк. *канат* ‘перо’, ‘крыло’ [Башк. Конюково]. Семантическая эволюция ‘крыло’ > ‘перо’ предполагается для тат. *канат* ‘перо’ [Говор д. Мунтово (Носитель – Батманова Диляра Анваровна, 1965 г.р. Касимовский район, Рязанская область)], тубалар. *qanat* ‘перо, перья’ [Словарь тубаларского идиома, говор нп Усть-Пыжа], теленг. *канат* ‘перо’ [Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, Мария); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. И. Садуков); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Т. И. Садукова); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Н. В. Сосова); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Б. Г. Дадыянова)].

В тунгусских языках реконструируется праязыковая полисемия ‘перо, крыло’: ПТМ **dekte-* (эвенк., сол., эвен., ма., нан., ороч., уд.) [ТМС 1: 231] > **эвенк.** *дэктэннэ* П-Т, И (*дэктилэ* Алд, З, Сх, Урм, Учр, Чмк, К *дэктэн* Чмк, *дэктэндэ* Д), ‘крыло (птицы, самолета)’, ‘перо, оперение’, **сол.** *дэттэлэ* *дебтелэ* ‘перо, крыло’, **эвен.** *дэтлэ* Ол, Арм, Ох, П, Ск, Т (*дйтла* К-О) ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, ‘плавник (боковой, у рыбы)’, **ороч.** *дэктэ* ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, **уд.** *дэктэ^hэ* (*дэктэ*) ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, **нан.** *дэктэнэ* ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, **ма.** *дэтхэ* ‘крыло’, ‘перо (маховое, у птицы)’, ‘оперение (стрелы)’.

Самодийский ареал (красный цвет) представляет собой удаленные друг от друга точки — на р. Таз в Ямало-Ненецком автономном округе и на р. Васюган в Томской области (селькупский язык), а также на юге Красноярского края (исчезнувший маторский язык). В тюркских языках (синий цвет) полисемия и семантический переход ‘крыло’ > ‘перо’ обнаружены только в кумыкском языке на Северном Кавказе, в башкирском языке в Поволжье и алтайских диалектах в Южной Сибири. Тунгусский ареал (желтый цвет) занимает большую площадь на Дальнем Востоке (Камчатский край, Приморье) и востоке Якутии, а также охватывает север Китая (солонский и маньчжурский языки) и север Красноярского края (северное наречие эвенкийского языка).

‘крыло’ — ‘перо’

Человек

человек, мужчина: развитие значения в тюркских языках, праязыковая полисемия в тунгусских, рефлексная праязыковая полисемия в самодийских

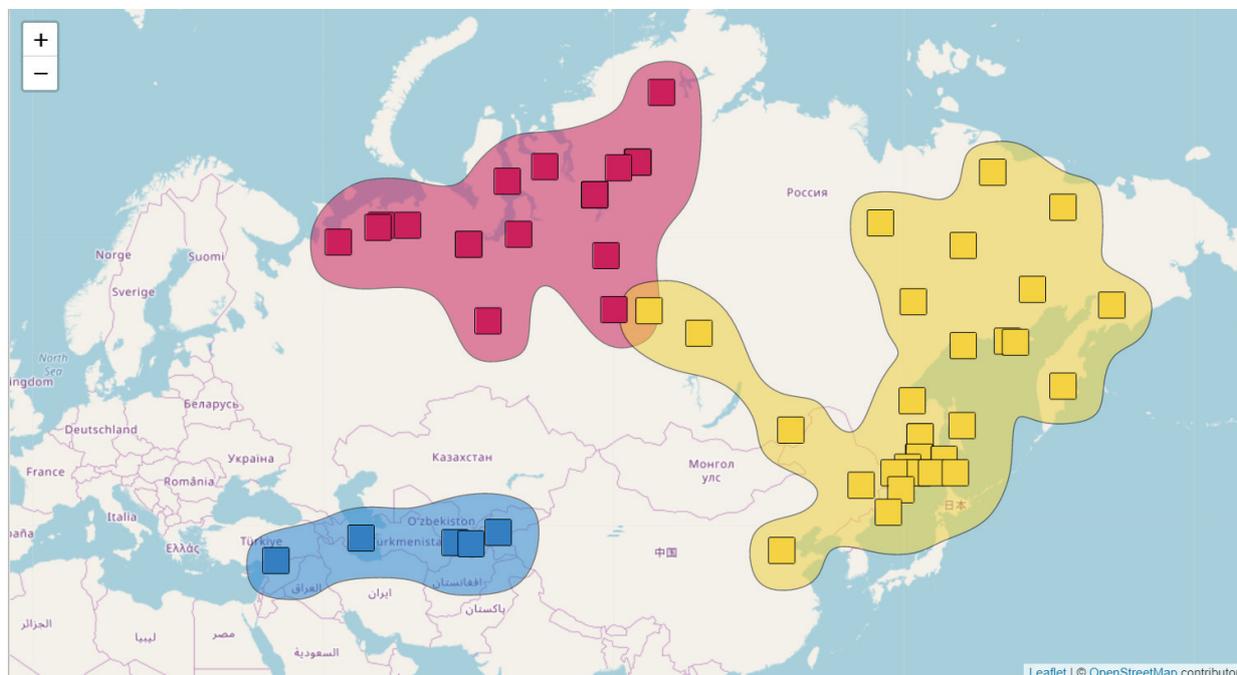
Значение прасамодийской лексемы **kāāsā* Ю. Янхунен реконструирует как ‘мужчина, человек’, предположительно с внутренней формой ‘смертный’ **kāā-sā* < **kāā* ‘умирать’ [Janhunen 1977: 61], и, имея в виду предложенную прасамодийскую этимологию, можно было бы считать первичным значением ‘человек’, а не ‘мужчина’. Но такая интерпретация встречает препятствия из-за строгого распределения значений по самодийским подгруппам: в северных самодийских языках — ‘мужчина’, а в камасинском и маторско-тайгийско-карагасском — ‘человек’: **эн.** тундр. *kaasa* ‘мужчина’ [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *каса* ‘мужчина; брат; друг, товарищ, приятель, подруга’ [Сорокина, Болина 2009: 162], **нен.** **Т.** *хасава* ‘мужчина’, ‘муж’, вост. ‘ненец (самоназвание)’ [Терещенко 1965: 755], **нган.** ‘мужчина’, ‘муж’ *куодюму* [Костеркина и др. 2001: 75], *куэд’үму* [Хелимский Нганасанский словарь], *куажүму*, *кōд’үму* < **kāāsā-mā* [Janhunen 1977: 61], **камас.** *kūza* ‘человек’ [Kamassisches Wörterbuch: 35], **матор.** *каса*, *каза*, *казы*, аб. *chasa*, **тайг.**, **карагас.** *chāssa* ‘человек’, **матор.** *негазы* ‘баба’ при *не* ‘женщина’ [Helimski 1997: 269]. Ни одно значение по отдельности не может быть возведено на прасамодийский уровень, исходя из критерия фиксации в обеих самодийских ветвях, но можно интерпретировать эти различия как различные рефлексy одного полисемичного прасамодийского слова. К тому же самоназвание *хасава* в восточных ненецких диалектах и значение ‘подруга’ в энецком может свидетельствовать о более раннем значении ‘человек’ в северных самодийских языках.

В некоторых тюркских языках произошла семантическая эволюция ‘человек’ > ‘мужчина’: ПОТ **kili* ‘человек’ (як., долган., тув., тоф., хакас., шор., сюг., др.-тюрк., крх.-уйг., тур., гаг., сал., узб., нуйг., кар., кумык., тат., башк., ног., казах., ккалп., кирг., алт., тубалар., челкан., куманд.) > ‘мужчина’ аз. *kiši*, узб. *kiši*, кбалк. *kiši* [Дыбо 2013: 369].

В тунгусо-маньчжурских языках обнаруживается праязыковая и синхронная полисемия ‘мужчина, человек’: ПТМ **ñ(i)ari* ‘мужчина’ (эвенк., сол., эвен., нег., орок., нан., ороch., чж.), ‘человек’ (нег., ма., чж., ульч., орок., нан., ороch., уд.) [EDAL: 1013—1014; ТМС 1: 598—599]: **эвенк.** *ниравй* ~ *н’иравй* П-Т, И (*н’ерави*, *н’эравй* В, Н, *н’орави* П-Т, Нрч, Чмк, *н’брй* А) ‘мужчина (молодой)’, ‘муж, хозяин, мужчина из своей семьи (преимущественно молодой)’, **сол.** *нирō* ‘мужчина’, **эвен.** *н’ари* Ол, Алл, Б, М, Ох, П, Ск, Т (*н’арй* К-О, *н’ери* Арм) ‘мужчина’ (Алл, Арм, Б, К-О, Ох, Ск, Т), ‘мальчик’ (Ол, Б, К-О, Ох, П, Ск, Т), **нег.** *н’эжавй* ‘мужчина (молодой), юноша’, **ороч.** *н’э̄*, *н’й̄*, *не* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘посторонний человек, кто-то, некто’, *н’й̄н’э̄* ‘мужчина’, **уд.** *н’й̄ита* ‘мужчина’, ‘самец’, **ороч.** *нари* ‘человек’, ‘мужчина’,

‘мужской пол’, **нан.** *нир’а* ‘самец (показатель мужского пола людей и животных)’, *нир’а бэжэ* ‘мужчина’, **чж.** *ниēh-rh-tā* ‘человек’, ‘мужчина’.

Принимая во внимание направление семантического перехода в тюркских языках, мы отметили на карте только те языки, в которых сохранилось значение ‘мужчина’ как компонент полисемии или как единственное.

‘человек’ — ‘мужчина’

Самодийский ареал (красный цвет) занимает север Европы и Западной Сибири вплоть до Таймыра, а также территорию южнее по течению Енисея. Тунгусский ареал (желтый цвет) локализуется в основном на Дальнем Востоке, в Хабаровском и Приморском крае, на полуострове Камчатка и охватывает север Восточной Сибири в Якутии. Севернее Байкала тунгусский ареал соседствует с самодийским в Красноярском крае. Тюркский ареал (синий цвет) не пересекается с двумя другими и имеет два основных центра: Кавказ и Средняя Азия.

Части тела

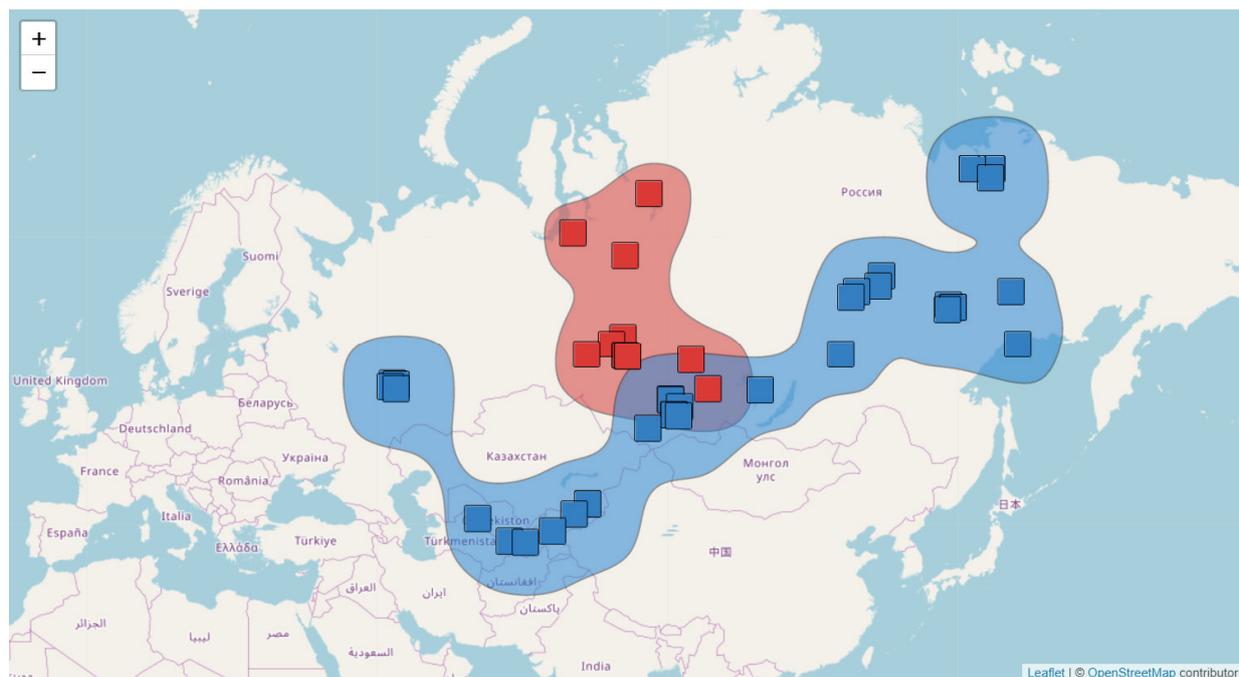
мясо, тело: праязыковая полисемия в самодийских и тюркских языках

В южных самодийских языках наблюдается сохранение праязыковой полисемии: ПС **ajā* ‘мясо, тело’ [Janhunen 1977: 17] > **камас.** *ија* ‘мясо, тело, плоть’ [Kamassisches Wörterbuch: 80], **сельк.** таз. *węci* ‘мясо; плоть, тело’ [Хелимский 2007: 417], кет. *вадь ~ ведь ~ веття ~ ветьти*, тым. *vajen*, об., вас., тым. *vajь* ‘мясо, тело’ [Быконя и др. 2005: 22], **эн.** тундр. *aja* ‘тело, плоть, мясо (как часть тела)’ [Хелимский Энецкий словарь] (в лесном диалекте у лексемы *ая* отмечено только значение ‘тело’ [Сорокина, Болина 2009: 48], поэтому на карте лесного диалекта нет).

В тюркских языках также сохраняется праязыковая полисемия или праязыковой синкретизм: ПТ **et* ‘мясо, тело’ > чуваш. *йт*, як. *et*, хакас. *ит*, узб., ккалп., кирг. алт. *et*, уйг. *e't* [ЭСТЯ 1974: 311—312; Дыбо 2013: 374—375], челкан. *эт* (от информанта) ‘мясо’/‘тело’¹².

Самодийский ареал с праязыковой полисемией ‘мясо, тело’ (красный цвет) простирается от Обской губы, р. Таз и устья Енисея на севере до территории Томской области и юга Красноярского края. Тюркский ареал (синий цвет) простирается от севера Якутии, через Южную Сибирь, к Средней Азии. Отдельный точечный ареал есть также в Поволжье (чувашский язык). Ареалы пересекаются на территории распространения камасинского, южных селькупских диалектов и хакасского языка в Южной Сибири.

¹² Он принес много мяса — Ол көп эт эжелген. У него крепкое тело — Олан эди-каны тынг.

‘мясо, тело’

Шея, горло: праязыковая полисемия или синкретизм в тунгусских языках, селькупском и камасинском

В случае совмещения значений ‘шея’ и ‘горло’ мы имеем дело с исследовательской интерпретацией: возможно, оно не является в строгом смысле полисемией, а отражает употребление гипонима вместо гиперонима в определенных контекстах, что требует дополнительной проверки, если это возможно. Но тем не менее факт нейтрализации этих значений в определенных случаях представляется интересным. В каталоге CLICS коллексификация концептов ‘neck’ и ‘throat’ обнаруживается в 98 языках из 28 семей, в их числе тюркские — чув. *pur* и кумык. *tamak*, уральские — *juan* в коми-пермяцком и *soj* в северноселькупском (https://clics.clld.org/graphs/infomap_83_NECKLACE). В ходе данного исследования подтвердилось совмещение значений ‘шея, горло’ в селькупском.

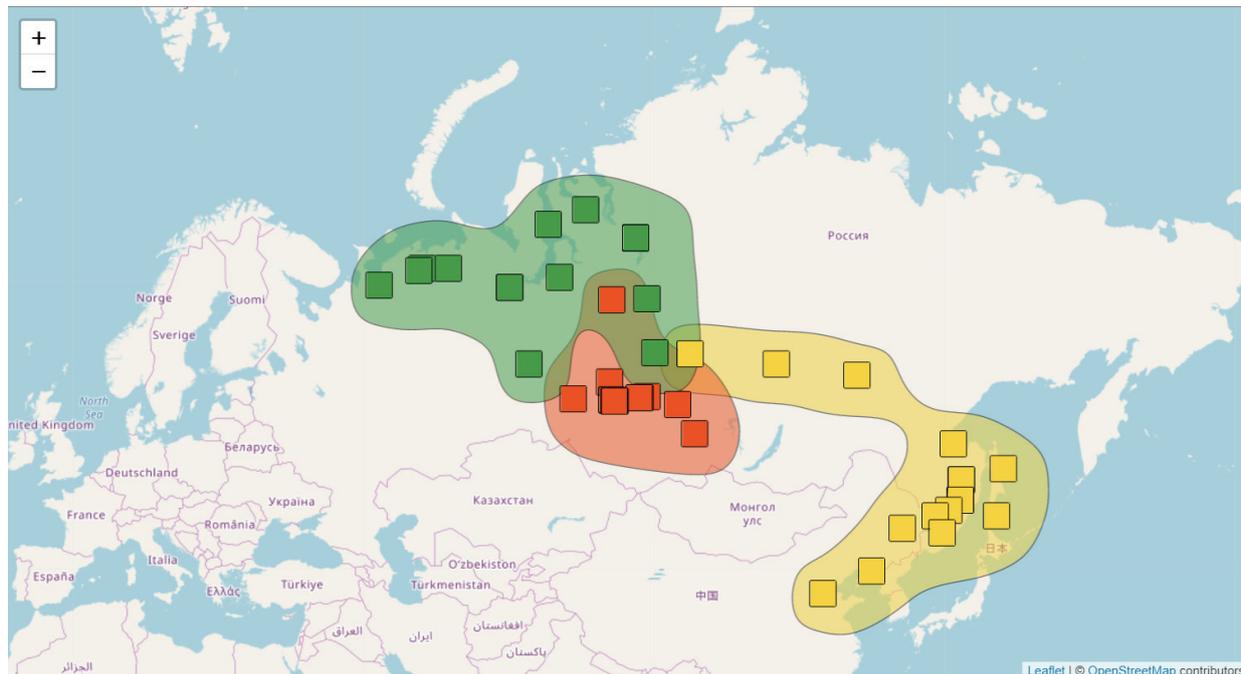
Для прасамодийского уровня реконструируется лексема **soj* ‘шея, горло’ [Janhunen 1977: 142]. В современных словарях полисемия обнаруживается только в селькупском и камасинском, а в северных самодийских языках полисемия не зафиксирована и рефлексy этой праформы имеют значение ‘горло, голос’. Нельзя исключить, что праязыковым значением было именно ‘горло’. Рассмотрим все слова, выводимые к **soj*, и их значения:

сельк. таз. *sōl'* ‘горло, шея (спереди); устье’ [Хелимский 2007: 318], об., кет., ел. *сой*, тур. *солт* ‘глотка’, ‘горло’, ‘шея’, ‘голос’, ‘ручей’, ‘исток’, ‘протока’ [Быконя и др. 2005: 212], тур. *соль* ‘глотка’, ‘горло’ [там же: 213], об. *хой*, *холь*, вас. *хол*, *холь*, *хольде* ‘горло’, ‘шея’ [там же: 270], об. Ч, вас. *оль* ‘горло’ [там же: 167], **камас.** *soj*, *soj'* ‘шея, горло’ [Kamassisches Wörterbuch: 59], **нен. Т.** *сё* ‘горло; пищевод; голос; песня; протока’ [Терещенко 1965: 551], **нен. Л.** *шо* ‘горло; пищевод; голос; крик; песня’ [Бармич, Вэлло 2002: 156], **эн.** лесн. *со* ‘горло; пищевод; голос; песня’ [Сорокина, Болина 2009: 389], тундр. *sōb* ‘горло, пищевод; речка-протока’ [Хелимский Энецкий словарь].

Во всех группах тунгусо-маньчжурских языков зафиксирована полисемия ‘шея, горло’, что позволяет признать эту полисемию праязыковой: ПТМ **ton-*: **mongen* > **mongon/mōngōn* [Дыбо 1996: 250] ‘шея’ (эвенк., нег., ма., ульч., орок., нан., уд., ороч.), ‘горло’ (эвенк., ороч., нан., ма.) [ТМС 1: 546] > **эвенк.** *моңон* П-Т, Е, Н (*моңун* Олкм) ‘шея’, ‘горло’, ‘воротник’, **нан.** *моңзо*, *моңзо(н-)* ‘шея’, ‘горло’, **ма.** *моңгон* ‘шея (передняя часть)’, ‘горло, гортань’. В **орочском** *моңо(н-)* имеет значения ‘шея’, ‘воротник’, а значение ‘горло’ передается производным с суффиксом *-кса*. От того же ПТМ корня **ton-* с другим суффиксом засвидетельствовано производное с полисемией ‘шея, горло’ в чжурчженском: **monfen* > **чж.** *mei-fen* [Дыбо 1996: 250; ТМС 2: 538].

Основная лексема, передающая значение ‘горло, глотка’ в тунгусо-маньчжурских языках, — это ПТМ **bilga* ‘горло, глотка’ [EDAL: 344], но в ороческом языке рефлекс этой праформы имеет значение ‘шея’: ороч. *бигга* ‘шея’, ‘пищевод’ [ТМС 1: 82].

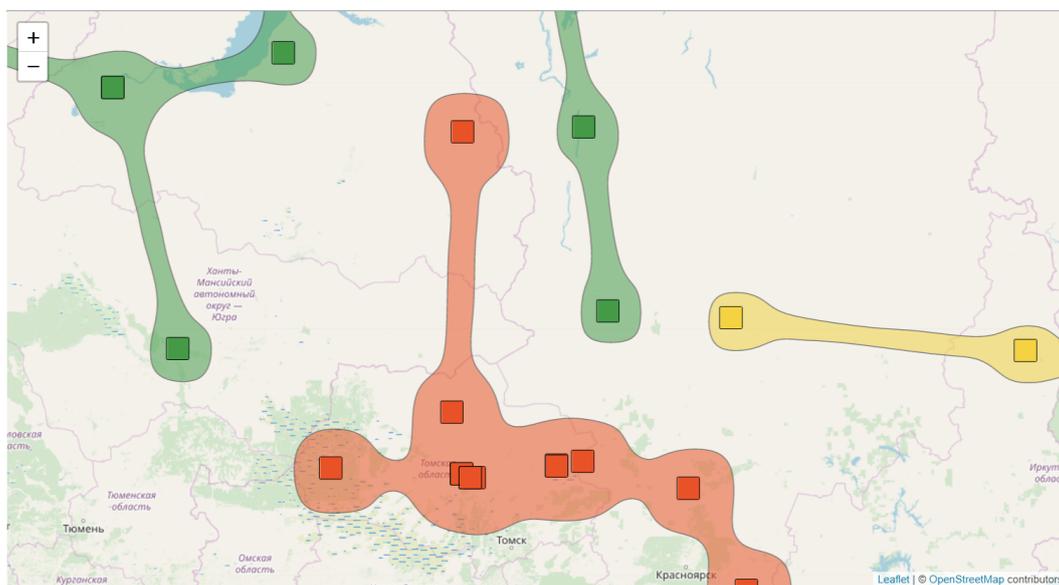
В другом пратунгусском корне со значением ‘шея’, ‘шейные позвонки’ (ПТМ **nīkzi*) наблюдается переход к значению ‘горло’ только в чумиканском диалекте эвенкийского языка [Дыбо 1996: 249].

‘шея, горло’

Самодийский ареал с полисемией ‘шея, горло’ (красный цвет) не выходит за пределы Северного полярного круга, он распространен в Туруханском районе Красноярского края, на юге Ямало-Ненецкого автономного округа, в Томской области и на юге Красноярского края. Тунгусский ареал (желтый цвет) сосредоточен на Дальнем Востоке: в Приморском крае и Северо-Восточном Китае, также отмечена полоса, образованная населенными пунктами на юге Якутии, Севере Иркутской области и в Красноярском крае, вплотную примыкающая к области распространения селькупского языка.

Самодийские языки и диалекты, в которых рефлекс ПС **soj* сохранили только значение ‘горло’ (зеленый цвет), дополняют общую картину. Ареалы с полисемией и утратой значения накладываются друг на друга: в Западной Сибири, где происходят контакты с носителями эвенкийского языка, полисемия сохраняется, а на севере Архангельской области и в Ямало-Ненецком автономном округе сохранилось только значение ‘горло’.

Качества

Хороший > красивый: развитие значения в тунгусских языках, праязыковая полисемия в тундровом ненецком, энецком и селькупском

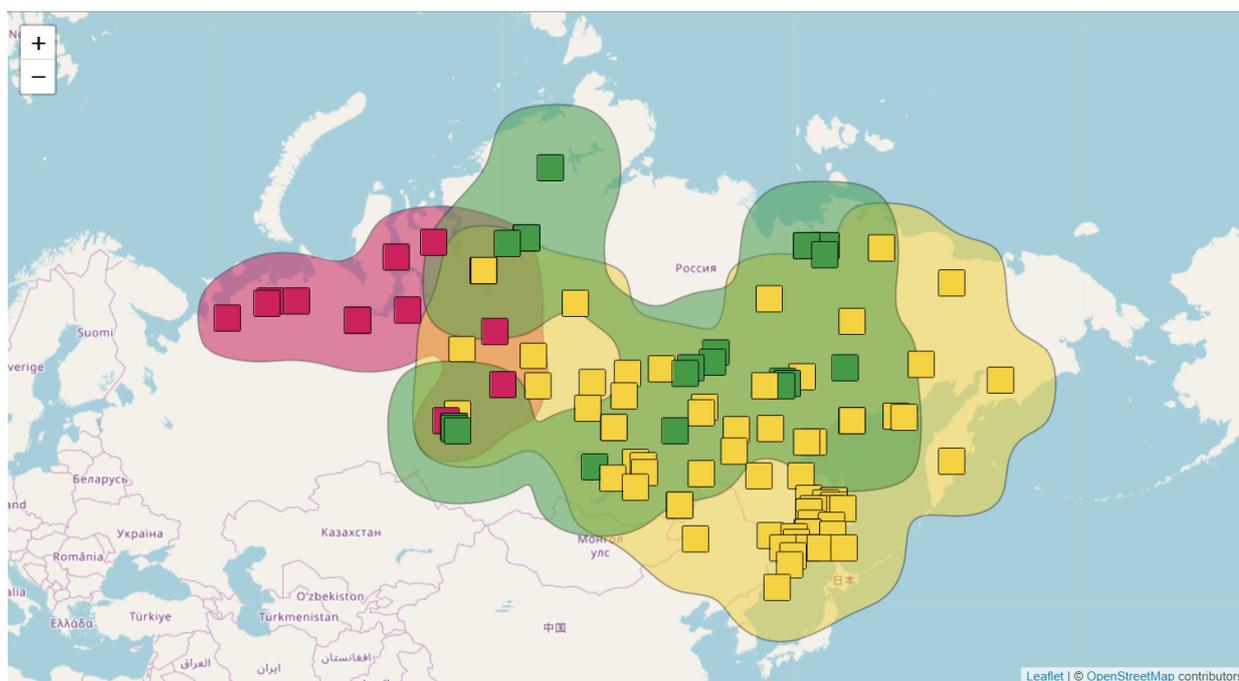
В тундровом ненецком языке Ю. Янхуненом отмечена полисемия ‘хороший, красивый’, появившаяся в результате развития значения от ‘хороший’: **нен. Т.** *сăва* < ПС **sâmâ* ‘хороший’ [Janhunen 1977: 132—133; Терещенко 1965: 515—516], в лесном ненецком такого семантического перехода не отмечено: **нен. Л.** *хома* ‘хороший, милый; приятный; замечательный; удачный; добрый’ [Бармич, Вэлло 2002: 138]. Полисемия ‘хороший, красивый’ у рефлексов ПС **sâmâ* наблюдается также в энецком и селькупском языках, что позволяет поставить вопрос о переходе ‘хороший’ > ‘красивый’ еще на праязыковом уровне: **эн.** тундр. *sueda* ‘хороший; вкусный; красивый’, *suedadoo, soçadoo* ‘хороший, красивый’, *sedus-* ‘быть красивым’, *suedaku* ‘довольно хороший; красивый’ [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *сойза* ‘порядок; добро, доброта’, ‘хороший, красивый, чудесный, приятный, милый, неплохой, удачный; опрятный; прилежный; спокойный (о погоде); удобный; свежий (неиспорченный); добрый’ [Сорокина, Болина 2009: 394—395], **сельк.** тым. *сува, суа* ‘хороший; красивый; здоровый’ при об. Ш *сава ~ сева*, об. Ш, тым. *сва*, об. Ч, вас. *фа, хва ~ хвā* ‘хороший’ [Быконя 2005: 215, 205, 209, 267, 269]. Как видно из перечисления значений, это слово с широким значением положительной характеристики, и ‘красивый’ является частным случаем положительной оценки.

В тунгусских языках такой семантический переход определяется в двух корнях:

1) в севернотунгусских: ПТМ **aja, *aju-* ‘хороший’ (эвенк., эвен., нег., ульч., орок., нан., уд., орооч., сол.), ‘красивый’ (эвенк., эвен., нег., орооч.): **эвенк., нег.** *aja* ‘хороший’, ‘добрый’, ‘красивый’, ‘здоровый’, ‘удобный’, ‘вкусный, сладкий’, **эвен.** *aj* Ол, Алл, Арм, Б, М, Ох, Ск, Т, К-О ‘хороший’, ‘добрый’, ‘красивый’, ‘удобный’, ‘полезный’, **ороч.** *aja* ‘хороший’, ‘красивый’ [ТМС 1: 18—20];

2) преимущественно в южнотунгусских: ПТМ **uli* ‘хороший’ > **уд.** *uli-gdiya* ‘красивый’, **ульч.** *ule*, **орок.** *uliŋ-ga* ‘хороший, красивый’, **нан.** *ulē, ule* ‘хороший, красивый’ [ТМС 2: 260—261].

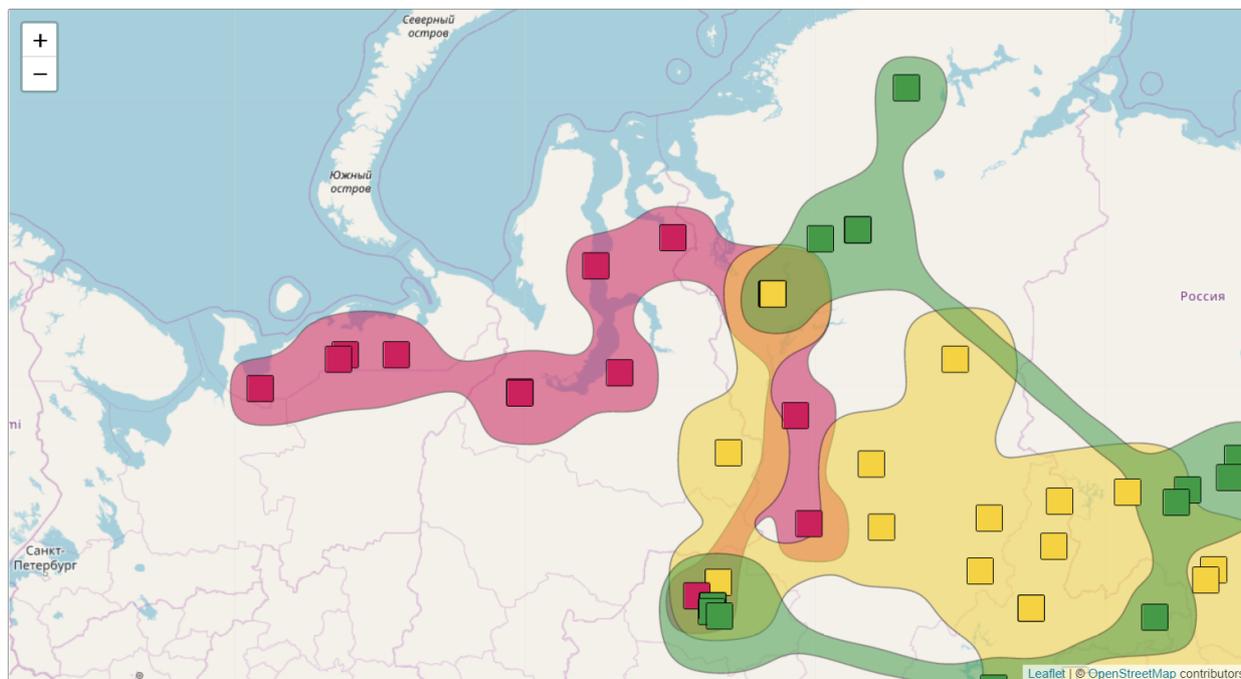
Также отмечена синхронная полисемия в контактных языках: **сельк.** нар. *kvédzədəl* ‘хороший, красивый’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], **нган.** *няггәә* ‘добрый, хороший, приятный; красивый’ [Словарь усть-авамского диалекта 2014], **як.** *ičügej* и **долган.** *ičügäj* ‘хороший; красивый’ [Дыбо 2013: 287].

‘хороший, красивый’

Самодийский ареал (красный цвет) расположен главным образом на севере — от Архангельской области до устья Енисея на территории распространения ненецкого языка и энецкого языков, а на юге до Томской области (селькупский) и среднего течения Енисея в Красноярском крае (энецкий). Тунгусский ареал (желтый цвет) занимает весь Дальний Восток и всю Сибирь: во всех тунгусских язы-

ках, кроме орокского, зафиксирована праязыковая полисемия ‘хороший, красивый’. Ареалы пересекаются по течению Енисея, в местах соседского проживания эвенков и энцев, и в Томской области, где эвенки соседствуют с селькупками (для большей точности ниже приведен приближенный вариант карты в областях пересечения ареалов). Зеленым цветом изображена синхронная полисемия в контактных языках (нганасанский, якутский, долганский, нарымский диалект селькупского языка). Данная полисемия характерна для всей Сибири и Дальнего Востока.

Мягкий > теплый: семантический переход на праязыковом уровне в самодийских и тунгусских языках

В самодийских языках на праязыковом уровне обнаруживается производное со значением ‘теплый’ от корня со значением ‘мягкий’: ПС **ju-* ‘мягкий’ (нган., эн., нен., сельк.), ‘становиться теплым, таять’ (нен., матор.) > ПС **jura* ‘теплый’ (эн., нен., камас., тайг.) [Janhunen 1977: 47—48]. Рассмотрим рефлекс-ы этих лексем и их значения: **ju-* > **камас.** *t'uläm* ‘греться’ [Janhunen 1977: 47], **нен. Т.** *юсь* ‘согреться; разогреться; расплавиться; растаять’ [Терещенко 1965: 818], **нен. Л.** *дюш* ‘согреться, обогреть; оттаять, растаять’ [Бармич, Вэлло 2002: 33], **jura* > **нен. Т.** б.-з. *юбэй* ‘оттаявший, растаявший’ [Терещенко 1965: 810], **нен. Л.** *дюна* ‘теплый; тепло’ [Бармич, Вэлло 2002: 32], **эн.** лесн. *дьюба* ‘тепло, теплый’, *дьюби* ‘талый’, *дьюба дя* ‘юг’ [Сорокина, Болина 2001: 34—35; Сорокина, Болина 2009: 121], *дьюби(дь)* ‘потеплеть’ [Сорокина, Болина 2009: 121], тундр. *дуба* ‘теплый (день, не чай), юг’ [Хелимский Энецкий словарь].

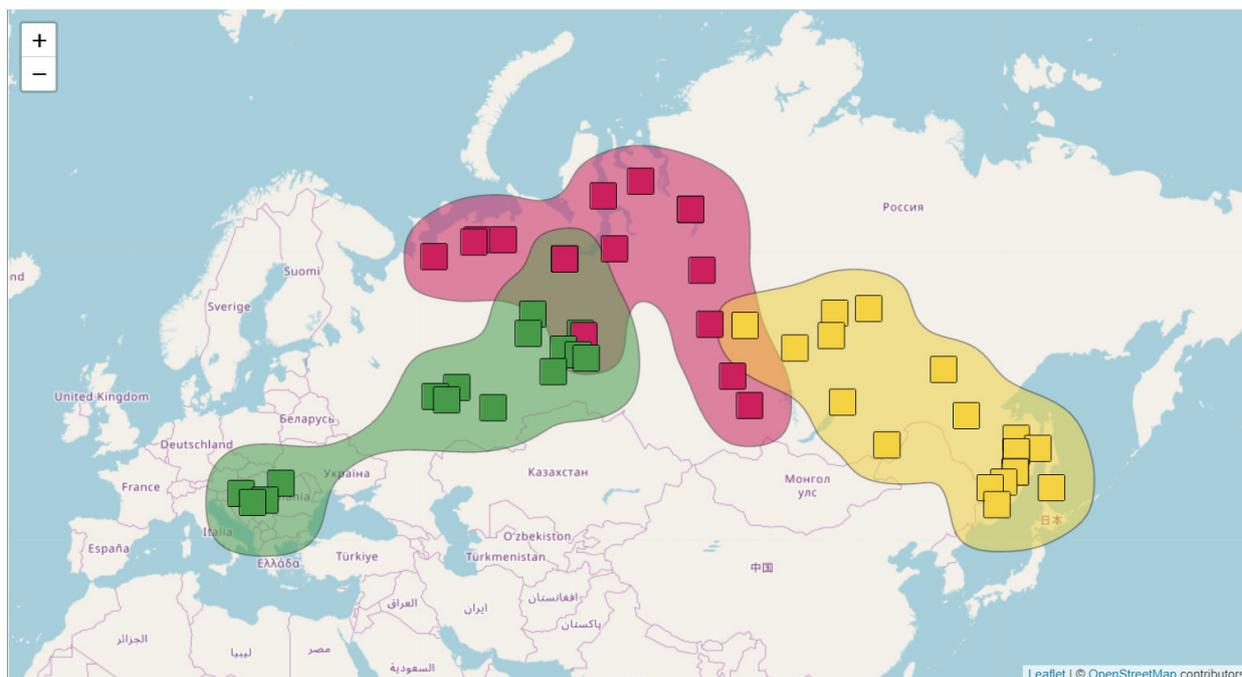
В тунгусских языках обратная ситуация: первичное значение ‘теплый’ и производные с семантикой ‘мягкий’. На карту нанесены только те языки, в которых произошел этот семантический переход. ПТМ **n'ute-/*n'ama-/*n'em-* ‘теплый’ (эвенк., сол., эвен., нег., ороц., уд., ульч., орок., нан.) [EDAL: 992; ТМС 1: 630—631, 652—653]: **эвенк.** *н'ама*, **нег.** *н'амагди*, **нан.** *н'ама* ‘теплый’ > **эвенк.** *н'эмумэ* П-Т, Алд, В, Вл, В-Л, Е, З, Н, Нак, Нрч, С-Б, Тк (*зэмумэ* И, Тк, *нэмумэ* Тк, *н'амума* С-Б, Хнг, Тит, *н'эмурмэ* П-Т) ‘мягкий, нежный (на ощупь)’, **нег.** *н'аму-н'аму* ~ *нэму-нэму* ‘мягкий (о ткани, шерсти, волосах, траве)’, ‘рыхлый (о снеге, хлебе и т. п.)’, **нан.** *нэму-нэму бй* (*нэмо-нэмо, нэмэри* диал.) ‘мягкий’, ‘ласковый’, диал. ‘добрый’.

В туркменском языке есть похожий переход: туркм. *majil* ‘теплый’ < ПТ **bAnil* ‘перезрелый, мягкий’ [Дыбо 2013: 518], но мы не отметили этот случай на карте, так как недостаточно подтверждений тому, что этот корень имел в праязыке значение ‘мягкий’.

Семантический переход ‘мягкий’ > ‘теплый’ есть и в других уральских корнях:

ПУ **leppV* ‘мягкий’ [UEW: 246] (фин., эст., мар.), ‘слабый’ (мокш., хант.) > ‘теплый’ горномар. *liwə*, мар. уржум. *lewe*, *lirka*, бирск. *lewe* [UEW: 246], волжск. *léve* [Сл. волж. диал. мар. яз.];

ПУ **lońca-* ‘мягкий’ (саам., венг., хант., манс.) > ‘теплый’ хант. демьянск. *luńtə*, обдорск. *lońsi*, манс. тавд. *lańcəŋ*, конд., пельым. *lańsəŋ*, сосьв. *lońsəŋ*, венг. *lăgy, langy, langyos* [UEW: 250], хант. низям. *лунгэŋ* [Сл. низям. диал. хант. яз.], манс. юконд. *lanəŋ* [Сл. юконд. диал. манс. яз.].

‘мягкий’ — ‘теплый’

Самодийский ареал (красный цвет) в основном локализован на севере Архангельской области и Западной Сибири, но доходит по течению Енисея до юга Красноярского края. Зеленым цветом отмечен семантический переход ‘мягкий’ > ‘теплый’ в других корнях уральских языков: в Западной Сибири — в мансийском и хантыйском языках (пересечение с ненецким в области Салехарда), в Поволжье — в марийских языках, в Восточной Европе — в венгерском языке. Тунгусский ареал (желтый цвет) примыкает к ареалу распространения энецкого языка и занимает большую территорию от Сахалина и Приморья до юга Якутии, севера Иркутской области и реки Подкаменная Тунгуска в Красноярском крае.

Выводы

Впервые проведен анализ семантических переходов, полисемии и синкретизма у слов из списка Сводеша для самодийских языков в сравнении с тюркскими и тунгусскими языками в синхронном и диахроническом аспектах. Акцент был сделан на выявлении ареалов, где возможны семантические переходы под влиянием контактных языков.

Исследование показало, что некоторые случаи полисемии и синкретизма широко распространены и не привязаны к какому-либо ареалу, а другие ограничены определенной областью. Для широких ареалов, занимающих территорию всей Евразии, характерны случаи полисемии ‘солнце, день’, ‘кожа, шкура’, ‘мягкий’ > ‘теплый’, ‘человек, мужчина’ (на периферии Евразии); для всей Сибири — случаи полисемии ‘хороший, красивый’, ‘песок’ > ‘галька’, ‘волосы, шерсть, перо’; для Западной Сибири — случаи полисемии ‘земля, почва’, ‘земля, почва’ > ‘глина’, ‘земля, почва’ > ‘песок’, ‘шея, горло’.

В корнях с праязыковой полисемией, не привязанной к конкретному ареалу, обнаружены семантические переходы, закрепленные на определенной территории: ‘кожа, шкура’ > ‘кора’ (Южная Сибирь, Западная Сибирь в бассейне Енисея), ‘земля, почва’ > ‘пепел’ (Южная Сибирь и Таймыр). Праязыковая самодийская полисемия ‘перо, крыло’ занимает узкий ареал в Западной Сибири, а в тунгусских языках распространена на всем Дальнем Востоке.

С экстралингвистическими факторами могут быть связаны семантические переходы в лексике, 1) связанной с хозяйственной деятельностью человека (‘кора’) и 2) обозначающей виды почв (‘песок’ в самодийских языках — на арктических и подзолистых почвах, ‘глина’ в тюркских языках — на серых лесных почвах и черноземах).

Всего из 100 позиций списка базисной лексики прасамодийского языка выявлено 15 параллелей праязыковой полисемии или семантических переходов, которые встречаются в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках¹³:

¹³ В тюркских и тунгусских языках пока не обнаружено параллелей с 7 случаями прасамодийской полисемии и 14 семантическими переходами (полисемия: ‘давать, продавать’ [Janhunen 1977: 94], ‘еда, мясо’ [там же: 15], ‘об-

- 1) 5 самодийско-тюркских параллелей ('мясо, тело', 'земля, почва', 'земля' > 'пепел', 'земля' > 'песок', 'земля' > 'глина'), преимущественно в тематической группе 'почвы';
- 2) 7 самодийско-тюркско-тунгусских параллелей ('солнце, день', 'песок, галька', 'кожа, шкура', 'кожа, шкура' > 'кора', 'волосы / шерсть, перо', 'перо, крыло', 'человек, мужчина'), преимущественно в лексике, связанной с животным и растительным миром;
- 3) 3 самодийско-тунгусские параллели ('шея, горло', характеристики 'хороший, красивый' и 'мягкий' — 'теплый').

Таким образом, видно, что почти в половине случаев особенности полисемии или развития значений в стословном списке прасамодийского языка имеют аналоги в тюркских или тунгусских языках. Представляется, что дальнейшее исследование контактного развития значений в базисной лексике в других языках позволит ответить на вопросы о том, действительно ли эти явления обусловлены межъязыковыми контактами или они являются в части случаев лингвистическими фреквенталиями (возможно также, что речь идет о ностратической полисемии), и насколько часто семантические переходы в базисной лексике связаны с экстралингвистическими факторами.

Сокращения

вост. — восточное

диал. — диалектное

миф. — мифологическое

Языки и диалекты

Самодийские языки

ПС — прасамодийский язык

камас. — камасинский язык

карагас. — карагасский язык (или карагасский диалект маторского языка)

койб. — койбальский язык

матор. — маторский язык (аб. — «абаканский» диалект)

нган. — нганасанский язык

нен. Л. — лесной ненецкий язык

нен. Т. — тундровый ненецкий язык (б.-з. — большеземельский говор, ямал. — ямальский говор)

сельк. — селькупский язык (вас. — васюганский диалект, верхнетолькин. — верхнетолькинский диалект, ел. — елогуйский говор, кет. — кетский диалект, нар. — нарымский диалект, нча — нижнечаинский диалект, об. — обский ареал, об. С — обские говоры Сюсюкум, об. Ч — обские говоры Чумылькуп, об. Ш — обские говоры Шёшкун и Шёшкуп, таз. — тазовский диалект, томск. — томский диалект, тур. — туруханский говор, тым. — тымский диалект)

тайг. — тайгский язык (или тайгский диалект маторского языка)

эн. — энецкий язык (лесн. — лесной диалект, тундр. — тундровый диалект, юрацк. — юрацкий диалект)

Другие уральские языки

венг. — венгерский язык

манс. — мансийский язык (юконд. — юкондинский диалект, тавд. — тавдинский диалект, конд. — кондинский диалект, пельм. — пельмский диалект, сосьв. — сосьвинский диалект)

мар. — марийские языки (горномар. — горномарийский язык, уржум. — уржумский говор, бирск. — бирский говор, волжск. — волжский говор)

лако, тень' [там же: 162] + семантический переход > 'небо' в камасинском, 'идти, встречать' [там же: 38—39], 'приходить, достигать' [там же: 164], 'червь, змея' [там же: 132]; семантические переходы: 'длинный' > 'верх' в маторском [там же: 37], 'знать' > 'думать' в камасинском, 'гадать' в маторском [там же: 157], 'знать' > 'угадывать', 'понимать', 'знакомиться' [там же: 167], 'огонь' > 'огниво' в маторском [там же: 166], 'камень' > 'скала' в маторском, 'камень' > 'банка, бутылка' в тундровом ненецком [там же: 112], 'шея' > 'плечо' в селькупском, 'затылок' в камасинском [там же: 173], 'дым' > 'пар' в ненецком, производное 'туман' [там же: 79], 'голова' > 'раньше' в энецком [там же: 29], 'есть (принимать пищу)' > 'жить' в камасинском [там же: 15], 'ломать' > 'грызть' в южных самодийских [там же: 86], 'лист, лопасть' > 'колос' в маторском [там же: 86], 'червь' > 'блоха', 'жук' в камасинском [там же: 34], 'сидеть' > 'ехать' в камасинском [там же: 163], 'живот, желудок человека или животных' > 'зоб' в ненецком [там же: 122]). Следует отметить, что большая часть этих случаев имеет параллели в финно-угорских языках, см. [UEW].

мокш. — мокшанский язык

саам. — саамские языки

фин. — финский язык

хант. — хантыйский язык (низям. — низямский диалект, демьянск. — демьянский диалект, обдорск. — обдорский диалект)

эст. — эстонский язык

Тюркские языки

ПТ — пратюркский язык

ПОТ — праобщетюркский язык

аз. — азербайджанский язык

алт. — алтайский язык (куманд. — кумандинский, теленг. — теленгитский, телеут. — телеутский, тубалар. — тубаларский, челкан. — челканский)

башк. — башкирский язык

гаг. — гагаузский язык

долган. — долганский язык

др.-тюрк. — древнетюркский

др.-уйг. — древнеуйгурский

казах. — казахский язык

кар. — караимский язык

кбалк. — карачаево-балкарский язык

кирг. — киргизский язык

ккалп. — каракалпакский язык

крх.-уйг. — караханидско-уйгурский язык

крым.-тат. — крымско-татарский язык

кумык. — кумыкский язык

ног. — ногойский язык

нуйг. — новоуйгурский язык

сал. — саларский язык

сиб.-тат. — сибирско-татарский язык

сюг. — сары-югурский язык

тат. — татарский язык

тоф. — тофаларский язык

тув. — тувинский язык (кунгуртуг. — кунгуртугский диалект, нарын. — нарынский диалект, эрзин. — эрзинский диалект)

тур. — турецкий язык

туркм. — туркменский язык

узб. — узбекский язык

уйг. — уйгурский язык

хакас. — хакасский язык (пилтир. — бельтирский диалект хакасского языка)

халадж. — халаджский язык

чагат. — чагатайский язык

чув. — чувашский язык

чулым. — чулымский язык

шор. — шорский язык

як. — якутский язык

Тунгусо-маньчжурские языки

ПТМ — пратунгусо-маньчжурский язык

ПТунг — пратунгусский язык

ма. — маньчжурский язык

нан. — нанайский язык

нег. — негидальский язык

орок. — орокский язык

ороч. — ороцкий язык

сол. — солонский язык

уд. — удэгейский язык

ульч. — ульчский язык

чж. — чжурчженский язык

эвен. — эвенский язык (Алл — аллаховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект, Б — быстринский говор восточного наречия, К-О — колымско-омолонский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия)

эвенк. — эвенкийский язык (А — аянский говор восточного наречия, Алд — алданский говор восточного наречия, Брг — баргузинский говор южного наречия, В — ванаварский говор южного наречия, В-Л — верхоленский говор южного наречия, Вл — вилойский говор восточного наречия, Д — дудинский говор северного наречия, Е — ербогоченский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, И — илимпийский говор северного наречия, К — качугский говор восточного наречия, М — майский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, Нак — наканновский говор северного наречия, Нрч — нерчинский говор восточного наречия, Олкм — олекминские говоры восточного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, С — сымский говор южного наречия, С-Б — северо-байкальский говор южного наречия, Сх — сахалинские говоры восточного наречия, Тк — токкинский говор восточного наречия, Ткм — токминский говор южного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, Тт — тоттинский говор восточного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Хнг — хинганский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия)

Русский язык и его говоры

рус. — русский язык (брян. — брянский говор, калуж. — калужский говор, смол. — смоленский говор)

Литература

Аникин, Хелимский 2007 — *Аникин А. Е., Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. Ye., Helimski E. A.* Samoyed-Tungus-Manchu lexical links. M., 2007.}

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. {*Aprasyan Yu. D.* Selected works, vol. 1. Lexical semantics. 2nd edition, revised and extended. M., 1995.}

Арбалдаев — Словарь кетского диалекта селькупского языка (Арбалдаев В. В.). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Ket dialect of Selkup (Arbaldayev V. V.).}

Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). Пособие для учащихся начальной школы. 2-е издание, доработанное. СПб., 2002. {*Barmich M. Ya., Vello I. A.* Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (Forest dialect). Textbook for elementary school students. 2nd edition, extended. SPb., 2002.}

Башк. Конюково — Говор д. Конюково (Эрэмауыл) (Носитель — Акбашева Разифа Имаметдиновна, 1938 г. р. Бардымский район, Пермский край). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dialect of Konyukovo village (native speaker Akbashaeva Razifa Imametdinova, born 1938, Bardym district, Perm kray).}

Башкирский поэтический корпус. <http://web-corpora.net/bashcorpus/search/> {Bashkir poetic corpus.}

Будянская, Казакевич — Словарь кетского диалекта селькупского языка (собран от Ф. П. Зубрекова, подготовлен Е. М. Будянской, О. А. Казакевич). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Ket dialect of Selkup (gathered from F. P. Zubrekov, compiled by E. M. Budyanskaya, O. A. Kazakevich).}

Быконя и др. 2005 — *Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П.* Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {*Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P.* Selkup-Russian dialectal dictionary. Tomsk, 2005.}

Вендина 2014 — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М.—СПб., 2014. {*Vendina T. I.* Typology of lexical areas of Slavia. M.—SPb., 2014.}

Говор д. Итеево (Носитель — Василия Нурихановна Габделхакова, 1930 г. р. Илишевский район, Башкортостан). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dialect of village Iteyevo (Native speaker — Vasilya Nurikhanovna Gabdelkhakova, born 1930, Ilishevo district, Bashkortostan).}

Говор д. Мунтово (Носитель — Батманова Диляра Анваровна, 1965 г. р. Касимовский район, Рязанская область). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dialect of village Muntovo (Native speaker — Batmanova Dilyara Anvarovna, born 1965, Kasimovo district, Ryazan region).}

Григоровский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Обработка и издание Евгения Хелимского. Гамбург, 2007. {*Südselkupisches Wörterbuch von N. P. Grigirovski / Bearbeitet und herausgegeben von Eugen Helimski.* Hamburg, 2007. — South Selkup dictionary by N. P. Grigirovsky / Adapted and published by Evgeny Helimski. Hamburg, 2007.}

Диденко, Дубровская 2012 — Диденко А. В., Дубровская Н. В. Проблемы и задачи комплексного изучения и описания семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012, 1 (116). С. 87—91. {*Didenko A. V., Dubrovskaya N. V. Problems and tasks of complex studying and survey of semantic derivation of nouns in Selkup dialects // Bulletin of Tomsk State Pedagogical university. 2012, 1 (116). P. 87—91.*}

Дубровская 2010 — Дубровская Н. В. Семантическая структура существительного в связи с типологией производных значений: слова широкого и общего значения в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010, 7 (97). С. 84—87. {*Dubrovskaya N. V. Nominal semantic structure in relation with typology of derivative meanings: words with broad and general meanings in Selkup // Bulletin of Tomsk State Pedagogical university. 2010, 7 (97). P. 84—87.*}

Дубровская 2011 — Дубровская Н. В. Особенности семантической деривации некоторых соматических терминов в диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2011, 2 (5). С. 39—52. {*Dubrovskaya N. V. Features of semantic derivation of some somatic terms in the Selkup dialects // Ural-Altai studies. 2011, 2 (5). P. 39—52.*}

Дунин-Горкавич — Словарь Русско-Самоедский, автор А. А. Дунин-Горкавич, 1910 г. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {*Russian — Samoyed dictionary, author A. A. Dunin-Gorkavich, 1910.*}

Дыбо 1996 — Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996. {*Dybo A. V. Semantic reconstruction in Altaic etymology. M., 1996.*}

Дыбо 2005 — Дыбо А. В. Семантическая реконструкция: мир праалтайцев по данным сравнительно-исторического языкознания // Труды Отделения историко-филологических наук / Отв.ред. акад. А. П. Деревянко. М., 2005. С. 165—180. {*Dybo A. V. Semantic reconstruction: the world of Proto-Altaic people based on the data of comparative linguistics // Proceedings of the Department of History and Philology / Ed. A. P. Derevyanko. M., 2005.*}

Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V. Linguistic contacts of Early Turks. Lexicon of Proto-Turkic era. M., 2007.*}

Дыбо 2011 — Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 359—391. {*Dybo A. V. Semantic reconstruction in Altaic etymology: lexis of concrete lexicon // Word and language. Collected papers in honor of Yu. D. Apresyan's 80th birthday. M., 2011. P. 359—391.*}

Дыбо 2013 — Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013. {*Dybo A. V. Etymological dictionary of Turkic languages. Vol. 9 (additional). Etymological dictionary of Turkic core lexicon. Astana, 2013.*}

Дыбо, Норманская 2010 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Прасамодийская лексика материальной культуры // Тезисы Третьей международной конференции по самодийским языкам. Новосибирск, 2010. С. 71—85. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Proto-Samoyed lexicon of material culture // Abstracts of the Third international conference on the Samoyedic languages. Novosibirsk, 2010. P. 71—85.*}

Дыбо, Норманская 2014 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014, 2. С. 84—100. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Towards historical typology of armour nomenclature in the Uralic and Altaic languages // Bulletin of Russian Humanities scientific fund. 2014, 2. P. 84—100.*}

Зализняк 2001 — Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001, 2. С. 13—25. {*Zalizniak Anna A. Semantic derivation in synchrony and diachrony: a project for "Catalogue of semantic shifts" // Voprosy jazykoznanija. 2001, 2. P. 13—25.*}

Зализняк 2004 — Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004, 2. С. 20—45. {*Zalizniak Anna A. The phenomenon of polysemy and ways of its description // Voprosy jazykoznanija. 2004, 2. P. 20—45.*}

Зализняк 2009 — Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 107—111. {*Zalizniak Anna A. On the notion of semantic shift // Computational linguistics and intellectual technologies: Proceeding of annual international conference "Dialogue 2009" (Bekasovo, May 27—31 2009). Vol. 8 (15). M., 2009. P. 107—111.*}

Зализняк 2013 — Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 32—51. {*Zalizniak Anna A. Semantic shift as an object of typology // Voprosy jazykoznanija. 2013, 2. P. 32—51.*}

Зализняк 2018 — Зализняк Анна А. Каталог семантических переходов: 20 лет спустя // Russian Journal of Linguistics. 2018, 4. P. 770—787. {*Zalizniak Anna A. The catalogue of semantic shifts: 20 years later // Russian Journal of Linguistics. 2018, 4. P. 770—787.*}

Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010. {*Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect). Ekaterinburg, 2010.*}

Клапрот камас. — Словарь камасинского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Kamas, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот нен. обдор. — Словарь обдорского диалекта ненецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Obdorsk dialect of Nenets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот нен. пустозер. — Словарь пустозерского диалекта ненецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Pustozersk dialect of Nenets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот нен. юрак. — Словарь юракского диалекта ненецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Yurak dialect of Nenets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот сельк. карасин. — Словарь карасинского диалекта селькупского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Karasino dialect of Selkup, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот сельк. томск. — Словарь томского диалекта селькупского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Tomsk dialect of Selkup, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот тавг. — Словарь тавгийского диалекта нганасанского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Tavgi dialect of Nganasan, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот тайг. — Словарь тайгийского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Taigi, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот эн. турухан. — Словарь туруханского диалекта энецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Turuchan dialect of Enets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот эн. мангаз. — Словарь мангазейского диалекта энецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Mangazeya dialect of Enets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Коряков 2018 — Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018, 4. С. 156—217. {Koryakov Yu. B. “Language vs. dialect” question and the Samoyedic languages // Ural-Altaic studies. 2018, 4. P. 156—217.}

Костеркина и др. 2001 — Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова; В. Ю. Гусев — отв. ред. СПб., 2001. {Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary / N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde, T. Yu. Zhdanova; edited by V. Yu. Gusev. SPb., 2001.}

Крымско-татарско-русский словарь 1902 — Крымско-татарско-русский словарь, 1902, и Русско-татарский (крымско-татарский), 1906. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Crimean Tatar — Russian dictionary, 1902, and Russian-Tatar (Crimean Tatar), 1906.}

Мызников 2004 — Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. {Myznikov S. A. Lexis of Finni-Ugric origin in Russian dialects of the North-West. Etymological and language geographical analysis. SPb., 2004.}

Народы Сибири — Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. — Л., 1956. {Peoples of Siberia. Ethnographical surveys / Eds. M. G. Levin, L. P. Potapov. M. — L., 1956.}

Норманская 2005 — Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005. {Normanskaya Yu. V. Genesis and evolution of colour systems in Indo-European languages. M., 2005.}

Норманская 2006 — Норманская Ю. В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюрка. М., 2006. С. 387—436. {Normanskaya Yu. V. Vegetation. Trees and bushes. A geographical allocation of the Turkic homeland by floral lexis data // A comparative-historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language. A Proto-Turk's worldview. M., 2006. P. 387—436.}

Норманская 2008a — Норманская Ю. В. Этимологии названий снега в сибирских (уральских и тюркских) языках // Сборник статей Всероссийской конференции «Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрытова, В. М. Надеяев». Новосибирск, 2008. {Normanskaya Yu. V. Etymology of snow nomenclature in Siberian (Uralic and Turkic) languages // Proceedings of All-Russian conference “Enthusiasts of Siberian philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev”. Novosibirsk, 2008.}

Норманская 2008b — Норманская Ю. В. Реконструкция пратюркской системы названий климатических явлений и ее анализ с точки зрения диахронической лексической типологии // Природное окружение и материальная культура пратюркского этноса. М., 2008. С. 68—100. {Normanskaya Yu. V. A reconstruction of Proto-Turkic system of names for climate phenomena and its analysis from the view of diachronical lexical typology // Natural surroundings and material culture of the Proto-Turkic ethnos. M., 2008. P. 68—100.}

Норманская 2008с — Норманская Ю. В. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинноугорского, прафиннопермского, праугорского, прафинноволжского) // Аспекты компаративистики. Orientalia et Classica. 2008, 3. С. 679—734. {Normanskaya Yu. V. A reconstruction of plant nomenclature in the Uralic languages and verification of placing homelands of the Uralic Proto-languages (Proto-Uralic, Proto-Samoyed, Proto-Finno-Ugric, Proto-Finno-Permic, Proto-Ugric, Proto-Finno-Volgaic) // Aspects of comparative studies. Orientalia et Classica. 2008, 3. P. 679—734.}

Норманская 2008d — Норманская Ю. В. Анализ некоторых условий появления многозначности на материале названий метеорологических явлений в тюркских и уральских языках // Аспекты алтаистики. 2008, 4. {*Normanskaya Yu. V. Analysis of some conditions for appearance of polysemy based on the names of meteorological phenomena in Turkic and Uralic languages // Aspects of Altaic studies. 2008, 4.*}

Норманская 2010 — Норманская Ю. В. Происхождение оленеводства у хантов (Комментарии к статье Онин С. В. Лексико-семантические группы названий оленей) // Урало-алтайские исследования. 2010, 2. С. 79—85. {*Normanskaya Yu. V. Origins of Khanty reindeer breeding (A commentary on the paper by Onina S. V. Lexico-semantic groups of reindeer names) // Ural-Altai studies. 2010, 2. P. 79—85.*}

Норманская 2015 — Норманская Ю. В. Условия семантических переходов в названиях рыб и птиц (на материале уральских и тюркских языков) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Том 13. Вып. 1. С. 21—35. {*Normanskaya Yu. V. Conditions for semantic shifts in the names of fish and birds (based on the Uralic and Turkic languages) // Novosibirsk State University Bulletin. Linguistics and intercultural communication series. 2015. Vol. 13. Iss. 1. P. 21—35.*}

Норманская, Дыбо 2010 — Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. М., 2010. {*Normanskaya Yu. V., Dybo A. V. Thesaurus. Lexicon of natural surroundings in the Uralic languages. M., 2010.*}

Норманская, Красикова 2009 — Норманская Ю. В., Красикова Н. Л. Некоторые причины семантических изменений (на материале генезиса и развития системы глаголов плавания в селькупском языке) // Урало-алтайские исследования. 2009, 1. С. 49—60. {*Normanskaya Yu. V., Krasikova N. L. Some reasons of the semantic changes (on the material of genesis and development of the verbs of swimming in Selkup language) // Ural-Altai studies. 2009, 1. P. 49—60.*}

Письм. корпус тат. яз. — Письменный корпус современного татарского языка. <http://www.corpus.tatar/> {Written corpus of contemporary Tatar.}

Пчелинцев, Дыбо — Пчелинцев Д. М., Дыбо А. В. Словарь кунгуртугского говора тувинского языка. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {*Pchelintsev D. M., Dybo A. V. Dictionary of Kungurtug dialect of Tuvan.*}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М., 2001. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Lexicon. 2nd edition, extended. M., 2001.}

Сл. верхнетолькин. диал. сельк. яз. — Словарь верхнетолькинского (северного) диалекта селькупского языка (собран от Кунина И. В., Быстринка 2011). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Upper Tolka dialect of Selkup (from Kunin I. V., Bystrinka 2011).}

Сл. волж. диал. мар. яз. — Словарь волжского диалекта марийского языка. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Volga dialect of Mari.}

Сл. нарым. диал. сельк. яз. — Словарь нарымского диалекта селькупского языка (И. А. Коробейникова). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Narym dialect of Selkup (I. A. Korobeynikova).}

Сл. нарын. диал. тув. яз. — Пчелинцев Д. М., Дыбо А. В. Словарь нарынского диалекта тувинского языка (информант Мадыр-оол Кежиктиг). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {*Pchelintsev D. M., Dybo A. V. Dictionary of Naryn dialect of Tuvan (native speaker Madyr-ool Kezhiktig).*}

Сл. низям. диал. хант. яз. — Словарь низямского диалекта хантыйского языка. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Nizyam dialect of Khanty.}

Сл. тогур. гов. сельк. яз. — Словарь тогурского говора селькупского языка (идиолект Феоны Федоровны Тобольжиной). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Togur dialect of Selkup (idiolect of Feona Fedorovna Tobolzhina).}

Сл. юконд. диал. манс. яз. — Словарь юкондинского диалекта мансийского языка. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Yukonda dialect of Mansi.}

Словарь вадеевского диалекта — Словарь вадеевского диалекта нганасанского языка 1970-х годов (с. Кресты). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Vadeyev dialect of Nganasan of 1970s (village Kresty).}

Словарь гыданского диалекта тундрового ненецкого языка. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Gyda dialect of Tundra Nenets.}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, П. П. Андадикова). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Balykcha, P. P. Andadikova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, Мария). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Balykcha, Maria).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Б. Г. Дадьянова). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, B. G. Dadyanova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. П. Минчинова). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, A. P. Minchinova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. И. Садуков). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, A. I. Sadukov).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Т. И. Садукова). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, T. I. Sadukova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Н. В. Сосова). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, N. V. Sosova).}

Словарь тубаларского идиома, говор нп Усть-Пыжа. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Tubalar (Ust'-Pyzha).}

Словарь усть-авамского диалекта 1970-е — Словарь усть-авамского диалекта нганасанского языка 1970-х годов (Е. Н. Совалова). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Ust-Avam dialect of Nganasan 1970s (E. N. Sovalova).}

Словарь усть-авамского диалекта 2014 — Словарь усть-авамского диалекта нганасанского языка 2014 (Волочанка). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Ust-Avam dialect of Nganasan 2014 (Volochnanka).}

Словарь усть-канского говора — Словарь усть-канского говора диалекта алтай-кижи алтайского языка (г. Горно-Алтайск, Надя). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Dictionary of Ust-Kan dialect of Altai-Kizhi, Altay (Gorno-Altaysk, Nadya).}

Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий: Пособие для уч-ся нач. шк. СПб., 2001. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets-Russian and Russian-Enets dictionary: A reference for primary schools. SPb., 2001.}

Сорокина, Болина 2009 — Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком: около 8 000 слов / *И. П. Сорокина, Д. С. Болина.* СПб., 2009. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets dictionary with a short grammatical survey. SPb., 2009.}

Среднечулымский язык — *Савельев А. В.* Среднечулымский язык (мелетский диалект, К. П. Сергеева). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {*Savel'yev A. V.* Middle-Chulyum language (Melet dialect, K. P. Sergeeva).}

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24—46), С. А. Мызников (вып. 47—49). Л., СПб., 1966—2016. {Dictionary of Russian dialects / Ed. by F. P. Filin (vol. 1—23), F. P. Sorokoletov (vol. 24—46), S. A. Muznikov (vol. 47—49). L., SPb., 1966—2016.}

Терентьев 1999 — *Терентьев В. А.* Древнейшие тюркско-самодийские языковые контакты // JSFOu. 1999, 88. С. 173—200. {*Terentyev V. A.* The earliest Turkic-Samoyed language contacts // JSFOu 1999, 88. P. 173—200.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}

ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. В 2-х томах / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1—2. Л., 1975—1977. {A comparative dictionary Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary / Ed. by V. I. Tsintsius. Vol. 1—2. L., 1975—1977.}

Хелимский 1982 — *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация. М., 1982. {*Helimski E. A.* The earliest Hungarian-Samoyed linguistic parallels. Linguistic and ethnogenetic interpretation. M., 1982.}

Хелимский 2007 — *Хелимский Е. А.* Северноселькупский словарь. Hamburg, 2007. {*Helimski E. A.* Northern Selkup dictionary. Hamburg, 2007.}

Хелимский Нганасанский словарь — *Хелимский Е. А.* Материалы к словарю нганасанского языка (неопубликованная работа) {*Helimski E. A.* Materials for the Nganasan dictionary (unpublished).}

Хелимский Энецкий словарь — *Хелимский Е. А.* Материалы к словарю энецкого языка (с дополнениями А. Урманчиевой по лесному диалекту) // <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/download/helimski-enzisch.zip>, 2018. {*Helimski E. A.* Materials for the Enets dictionary (with additions by A. Urmantchieva on the Forest dialect) // <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/download/helimski-enzisch.zip>, 2018.}

Шеймович и др. — *Шеймович А. В., Бронникова Д. К., Пчелинцев Д. М.* Словарь эрзинского диалекта тувинского языка (quasisymphonia). <http://lingvodoc.ispras.ru/> {*Sheymovich A. V., Bronnikova D. K., Pchelintsev D. M.* Dictionary of Erzin dialect of Tuvan (quasisymphonia)}

ЭСТЯ — *Севортыан Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—1980. Т. I—III; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севортыан, Л. С. Левитская. М., 1989 [Т. IV]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997 [Т. V]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000 [Т. VI]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. Ъ., 2003 [VII]. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. M., 1974—2003. Vol. 1—7. Authors: Sevortyan E. V. (Vol. 1—3), Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. (Vol. 4), Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. (Vol. 5—6), Levitskaya L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Potse-luevskiy E. A. (Vol. 7).}

Эуштинский диалект сибирско-татарского языка. <http://lingvodoc.ispras.ru/> {Eushta dialect of Siberian Tatar.}

CLICS — *List J.-M., Greenhill S., Anderson C., Mayer T., Tresoldi T., Forkel R.* (eds.) Database of Cross-Linguistic Colexifications. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History // <http://clics.clld.org>, 2018.

Croft et al. 2009 — *Croft W., Beckner C., Suttan L., Wilkins J., Bhattacharya T., Hruschka D.* Quantifying semantic shift for reconstructing language families. Talk held at the 83rd Annual Meeting of the Linguistic Society of America. 2009.

Dellert 2014 — *Dellert J.* Evaluating Cross-Linguistic Polysemies as a Model of Semantic Change for Cognate Finding. Workshop on semantic technologies for research in the humanities and social sciences (STRiX). November 24—25 2014, Gothenburg, Sweden.

Dubrovskaya 2014 — *Dubrovskaya N. V.* The peculiarities of semantic derivation of noun structure in Selkup // *Ural-Altaic studies*. 2014, 1. P. 44—57.

Dybo 1995 — *Dybo A.* Die Namen des Zeigefingers in den Türk- und den altaischen Sprachen // *Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen: Beiträge des Internationalen Symposiums Berlin, 7. bis 10. Juli 1992 (Turcologica, Band 26)*, Harrassowitz Verlag 1995. S. 17—43.

Dybo 2013 — *Dybo A.* Language and archeology: some methodological problems. 1. Indo-European and Altaic landscapes // *Journal of Language Relationship*. 2013, 9. P. 69—92.

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological dictionary of Altaic language. Leiden, 2003.

Gast, Koptjetskaja-Tamm 2018 — *Gast V., Koptjevskaja-Tamm M.* The areal factor in lexical typology: some evidence from lexical databases // *Aspects of linguistic variation / Ed. Olmen D. V., Mortelmans T., Brisard F.* Aspects of linguistic variation. Berlin, 2018. P. 43—81.

Helinski 1997 — *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Szeged, 1997.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Kamassisches Wörterbuch — *Donner K., Joki A.* Kai Donners Kamassisches Wörterbuch: nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 8.) Helsinki, 1944.

Kassian et al. 2010 — *Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V.* The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // *Journal of Language Relationship*. 2010, 4. P. 46—89.

Münch, Dellert 2015 — *Münch A., Dellert J.* Evaluating the Potential of a Large-Scale Polysemy Network as a Model of Plausible Semantic Shifts // 6th Conference on Quantitative Investigations in Theoretical Linguistics (QITL-6). November 4-6 2015, Tübingen, Germany (supplementary materials).

Rzymiski et al. 2020 — *Rzymiski C., Tresoldi T., Greenhill S. J.* The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies // *Sci Data*. 2020, 7. P. 1—12.

Swadesh 1952 — *Swadesh M.* Lexico-statistical dating of prehistoric ethnic contacts // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1952, 96. P. 452—463.

Swadesh 1955 — *Swadesh M.* Towards greater accuracy in lexicostatistic dating // *International Journal of American Linguistics*. 1955. Vol. 21, 2. P. 121—137.

UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Vanhove 2008 — From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. *Vanhove M.* Amsterdam — Philadelphia, 2008.

Weinreich 1953 — *Weinreich U.* Languages in contact: Findings and problems. The Hague, 1953.

Witkowski, Brown 1985 — *Witkowski S., Brown C.* Climate, clothing, and body-part nomenclature // *Ethnology*. 1985, 24. P. 197—214.

Zhivlov 2019 — *Zhivlov M.* Areal polysemy 'earth/year' in North American languages: historical implications // *Этнография / Ethnografia*. 2019, 3. P. 167—180.

Август Альквист: трудности этнолингвистического перехода

Загребин Алексей Егорович, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);
Институт этнологии и антропологии РАН (Москва); zagrebae72@gmail.com

Будучи одной из ключевых фигур в финском, финно-угорском и урало-алтайском языкознании второй половины XIX в., Август Энгельбрехт Альквист (1826—1889) долго оставался в тени получивших большую известность исследователей.

А. Э. Альквист сформировался как ученый, политический деятель и литератор под влиянием движения национального пробуждения финнов. Его наставниками были основатель финской философской школы И. В. Снелльман, составитель карело-финского эпоса «Калевала» Э. Лённрот и поэт-романтик И. Л. Рунеберг. Свои первые экспедиции в 1845—1855 гг. А. Альквист провел, записывая рунические стихи, лирические песни, собирая образцы речи и делая этнографические наблюдения среди финнов, карел, води, эстонцев и вепсов. Следующие три года он был в Среднем Поволжье и Западной Сибири, изучая языки и образ жизни чувашей, мордвы, марийцев, манси и хантов. Передовые идеи и опыт полевых исследований позволили ему в 1863 г. стать профессором финского языка и литературы Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе. Его книга о «культурных словах» в западно-финских языках еще более сблизила лингвистику и этнографию. За заслуги в деле изучения финно-угорских народов А. Альквист был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Продолжая полевые исследования в 1877 и 1880 гг., он вновь побывал у хантов и манси, издав свои этнографические записки отдельным томом. Вместе с единомышленниками — О. Доннером и Й. Р. Аспелином — в 1883 г. учредил Финно-Угорское Общество, а в следующем году был избран ректором университета в Гельсингфорсе.

А. Э. Альквист стал связующим звеном между прошлым и будущим финно-угорских исследований и одним из создателей финского литературного языка. Не менее значимы его этнографические наблюдения, способствовавшие выделению финно-угорской этнографии в самостоятельную отрасль научного знания.

Ключевые слова: А. Э. Альквист, фольклор, финский язык, экспедиции, финно-угорские народы

AUGUST AHLQVIST: DIFFICULTIES OF ETHNOLINGUISTIC TRANSITION

Aleksei Ye. Zagrebin, Udmurt Institute of the History, Language and Literature UdmFRC Ubr of the RAS (Izhevsk);
Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow); zagrebae72@gmail.com

August Engelbrecht Ahlqvist (1826—1889) was a key figure in the Finnish, Finno-Ugric and Ural-Altai linguistics of the second half of the 19th century who remained in the shadow of other well-known researchers for a long time.

A. Ahlqvist formed as a scholar, political figure and writer under the influence of the Finnish national awakening movement. J. V. Snellman, the founder of the Finnish philosophy school, E. Lönnroth, the compiler of the epic poem “Kalevala”, and the romantic poet J. L. Runeberg were among his mentors. A. Ahlqvist spent his first expeditions in 1845—1855 taking down runic poems, lyrical songs, collecting speech samples, and making ethnographic observations among the Finns, Karelians, Vods, Estonians and Veps. For the next three years he studied the languages and lifestyles of the Chuvash, Mordvins, Mari, Mansi, and Khants in the Middle Volga region and Western Siberia. His advanced ideas and field work experience allowed him to become a Professor of the Finnish language and literature at the Imperial Alexander University in Helsingfors in 1863. His book on “cultural words” in the Western Finnish languages brought linguistics and ethnography closer together. A. Ahlqvist was elected a corresponding member of the Imperial Saint-Petersburg Academy of Sciences in recognition of his achievements in the study of the Finno-Ugric peoples. Continuing his field research in 1877 and 1880, he visited the Khants and Mansi again, publishing his ethnographic notes in a separate volume. A. Ahlqvist founded the Finno-Ugric Society together with like-minded O. Donner and J. R. Aspelin in 1883, and the following year he was elected the Rector of the University in Helsingfors.

A. Ahlqvist linked the past and future of the Finno-Ugric studies; he became one of the Finnish literary language creators. No less significant are A. Ahlqvist’s ethnographic observations, which contributed to establishing Finno-Ugric ethnography as an academic discipline.

Keywords: A. E. Ahlqvist, folklore, Finnish language, expedition, Finno-Ugric people

В истории науки одно из любопытных состояний связано с периодами, когда «старое» еще не ушло окончательно, а «новое» уже начинало проявлять себя. Не менее интересно в таких случаях, кто персонально брал на себя функцию интеллектуального транзита, чья наследие первопроходцев, с которыми, как правило, был знаком лично, и одновременно открывал дорогу будущей генерации, к становлению которой сам прикладывал усилия. Думается, что в финно-угорском языкознании такой фигурой, обеспечившей переход от романтики первых экспедиций к практикам младограмматизма, был А. Э. Альквист. В свое время ему удалось направить общественные настроения, взаимоотношения ученого мира с властью и собственно научные поиски по пути развития родного языка и изучения родственных финнам языков и народов.

Проблемы строительства финского литературного языка, изучения заимствованных слов в лексике западно-финских языков, борьбы за социальное равенство финского языка не раз рассматривались в историографической литературе [Itkonen 1961; Korhonen 1986; Stipa 1990; Хайду 1985]. Целью настоящей статьи является знакомство с идеями, трудами, размышлениями, суждениями человека, находившегося внутри вышеназванных процессов и во многом их инициировавших.

Рождение фенномана

Август (при крещении Карл Август Энгельбрехт) Альквист родился 7 августа 1826 г. в историческом центре Саво(лакса) г. Куопио. Драма рождения состояла в том, что его родителями были недавний выпускник Финляндского кадетского корпуса подпоручик И. М. Норденстам и служанка М. А. Альквист (урожденная Киннунен) [Korhonen 1986: 79]. Генерал-майор Норденстам вернулся в родные места, когда юный Альквист достиг совершеннолетия. Они встретятся в Гельсингфорсе в Императорском Александровском университете, где отец — ветеран Кавказской войны и нюландский губернатор — будет вице-канцлером, а его внебрачный сын — студентом и поэтом.

До этого момента жизнь А. Альквиста была связана с озерным краем, где среди множества водоемов главенствовало о. Сайма, а на осеннюю и зимнюю ярмарки в Куопио съезжались крестьяне из Саво, Карелии и даже из Хямя. В такие дни шведоязычный город наполнялся финской речью — языком его матери, там же он первый раз услышал русские слова и выражения от бродячих торговцев и барышников, продающих лошадей.

Революция в его сознании, очевидно, случилась в 1843 г., когда в школе появился новый директор — И. В. Снелльман, набирающий популярность философ, в недавнем прошлом лидер студенческих союзов Финляндии, вернувшийся из длительной поездки по университетам Скандинавии и Центральной Европы. Его приезд в провинциальный город был связан с невозможностью самореализации в Гельсингфорсе, где Снелльману отказали в месте редактора столичной газеты, тогда как в г. Куопио открылась перспектива издания своей периодики. В январе 1844 г. увидел свет первый номер газеты «Saima» [Карху 1979: 225]. Среди ее авторов был старшекласник Альквист, писавший под псевдонимом А. Оксанен. Выбор финского имени в газете, выходящей на шведском языке, был сродни личному манифесту. Хотя и редактор в своих колонках прямо или косвенно отмечал, что духовный водораздел в финляндском обществе проходит в области языка: знатные и образованные говорят на своем и о своем, а простой народ — по-своему и про себя. Нужно было искать общие факторы, объединяющие жителей Великого княжества Финляндского, поэтому одновременно с городской газетой они начали печатать «Maamiehen Ystävä» («Друг крестьянина») на финском языке [Fewster 2006: 116—120]. Говоря о пользе образования, новых методах ведения сельского хозяйства, редактор исподволь транслировал мысли о необходимости скорейшего освобождения от оков прошлого, развития промышленности и современных общественных институтов.

А. Альквист в целом разделял идеи директора; единственно, его смущали те пункты «программы», что зывали к решительному отказу от старого в пользу всепобеждающего прогресса. Ему были ближе чувства однокашника Снелльмана по учебе в Императорской академии г. Або И. Л. Рунеберга, высказанные в поэмах «Крестьянин Пааво» и «Охотники на лосей», воспевавших неутомимую борьбу людей за выживание в суровом северном крае. Сюжеты о финнах, «сеющих и пахущих» на не самой плодородной земле, не раз появятся в собственных поэтических опытах Альквиста [Säkeniä 1863].

Почвенные чувства А. Альквиста укрепятся еще больше после знакомства в 1844 г. с другим университетским приятелем Снелльмана — доктором Э. Лённротом из Каяани, составившим карело-финский эпос «Калевала» и антологию финской народной лирики «Кантелетар» на основе полевых записей, сделанных им за годы практики в местностях, где на многие версты он был единственным врачомателем своих рунопевцев — крестьян и промысловиков [Карху 1996]. Весной следующего года он поедет с матерью на каникулы в живущий патриархальными устоями г. Липери, а в августе, перед отъездом на учебу, будет с товарищами совершенствовать финский язык, живя в деревне.

В 1847 г. А. Альквист с единомышленниками Д. Е. Д. Европеусом и П. Тикканеном начнет выпускать газету на финском языке «Suometar», в которой будет рассказывать читателям — простым финнам о достоинствах и богатствах страны, об истории ее областей, о поездках за древними рунами, одновременно занимаясь словотворчеством и разрабатывая нормы литературного языка¹. Пройдут годы, но теплое отношение к родному краю не ослабнет, и в 1852 г. А. Оксанен напишет «Песню Саво» как гимн во славу родной земли и земляков. Сделанный в юности выбор в пользу финской идентичности предопределяет политические взгляды Альквиста, ставшего одним из лидеров фенноманского движения. Правда, «вторая половина» его мировоззрения выразится в позитивном отношении к роли шведского языка и культуры в становлении будущей нации, с чем согласятся не все.

В поисках своей «Калевалы»

Осенью 1845 г. А. Альквист был зачислен в Императорский Александровский университет и по правилу, которому следовало большинство младшекурсников, начал с изучения классических языков и истории. Однако большая часть его студенческой жизни проходила среди товарищей из землячеств Саво и Карелии, умы которых во многом занимал волшебный мир «Калевалы». Так, например, они решили представлять сюжеты о Вяйнямёйнене и Ильмаринене на ежегодном празднике землячеств [Haltsonen 1955: 106]. В первый же год учебы в Гельсингфорсе он был принят в члены Финского Литературного Общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), поощрявшего деятельность, направленную на изучение народной поэзии и народного быта [Vuorela 1957: 6]. Летние каникулы 1846 г. Альквист провел в своей первой экспедиции, получив стипендию Общества в 50 руб. серебром и отправившись собирать фольклор сначала в Остроботнии, затем в Северной Карелии.

Исписав по пути несколько объемистых записных книжек, он сосредоточился на поиске рунических стихов, сказок, плачей и местных легенд². Новаторством А. Альквиста было то, что в ходе записи он не отвергал современной лирики, что бытовала параллельно с древней народнопоэтической традицией. Желая убедиться в безошибочности сделанных записей, двадцатилетний собиратель отправил заполненные полевые тетради Э. Лённроту, в котором видел не только первооткрывателя «Калевалы», но скорее старшего товарища, способного указать ему верную дорогу. В сопроводительном письме к посылке Альквист писал, что не уверен, будет ли какая-нибудь польза от его стараний для поэтической литературы, но счастье уже в том, что он стал более знаком с языком и самим народом, а «слух стал больше склонен к стихотворению» [Haltsonen 1955: 107]. В 1847 г. он поехал на встречу с Лённротом, чтобы познакомиться с жизнью в Кайнуу и пограничной Карелии, — туда, где черпал вдохновение наставник. Может быть, там, еще студентом, он задумался об истоках и природе калевальских рун, чему в зрелые годы посвятил отдельную работу³. Тем летом Альквист посетил и своего поэтического кумира — И. Л. Рунеберга, незадолго до того получившего место учителя в городской школе Борго.

Так три университетских друга — И. В. Снелльман, Э. Лённрот и И. Л. Рунеберг, ставшие «отцами-основателями» формирующейся нации, каждый по-своему повлияли на А. Альквиста. Он был их «резким, порывистым и противоречивым» продолжением, в котором боролись такие разные черты характера, как неутомимая трудоспособность, идейная преданность фенномании, порой переходящая в неготовность

¹ В пореформенные годы среди сельского населения и финноязычной разночинной интеллигенции выросло влияние фенноманов, выступавших за равноправие финского и шведского языков в системе образования и в государственном управлении. Фенноманское движение пользовалось пониманием имперских властей, опасавшихся укрепления прошведских настроений в приграничном регионе. В те годы в финляндском политическом лексиконе появился особый термин — «Suomettarelaisuus» (от Suometar — Финляндка, или Дочь Финляндии), отражающий идеологию «умиротворения» и гражданского порядка, понимаемых как долг благодарности короне за предоставленные финнам возможности национального развития [Liikanen 1995: 350—354].

² В компании со своим студенческим товарищем А. Аспелундом в июне 1846 г. А. Альквист отплыл на лодке из г. Липери, где по существу началась полевая работа. Как он запишет в дневнике: «На закате я сижу на берегу реки Тайпале, приехав в Комперо из Кеттулы, где молодая Мария Нирианен поет свои песни и плачи. Ночь прекрасна. На этих берегах я приобрел самое лучшее свое имение, эти леса, эти прекрасные луга. Полдень. Я в доме любезного хозяина лесопилки Сёдерхольма. Итак, это был первый день, когда я собирал стихи. Удачи тебе, Август!». Цит. по: [Haltsonen 1954: 18].

³ В последнем труде А. Альквист высказался по двум ключевым дискуссионным вопросам — о месте зарождения калевальского рунического стиха и о его природе. По его мнению, именно Карелия является родиной эпических сказаний, а сами руны имеют скорее исторический, нежели мифологический характер. См.: [Ahqvist 1886; Алквист 2016].

принять иную точку зрения, и стремление к единению всех заинтересованных в развитии родного края. Окончательно научные предпочтения Альквиста определились в 1850 г., когда в университете была учреждена кафедра финского языка и литературы, а профессорскую должность получил овеянный славой путешественник М. А. Кастрен, значительную часть жизни проведший в экспедициях к родственным финнам народам [Rapola 1952: 16]. В лекциях Кастрена открывались неведомые пространства Севера, где на урало-алтайских перекрестках предстояло искать следы прародины и изначальной культуры.

Восприняв идею дальних научных поездок как важную перспективу, А. Альквист тем не менее сосредоточился на истории трудов пионеров финского языкознания. В 1852 г. историографическая канва привела его к защите лицензиатской работы о языковых материалах, собранных в период, предшествовавший научной деятельности основателя финляндских гуманитарных наук профессора Х. Г. Портана [Ahlqvist 1854]. Далее ему вновь захотелось пройти «калевальскими тропами», и весной 1854 г. Альквист отправился записывать народные сказания в Выборгской губернии и далее в Ингерманландии.

Апробируя методику полевой работы, лето 1854 г. А. Альквист провел в д. Каттила (русс. Котлы), где занимался изучением языка и обычаев води. Там ему посчастливилось застать в живых пожилую рунопевицу — Анну Ивановну, с которой работал пионер венгерского финно-угроведения А. Регули [Haltsonen 1958: 270]. В 1844 г. к ней приезжал Э. Лённрот. Следуя его примеру, Альквист стремился побывать и в соседних уездах с компактным эстонским населением, язык и народная поэзия которых могли дать ему необходимый сравнительный материал⁴. Проехав через Ревель в южную Эстонию, он остановился в университетском городе Дерпте, погрузившись в фольклорные собрания библиотеки и общаясь с членами местного ученого общества. Среди них был доктор Ф. Р. Крейцвальд — составитель эстонского эпоса «Калевипоэг» [Haltsonen 1961: 64]. На Рождество Альквист приехал в Санкт-Петербург, где надеялся встретиться со своим выдающимся земляком — академиком А. И. Шёгреном, почти сорок лет назад начавшим изучать финноязычное население Ингерманландии [Haltsonen 1956: 208]. Но Шёгрэн скоропостижно скончался. Молодому ученому было бы трудно найти другого такого эксперта, если бы не знакомство с академиком А. Шифнером, начавшим в то время заниматься экспедиционными материалами М. А. Кастрена. Еще одной сложной задачей, что поставил себе Альквист, значилось совершенствование русского языка, без которого дальнейшее движение на Восток было бы крайне затруднительно.

Следующей зимой А. Альквист вновь был у вожан. В результате им была написана и опубликована «Водская грамматика с текстами и словарем» [Ahlqvist 1856]. Весной 1855 г. он ездил к шелтозерским и шимозерским вепсам, собрав грамматические, текстовые и словарные материалы, дополнявшие сведения, почерпнутые здесь до него Э. Лённротом. В судьбе самого Лённрота тогда произошел крутой поворот, заставивший его расстаться с профессией врача, покинуть ставший родным г. Кааяни, чтобы принять кафедру финского языка и литературы, освободившуюся после кончины в 1853 г. измученного чашоткой профессора Кастрена. Тем временем Альквист проехал от вепсов в Петрозаводск, где, помимо приведения в порядок своих записей, серьезно практиковал русский язык [Korhonen 1986: 80]. К осени 1855 г. он вернулся в Гельсингфорс: там уже пошло на спад военное напряжение, вызванное присутствием англо-французского флота в балтийской акватории.

В преддверии тридцатилетия А. Альквист начал готовиться к дальнему научному путешествию в те пределы, куда до него добирались только пионеры финно-угроведения — А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен и А. Регули. Дополнительную уверенность внушала Александровская университетская стипендия, которая позволяла в течение трех лет вести исследования на широком поле, вплоть до Урала и Сибири.

По восточной России

Время хождения «тропой Лённрота» было исчерпано; понимая это, А. Альквист был обязан выстроить собственную парадигму полевых работ, а по большому счету, всю дальнейшую научную карьеру. Отправной мотивацией для него стал своеобразный «анти-Кастрен», когда дорога к профессиональному признанию как исследователя родственных финнам народов должна была пролечь через области, не затронутые либо фрагментарно рассмотренные легендарным ученым⁵. Одной из таких лакун был про-

⁴ Надеясь на денежную субсидию от университета, А. Альквист писал вице-канцлеру И. М. Норденстаму, что он в целом успешно изучал «южно-чудский, или водский, язык», но поскольку последний обнаруживает более тесные связи с эстонским, нежели с финским, его целью является более глубокое знакомство с эстонским языком, необходимым для дальнейшего изучения водского. После двух-трех месяцев в Эстонии он рассчитывает вернуться к работе среди вожан. См.: [Haltsonen 1961: 63].

⁵ А. Альквист отмечал: «При более точном изучении цели моей поездки показалось, что исследование чувашского языка должно стать моей первоочередной задачей. Происхождение чувашей покрыто туманностью, и в то

блемный вопрос о принадлежности чувашского языка и происхождении народа, будировавшийся в науке с эпохи великих академических экспедиций XVIII в. и актуализировавшийся вновь. И хотя в диссертации немецкого языковеда В. Шотта, атрибутировавшего язык чувашей как тюркский, казалось бы, была поставлена академическая точка, для финского ученого оставалось еще много неясного [Левитская 2014: 13—14]. Он хотел воспользоваться тем преимуществом, что предоставляла стипендия, — лично наблюдать и собирать.

Чувашская часть экспедиции А. Альтквиста по восточной России началась с Казани, куда он прибыл 21 марта 1856 г. и где с помощью одного церковного служителя-чуваши приступил к освоению лексического состава чувашского языка. В последних числах мая, переправившись через Волгу, он приехал в чувашские земли. Местом базовой стоянки на полтора месяца стало с. Ишаки, находившееся на стыке четырех уездов — Чебоксарского, Цивильского, Ядринского и Козьмодемьянского. По мнению знатоков, именно здесь язык чувашей сохранился в наиболее чистом виде. Рано наступившая летняя жара и бытовые условия, к которым он не привык, усугублялись отсутствием общества, поэтому в конце июля Альтквист отбыл в г. Козьмодемьянск. Ему повезло, что в этом уездном городе жили два человека, в совершенстве знавшие чувашский язык, — переводчик земского суда, первый чувашский историк, писатель и фольклорист С. М. Михайлов и священник Громов, составивший рукописный словарь чувашского языка. Занимаясь с ними, Альтквист параллельно записывал образцы горномарийского языка, ареал распространения которого здесь совпадал с чувашским [Ahlqvist 1857: 238]. В конце сентября он вернулся в Казань, чтобы упорядочить полевые материалы и глубже вникнуть в особенности языка местных татар. Думается, что это компаративное обстоятельство не в последнюю очередь укрепило его точку зрения о тюркском происхождении чувашского языка. Его совсем не смущало то, что в этнографическом отношении чуваша были явно более близки к соседним финноязычным народам, нежели чем к казанским татарам⁶. В дальнейшем он не оставлял тему, связанную с языковыми влияниями в региональном измерении, касалось ли это тюркских следов в марийском или в языках мордвы.

Зимой 1857 г. А. Альтквист начал мордовский этап экспедиции, но прежде задержался в Буинском уезде, дополнив свои материалы образцами низового диалекта чувашского языка. Далее маршрут поездки вел к мордве-мокше в Пензенскую и Тамбовскую губернии. Выбор им мокшанской тематики был обусловлен не только малой изученностью этого народа, но, возможно, и тем, что преемник А. И. Шёгренена по академической кафедре финских языков Ф. И. Видеман в это время разрабатывал темы, связанные с эрзянской грамматикой [Setälä 1905: 5]. В середине сентября Альтквист вернулся в Казань, чтобы в спокойной обстановке разобрать свои записи и подготовиться к долгой дороге в Сибирь. Но он не мог уехать, не разрешив для себя еще один спорный вопрос. Давно уже было известно, что в Тетюшском уезде Казанской губернии живет небольшой народ, именующий себя мордвой-каратаями. К ним в марте 1858 г. и направился Альтквист. Он надеялся на месте прояснить, как люди, говорящие на татарском языке и исповедующие православие, тем не менее считают себя мордвой [Мокшин 1993: 127]. По его мнению, сложившемуся в ходе наблюдений, каратаи являлись крещеными татарами, но впоследствии возобладала точка зрения, указывающая на их мордовское происхождение.

В конце мая 1858 г. А. Альтквист выехал из Казани в Тобольск. Его целью было изучение диалекта, бытующего в селениях манси на Пелыме и Сосьве. Затем с сентября по ноябрь он работал среди северных хантов в окрестностях Берёзова, откуда предпринял долгий и тяжелый переход до Обдорска. Но, не найдя существенных отличий в интересующих хантыйских говорах, и, очевидно, устав от бездорожья, холода и отсутствия привычной пищи, он вернулся в Берёзов. Более месяца занял обратный путь, и к началу нового 1859 г. Альтквист приехал в Гельсингфорс.

время как часть ученых причисляет их к финно-язычным народам, другие выдают их за настоящих соплеменников тюрков, не вдаваясь при этом в более подробное освещение языка, который больше, чем что-либо другое, может доказать родство. Данное обстоятельство и мое желание разрешить этот спорный вопрос послужат достаточным аргументом для моего оправдания, если я слишком отклонился от своей главной задачи. Но еще больше меня оправдывает то, что изучение чувашского языка связано с исследованием финских языков. Мы знаем, что чувашский язык граничит с севера с черемисским языком, а на юге с мордовскими языками. К тому же я еще раз имел возможность убедиться в том, что чувашский повлиял как на мордовский, так и на черемисский языки, и сам подвергся их влиянию. Итак, я могу утверждать, что изучением чувашского языка во время своей поездки я «убью двух зайцев одним выстрелом (ударом)». Цит. по: [Винклер 2009: 115—116].

⁶ А. Альтквист писал: «Раньше я вместе с Кастреном допускал, что чуваша — отатарившиеся черемисы. Тому причиной были большие сходства в традициях, в образе жизни и внешнем виде. Но они могут быть и влиянием длительного совместного проживания. Более близкое соприкосновение языков обоих народов было бы здесь решающим, но оно характеризуется множеством общих слов, являющихся по происхождению не финскими, а тюркскими, каковым является и весь чувашский язык». Цит. по: [Винклер 2009: 121].

Три года научного кочевания от берегов Эмайыги до Волги и Обской губы сделали его, пожалуй, самым осведомленным среди ученых, интересующихся языком и культурой родственных финнам и венграм народов России. Тем более, к тому времени из жизни уже ушли пионеры финно-угорских исследований — А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен и А. Регули. Сознвая важность скорейшей обработки собранных материалов, А. Альквист в короткие сроки подготовил и опубликовал работу, посвященную глагольной системе мокшанского языка, что позволило ему занять вакантную доцентуру по кафедре финского языка и литературы [Ahlqvist 1859a]. В том же году он выпустил сборник путевых наблюдений и воспоминаний об экспедициях по России, ставший настольной книгой для нескольких поколений финно-угроведов, готовящихся к полевым выездам [Ahlqvist 1859b]. Еще год ушел на анализ мокшанских собраний, завершившийся изданием монографии, удостоенной в 1862 г. академической Демидовской премии II степени [Ahlqvist 1861].

Культурные слова

Признание ученым сообществом сделанных А. Альквистом публикаций не сняло у него стойкого ощущения, что методологическое обеспечение устарело, особенно в части обработки полевых материалов. Он более не хотел опираться на стихийный эмпиризм и компаративные штудии, свойственные прежним временам, когда нужно было открывать и сепарировать крупные этноязыковые массивы. Нужны были инструменты, позволяющие проводить изучение собранных данных на качественно ином уровне, с выходом на новые горизонты познания. Филологические импульсы младограмматизма находились тогда в зачаточном виде, но идеи структуризации народных языков уже активно продвигались вперед процессами нациестроительства в Центральной и Восточной Европе [Kemiläinen 1989]. Фенноманскому мироощущению Альквиста импонировало то, что в Копенгагене, Берлине, Праге и Будапеште, где он побывал в 1861—1862 гг., наука и политика плотно сходились в вопросах языка и этничности. Ему запомнились слова поддержки, сказанные Я. Гриммом в отношении требований равных прав для чешского и венгерского языков [Tervonen 1985: 76]. Опыт борьбы за свой язык и трудные поиски идентичности сблизали финнов и «малые европейские нации» — это он тоже отчетливо понял.

Будапешт стал тем знаковым местом, где А. Альквист не просто встретил друзей и единомышленников, он вновь стал учиться. Общение с П. Хунфалви и молодым немецким лингвистом Й. Буденцем, приехавшим в венгерскую столицу заниматься сравнительным урало-алтайским языкознанием, скорректировало его взгляды на проблему определения родства народов. Знакомясь с трудами М. Фогеля, Ш. Дьярмати и других первопроходцев финно-угорских исследований, Альквист серьезно погрузился в вопросы историографии [Ahlqvist 1863a]. Как пишущий человек, он также хотел лучше узнать венгерских литераторов, чьи тексты владеют умами родственного народа, хотя, в свойственной ему критической манере, не преминул отметить избыток внешних эффектов в прочитанных произведениях [Tervonen 1985: 76]. Новые обстоятельства не позволили ему надолго оторваться от alma mater — Э. Лённрот объявил, что по истечении десятилетнего срока он оставит кафедру финского языка и литературы в надежде, что преемником станет его младший друг. В январе 1863 г. Альквист представил работу на соискание профессуры, посвятив ее анализу финской поэтики с лингвистической точки зрения [Ahlqvist 1863b]. В июле того же года он был утвержден профессором Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе.

А. Альквист наверняка сознавал, что успех кафедры во многом будет зависеть от его способности в относительно короткие сроки поставить ее на единый дисциплинарный уровень с устоявшимися университетскими институциями. Сделать это одними только рассказами о далеких и опасных путешествиях в поисках «золотого века» финнов или лекциями сугубо филологического свойства было бы затруднительно. Нужен был каркас, надежно связывающий мифологическое былое с этнографическим настоящим. В арсенале современной ему гуманитаристики имелись инструменты, позволяющие взглянуть на финно-угорский материал как на предмет, достойный теоретических конструкций.

Германия, лидировавшая в те годы по качеству моделей осмысления природных явлений и человеческих проявлений, не обманула ожидания А. Альквиста. Возможно, свою роль здесь сыграл обмен мнениями с Й. Буденцем, чьим учителем в Гёттингенском университете был Т. Бенфей — известный санскритолог и автор теории заимствований [Коккьяра 1960: 320—321]. В фольклористике, равно как и в других науках о духе, постепенно утверждалась идея миграции как основного двигателя прогресса. Перемещения людей по территории, рождение новых языков культуры тесно увязывались с тем наследием, что сохранялось в устной форме и материализовывалось в деятельности. Обретая землю, этнические группы не только эксплуатировали обнаруженные ресурсы, но одновременно осваивали занимаемое пространство с лингвистической точки зрения, опираясь на опыт прежней жизни и знания, полученные

в том числе от прежних насельников края. Если «школа Бенфея» по понятным причинам сосредотачивалась на возможностях перемещения сказочных сюжетов из Индии, то Альквиста больше занимал вопрос лексического сопровождения миграций применительно к этнокультурной истории финно-угорских народов.

Определив ареал своим размышлениям в контактной зоне западно-финских языков, А. Альквист мог опереться как на личный полевой опыт, так и на собрания нескольких поколений знатоков народной речи. Он был уверен, что заимствования культурных слов и понятий из одного языка в другой чаще всего свидетельствуют о переходе конкретных вещей, традиций и впечатлений от одного народа к другому. Таким образом, анализ лингвистических данных открывал окно возможностей для этнографии и в целом способствовал историческому пониманию изучаемого предмета. Опубликовав в первом варианте свою работу на шведском языке, через несколько лет Альквист издал ее немецкоязычную версию, получившую признание в ученых кругах [Ahlqvist 1871, 1875; Майков 1877]. Свидетельством тому стало избрание Альквиста членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по историко-филологическому отделению. В продолжение темы он предложил Финскому Научному Обществу специальный проект по «культурным словам» в тексте «Калевалы», реализованный в виде каталога, подобного тому, что впоследствии выпустит А. О. Хейкель по «вещному миру» карело-финского эпоса [Vuorela 1977: 40]. Альквист продолжил поиск взаимосвязей «слов, занятий и вещей» в обширной статье, посвященной обско-угорской лексической картине мира, опубликованной в журнале Финно-Угорского Общества после смерти ученого [Ahlqvist 1890]. Тем самым он сделал еще один шаг в сторону междисциплинарного понимания сущности этнических исследований, в которых изучение языка служит не самоцелью, а проводником к истории и культуре народа.

Сад родного языка

И. Кохтамяки, один из первых исследователей научного и литературного труда А. Альквиста, озаглавил свою книгу «Суровый садовник» [Kohtamäki 1956]. Дело в том, что, став профессором финского языка и литературы, Альквист принял на себя тяжкое бремя «законодателя», в сфере ответственности которого находился голос его народа. Для того, чтобы язык земли, на котором веками говорили лишь податные сословия, зазвучал в университете, в Сейме и на сцене, предстояло выполнить колоссальную по объему работу по его нормированию и обогащению лексического состава⁷. Приходилось быть судьей, отмечая неуместные диалектизмы и борясь с отжившими формами. Случалось спорить с теми, кто не разделял его мнения, и критиковать произведения, авторы которых не следовали установлениям. Безусловно, имели место перегибы, когда в борьбе за правила и стройность языковых рядов гибли не успешшие окрепнуть побеги.

Малоприятным эпизодом взаимоотношений с пишущими по-фински литераторами стала его затянувшаяся дискуссия с А. Киви, роман которого «Семеро братьев», несмотря на жесткие, местами язвительные оценки А. Альквиста, вскоре был признан классикой финской литературы⁸. Являя примеры обращения с народным языком, сам Альквист выпускал поэтические сборники, нередко печатался как журналист, переводил на финский Шиллера и Мольера [Schiefer 1988—1989: 292]. В 1871 г. по его инициативе был основан первый финский филологический журнал «Kieletär», а в 1876 г. — Общество родного языка (Kotikiellen Seura), объединившее всех радетелей «финскости», независимо от того, на каком языке они думали [Korhonen 1986: 84]. Эпоха либеральных реформ в империи способствовала общественной и педагогической деятельности Альквиста, увидевшего и использовавшего те возможности, что предоставляла ему должность профессора.

За годы работы в университете А. Альквист смог существенно укрепить авторитет кафедры финского языка и литературы за счет как повышения общей востребованности читаемых курсов, так и личных усилий. В частности, его дисциплины удалось перевести из разряда «по выбору» в группу обязательных

⁷ Обращаясь к образному языку народного слова, заключенному в финских пословицах и поговорках, А. Альквист, постепенно подходу к вопросам лингвистической структуризации, даже ввел в финский язык само понятие «структура» (rakennus) [Ahlqvist 1869a, б].

⁸ Оставаясь приверженцем словотворчества и выбора сюжетов, заложенных И. Л. Рунебергом, А. Альквист не принял идей реалистической литературы, настаивая, что финский народ, представленный А. Киви, в действительности совсем иной, точнее, такой, как его предки — добрые, благородные, трудолюбивые и нестяжательные поселяне, живущие плодами своей небогатой, но удивительно красивой земли. В своих оценках Альквист разошелся с И. В. Снелльманом, участвовавшим в написании предисловия к роману «Семеро братьев». См.: [Карху 1979: 236].

к изучению⁹. Ощукая себя финским филологом, он старался преподавать в сравнительном ключе, соотнося «финское» с «финно-угорским», чаще всего с западно-финскими этнолингвистическими параллелями [Ahlqvist 1869в]. Лекции по грамматике финского языка Альквист чередовал с занятиями по калевальской метрике, лексикологии прибалтийско-финских языков и спецкурсами по ливскому, вепсскому и мансийскому языкам. Иллюстрируя процесс словообразования, он использовал данные индоевропейской сравнительной лингвистики и финно-угорской этнографии. Этому эрудитскому подходу следовали затем его ученики [Joki 1977: 58]. Многие из них, по примеру учителя, успешно соединяли языковедение с этнографическими наблюдениями.

Снова в дорогу

Приближаясь к своему пятидесятилетию, А. Альквист решил вновь побывать в тех местах, где испытал наибольшие трудности в полевой работе, связанные с перемещением по тайге и тундре, и где приобрел опыт преодоления тех препятствий, что лежали на пути к информантам. В 1877 г. он работал среди северных хантов вблизи Берёзова и Обдорска, а также в д. Сартынья у сосьвинских манси. Его спутниками были студенты Э. Бём и Э. Э. Бергрот. В тот раз им не удалось добраться до поселений кондинских манси, и в 1880 г. Альквист решился на третью экспедицию в Сибирь в компании молодых ученых — зоолога Н. Сундмана и ботаника Э. А. Вайнио [Korhonen 1986: 84—85]. В ближайших планах была обработка и публикация обско-угорских материалов, подготовка которых велась им весьма интенсивно. По своему обыкновению, Альквист подготовил и опубликовал на немецком языке описание обско-угорских путешествий, опираясь на свои письма, путевые заметки и этнографические наблюдения, рассчитанные на широкий круг читателей¹⁰. Северо-хантыйские грамматические, текстовые и словарные материалы также увидели свет при жизни ученого, а мансийские собрания Альквиста вышли из печати в редакции финского лингвиста и фольклориста Ю. Вихмана [Ahlqvist 1891, 1894]. В самый разгар работы судьба внесла коррективы в, казалось, устоявшуюся жизнь профессора.

В 1884 г. коллеги избрали А. Альквиста ректором университета, вновь погрузив его в административную работу и политику. Тем не менее он рассчитывал по завершении ректорского срока отправиться маршрутом своей молодости к родственным народам по Восточной России. Не случилось. Пневмония забрала его поздней осенью 1889 года.

Литература

Алквист 1999 — *Алквист А.* Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с немец. и публик. Н. В. Лукиной. Томск, 1999. {*Ahlqvist A.* Among the Khanty and Mansi. Travel records and ethnographic notes / Transl. from German and published by N. V. Lukina. Tomsk, 1999.}

Алквист 2016 — *Алквист А.* Карельский характер «Калевалы»: на основании самой «Калевалы» и по другим источникам / пер. с фин. С. И. Зайкова. Петрозаводск, 2016. {*Ahlqvist A.* Karelian character of “Kalevala”: based on the “Kalevala” itself and other sources / Transl. from Finnish S. I. Zaikov. Petrozavodsk, 2016.}

Винклер 2009 — *Винклер Э.* Август Альквист как исследователь чувашского языка // Чувашский гуманитарный вестник. 2009, 4. С. 113—123. {*Winkler E.* August Ahlqvist as a researcher of the Chuvash language // Chuvash humanitarian Bulletin. 2009, 4. P. 113—123.}

Карху 1979 — *Карху Э. Г.* История литературы Финляндии от истоков до конца XIX в. Л., 1979. {*Karhu E. G.* History of Finnish literature from the beginning to the end of 19th century. Leningrad, 1979.}

Карху 1996 — *Карху Э. Г.* Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. {*Karhu E. G.* Elias Lönnrot. Life and work. Petrozavodsk, 1996.}

Клинге 1990 — *Клинге М.* Очерк истории Финляндии. Кеуруу, 1990. {*Klinge M.* The outline of the History of Finland. Keuruu, 1990.}

⁹ В 1863 г. решением императора Александра II финский язык был признан языком органов управления и суда на территории Великого княжества Финляндского, что знаменовало начало эры языкового равноправия и подъема финской письменной культуры. См.: [Клинге 1990: 78].

¹⁰ В фундаментальном этнографическом описании, состоящем из двенадцати глав, А. Альквист рассказывает о жизнеустройстве обско-угорских народов, отдельно выделяя такие темы, как: личные имена, топонимия, физический облик, брак, верования, исчисление времени, народное искусство. В дневниковых записях им рассмотрены самые разные сюжеты из быта хантов и манси, включая наблюдения о структуре питания, медвежьей культуре и шаманизме, народной драме и музыке. См.: [Ahlqvist 1883; Алквист 1999].

- Коккьяра 1960 — *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе. М., 1960. {*Cocchiara G.* History of folklore studies in Europe. M., 1960.}
- Левитская 2014 — *Левитская Л. С.* Историческая фонетика чувашского языка. Чебоксары, 2014. {*Levitskaya L. S.* Historical phonetics of the Chuvash language. Cheboksary, 2014.}
- Майков 1877 — *Майков Л. Н.* О древней культуре западных финнов по данным их языка: По сочинению д-ра Августа Алквиста «Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры». СПб., 1877. {*Maikov L. N.* About the ancient culture of the Western Finns according to their language: according to the Dr. August Ahlqvist's essay "Cultural words in the West-Finnic languages. Contribution to the history of ancient Finnish culture". St. Petersburg, 1877.}
- Мокшин 1993 — *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. {*Mokshin N. F.* Mordva through the eyes of foreign and Russian travelers. Saransk, 1993.}
- Хайду 1985 — *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. {*Hajdú P.* Uralic languages and people. Moscow, 1985.}
- Ahlqvist 1854 — *Ahlqvist A.* Bidrag till Finska språkforskningens histori före Porthan. Helsingfors, 1854.
- Ahlqvist 1856 — *Ahlqvist A.* Votisk Grammatik jemte Språkprof och Ordförteckning. Helsingfors, 1856.
- Ahlqvist 1857 — *Ahlqvist A.* Ensimmäinen ja toinen matka-kertomus // Suomi. 1857. S. 215—252.
- Ahlqvist 1859a — *Ahlqvist A.* Läran om Verbet i Mordvinskans Mokscha-Dialekt. Helsingfors, 1859.
- Ahlqvist 1859b — *Ahlqvist A.* Muistelmia matkoilta Venäjällä vuosina 1854—1858. Helsingissä, 1859.
- Ahlqvist 1861 — *Ahlqvist A.* Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis / Forschungen auf der Gebiete der Ural-Altäischen Sprachen 1. St.-Petersburg, 1861.
- Ahlqvist 1863a — *Ahlqvist A.* Om ungerska språkets förvandtskap med Finskan. Helsingfors, 1863.
- Ahlqvist 1863b — *Ahlqvist A.* Suomalainen runous-oppi kielelliseltä kannalta. Yliopistollinen väitöskirja. Helsingissä, 1863.
- Ahlqvist 1869a — *Ahlqvist A.* Valittuja Suomen kansan Sananlaskuja. Nuorisoa varten sana- ja asiaselitysten kanssa. Helsingissä, 1869.
- Ahlqvist 1869b — *Ahlqvist A.* Suomen kielen rakennus, vertaavia kieliopillisia tutkimuksia. I. Nominien synty ja taivutus. Suomalainen runo-oppi. Helsingissä, 1869.
- Ahlqvist 1869c — *Ahlqvist A.* Suomalainen murteiskirja tahi lukemisia Viron, Karjalan, Vatjan, Vepsän ja Liivin kielillä suomalaisten sanastojen kanssa. Helsingissä, 1869.
- Ahlqvist 1871 — *Ahlqvist A.* De vestfinska språkens kulturord. Ett lingvistiskt bidrag till Finnarnes äldre kulturhistoria. Helsingfors, 1871.
- Ahlqvist 1875 — *Ahlqvist A.* Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beiträge zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875.
- Ahlqvist 1883 — *Ahlqvist A.* Unter Wogulen und Ostjaken. Reisebriefe und ethnographische Mitteilungen. Helsingfors, 1883.
- Ahlqvist 1886 — *Ahlqvist A.* Tutkimuksia Kalevalan tekstissä ja tämän tarkastusta. Helsingissä, 1886.
- Ahlqvist 1890 — *Ahlqvist A.* Über Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1890. Vol. 7. S. 1—22.
- Ahlqvist 1891 — *Ahlqvist A.* Wogulische Wörterverzeichnis. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 2. Helsingfors, 1891.
- Ahlqvist 1894 — Aug. Ahlqvist's wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik / Hrsg. von Y. Wichmann. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 7. Helsingfors, 1894.
- Fewster 2006 — *Fewster D.* Vision of the Past. Nationalism and the Construction of Early Finnish History. Helsinki, 2006.
- Haltsonen 1954 — *Haltsonen S.* August Ahlqvistin ensimmäisistä keruumatkoista // Virittäjä. 1954. Vol. 58. S. 17—26.
- Haltsonen 1955 — *Haltsonen S.* August Ahlqvistin kansatieteellisestä tutkimustyöstä // Kalevalaseuran vuosikirja. 1955. Vol. 35. S. 105—121.
- Haltsonen 1956 — *Haltsonen S. A. J.* Sjögren ja kansatietous // Kalevalaseuran vuosikirja. 1956. Vol. 36. S. 204—222.
- Haltsonen 1958 — *Haltsonen S.* Reguli Antal vót gyűjtése 1841-ből // Nyelvtudományi közlemények. 1958. Vol. 60. Ol. 269—274.
- Haltsonen 1961 — *Haltsonen S.* August Ahlqvistin Vatjan ja Viron matkat v. 1854—1855 // Virittäjä. 1961. Vol. 65. S. 62—72.
- Itkonen 1961 — *Itkonen E.* Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta. Tietolipas. Vol. 20. Helsinki, 1961.
- Joki 1977 — *Joki A. J.* August Ahlqvist fennougristina // Kielen ja kulttuurin kentältä. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja. 1977. Vol. 25. S. 51—62.
- Kemiläinen 1989 — *Kemiläinen A.* Die Grundfaktoren des europäischen und finnischen Nationalismus im neunzehnten Jahrhundert // Finns and Hungarians between East and West. Helsinki, 1989. S. 57—74.
- Kohtamäki 1956 — *Kohtamäki I.* Ankara puutarhuri. August Ahlqvist suomen kielen ja kirjallisuuden arvostelijana. Helsinki, 1956.
- Korhonen 1986 — *Korhonen M.* Finno-Ugrian language studies in Finland 1828—1918. Helsinki, 1986.

- Liikanen 1995 — *Liikanen I.* Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja suomalaisen puolueen synty. Helsinki, 1995.
- Rapola 1952 — *Rapola M. M. A.* Castrén as a university teacher // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1952. Vol. 56. P. 13—18.
- Säkeniä 1863 — *Säkeniä.* Kokous runoelmia A. Oksaselta. Ensimmäinen parvi. Toinen lisätty painos. Kuopiossa, 1863.
- Schiefer 1988—1989 — *Schiefer E. F.* In memoriam August Engelbert Ahlqvist (1826—1889) // *Finnisch-Ugrischen Mitteilungen*. 1988—1989. Bd. 12/13. S. 291—301.
- Setälä 1905 — *Setälä E. N.* Dem Andenken Ferdinand Johann Wiedemann's // *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1905. Bd. 5. S. 1—10.
- Stipa 1990 — *Stipa G. J.* Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 206. Helsinki, 1990.
- Tervonen 1985 — *Tervonen V.* 19th-Century Pioneers of Cultural Relations // *Friends and Relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations*. Budapest, 1985. P. 52—98.
- Vuorela 1957 — *Vuorela T.* The Finnish Literature Society // *Studia Fennica*. 1957. Vol. 7. P. 3—15.
- Vuorela 1977 — *Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920. Helsinki, 1977.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >